

Ирмата Арьяр

Тирра. Невеста на удачу,
или Попаданка против!

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Юная Тиррина бежит из-под венца, не желая становиться игрушкой в руках опекуна и очередной жертвой жениха, графа Дэйтара. Личность последнего внушает девушке ужас: псих, некромант и чернокнижник, таинственный Черный Ворон его величества сгубил уже трех невест. И Тирра совсем не хочет проверить на себе, окажется ли она удачливее предшественниц. Будь ее воля — она сбежала бы не только из-под венца, но и из мира. Ведь на самом деле она — земная девчонка, студентка иняза Тамара Коршунова. Но для того, чтобы вернуться домой, нужно понять, какие силы и с какой целью играют ее душой.

- [Ирмата Арьяр](#)

- - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Эпилог](#)
-

Ирмата Аръяр
ТИРРА. НЕВЕСТА НА УДАЧУ, ИЛИ
ПОПАДАНКА ПРОТИВ!

Глава 1

БЕГЛАЯ НЕВЕСТА

— Тир-рра! — Оглушительный мужской рев сотряс стены дома.
Боже, боже!

Сняв туфли и еле удерживая их в руке, я почти скатилась по лестнице, едва не свернув себе шею.

— Стоять! — рывкнуло позади, всего лишь этажом выше. И громыхнуло. Очень сильно громыхнуло. И запахло паленым.

Боже, он сейчас меня убьет! Точно убьет!

От ужаса я выронила одну туфлю. Возвращаться не стала, перехватила за носок вторую — сойдет за молоток. Буду драться.

Светлые небеса, я с ума сошла! С ним?

Придерживая одной рукой подол платья, я летела по коридору, попутно цепляя каблук обуви, как крючком, рыцарские доспехи и высокие вазы и роняя их на пол. Преследователю хоть какое-то препятствие. Судя по ругательствам — существенное.

Бам-с, бум-с, брям-с... Погибать, так с музыкой!

Завернула за угол. Вот и дверь бокового входа замаячила впереди светлым прямоугольником. Приоткрытая. Спасибо, Небо! Никто не успел захлопнуть дверь за последние полчаса, прошедшие с тех пор, как я ее собственноручно открыла. Замечательная планировка у дома — со всех четырех сторон есть выходы. Парадный, задний для челяди и кухонных нужд и два крыльца с торцов — в сад и к конюшням. Я бежала к выходу в сад.

— Тир-ррра! Стой, дрянь! — рычало уже совсем близко.

Не успею. Жаль.

Размахнувшись, я со всей силы швырнула туфлю во входную дверь и одновременно уронила бронзовую стойку для зонтов с торчащей оттуда метлой. Она очень удачно снесла пятирожковую вешалку и создала баррикаду. Треск дерева и лязг металла заглушил стук каблука о дверное полотно.

Дверь от удара распахнулась настежь, туфелька осталась лежать на крыльце, а я юркнула в неприметную дверку гостевого гардероба, тихо прикрыла ее за собой и зажала обеими руками рот, чтобы хоть как-то заглушить шумное дыхание. Не дура же я, чтобы в свадебном платье по

саду бегать, тут же в ветках юбками запутаюсь. Мне и лестниц с коридорами хватило. Сказывалось долгое отсутствие тренировок — сердце выпрыгивало, в глазах темнело.

Бег преследователя оборвался у самой двери.

— Тирра! Проклятье! Меррзавка!

Ругань, лязг и треск — это он баррикаду расшвыривал. Потом раздался удаляющийся грохот сапог. Спасибо, Светлые Небеса, спасибо!

Во двор выскочил. А там есть где мне теоретически спрятаться: кусты, беседки.

Колодец для полива.

Может, я утопиться решила с горя. Могу ведь? Запросто. Вчера так всем и заявила, когда истерику закатывала за ужином: «Утоплюсь, а замуж за это чудовище не пойду! Сами идите, если надо!».

— Ти-ир-рра! — Еще один вопль снаружи. По саду бегают. — Вернись немедленно, все равно найду! Хуже будет!

Ага, ага. Жди.

Я вытащила из изящного кружевного кошелька, привязанного к поясу, украденный утром ключ (чтобы никто не закрыл мой запасной вариант бегства), осторожно повернула в замке и тут же вынула, чтобы в замочной скважине не торчал. Не дураки тут живут. Мерзавцы, негодяи, деспоты, но не дураки.

Потому других способов избавиться от них не было, кроме сумасшедшего.

И пока все шло удачно.

Никто не догадается искать меня тут. Гостевая гардеробная летом — самая бесполезная комната в доме. Разве что зонты сушить пригодится да ковры сюда сносят и складывают, чтобы выбить пыль. В остальное время года слуги уносят сюда плащи, шубы и капоры наших бесчисленных гостей. Когда мой опекун барон Гинбис и его престарелая мамаша дают званые ужины, к нам съезжается весь высший свет.

На мои деньги едят и пьют, сволочи. Ну, как на мои... на деньги Тиррины Барренс, единственной наследницы погибшего графа Ларса Барренса и его жены. Их дети погибли в той же катастрофе. Все.

Кроме Тиррины.

После катастрофы пятнадцатилетняя Тирра потеряла прежнюю красоту, память и магию. Бедняжка уже не могла обучаться в закрытой магической Школе Ока и ее отчислили, а единственные дальние родственники быстренько закогтили богатую, но больную и слегка помешанную сироту, выхлопотали у короля опекунство и вселились в

столичный дом покойного графа Барренса.

И никто не знал, что и средняя дочь Тиррина погибла вместе с родителями. А в ее теле немислимым образом оказалась я, Тамара Коршунова, дочь преуспевающего бизнесмена и студентка второго курса инфака.

Я до сих пор не могу вспомнить ничего, что произошло со мной на Земле и поспособствовало перемещению. Ни единой зацепки. Помню только, что я спала дома, в своей постели, и проснулась, чтобы пойти в туалет, открыла дверь своей комнаты... и оказалась в лечебнице другого мира.

Год я прожила прикованной к постели в чужом искалеченном теле и думала, что свихнусь или сдохну.

Выжила.

Научилась притворяться. Молчать. Ненавидеть. Запоминать.

Благодаря развитой памяти и умению заучивать полсотни слов в день, я и освоила так быстро местный язык. Хуже оказалось с терминами чужих реалий, культурой и этикетом, но никто не требовал прежнего блестящего ума от девушки, чудом уцелевшей и потерявшей память после страшного магического удара и пожара в фамильном особняке. Потеря памяти — удобнейшая отмазка на все случаи жизни во всех мирах.

Но не панацея от всех бед, главной из которых оказалась семейка Гинбисов.

— Тирра! — разорвался барон в моем саду.

Сердце колотилось в груди так сильно, что впору опасаться перелома ребер изнутри. Боже, какие глупости в голову полезли! Значит, все в порядке, можно расслабиться, и мозг первым сигнализирует, что опасность миновала. Два-три часа самозаточения в пыльном карцере, и я свободна.

Бракосочетание отменяют. Не будет же столько часов ждать невесту жених и приглашенные высокие гости.

Я прислушалась. С улицы доносился гвалт, по коридору пробежал еще кто-то.

— Что происходит, Ирвин? — Визгливый голос старой баронессы разносился из фойе на весь дом. — Где эта дрянь? Мы уже жаждались!

Это чудо, что все — и носатая гувернантка, и баронесса с компаньонками — ждали меня у парадного входа, и все любопытствующие слуги там же собрались. А я, улучив момент, когда все домочадцы вышли проводить невесту, сделала вид, что забыла маменькин фамильный кулон и

поднялась к себе. А там ринулась к лестнице в сад.

Если бы не мерзкий опекун, получилось бы сбежать.

Да и сейчас церемония считай сорвана.

Не повезут же меня выдавать замуж такую растрепанную, босую, в разодранном платье. Проще признать, что невеста сошла с ума или слегла в горячке от счастья, все меньше позора семейству.

Представляю, какие сплетни поползут. И предвкушаю, как будет бледнеть и кривиться старая баронесса.

Паучиха.

Это ее мечта — если не убить, то ограбить и как можно выгоднее продать троюродную племянницу. Хотя какая я ей племянница?

Я — Тамара Коршунова, три года назад я попала в тело пятнадцатилетней дочери графа Барренса. Это надо помнить.

Я выдохнула, страх и азарт медленно отпускали меня. По виску стекала капелька пота.

Жарко. А я дева нежная, мне в обморок полагается падать, а не гонки с опекуном устраивать. Хорошо, окно приоткрыто, даже решетка поднята.

— Где эта мерзавка малолетняя? — зычно орал мой опекун. — Найдите мне ее! Она не могла никуда ни убежать, ни спрятаться! Не в колодец же бросилось это отродье гварки. Проверьте колодец!

— Лестницу! Лестницу несите! — раздался вопль. Только у нашего садовника такая луженая глотка.

Я улыбнулась. Кроме горничной Лисси еще старый садовник Бер посвящен в мой план и затянет поиски как можно дольше. Наверняка ни одной пригодной лестницы в хозяйстве не найдется.

А в колодце простыня белая должна плавать, свадебное платье утопленницы изображать. Час назад горничная туда бросила и шелковую простыню, и большой лоскут тюля. Даже если простыня утонула, клочок тюля вполне сойдет за фату. Барон, конечно, горничную допросить может, но Лисси — кремень. Не предаст. Она уже три года меня жалеет и покрывает, с тех пор как родители Тиррины погибли и сорокалетний вдовец, барон Гинбис, назначен королевским указом моим опекуном.

Он бы и сам на мне женился из-за приданого, если бы не прямой запрет местного короля. Дай Небо его величеству долгих лет и здоровья!

Я с наслаждением опустила прямо на пол, вытянула ноющие от бега ноги, поправила роскошные, кое-где порванные кружева платья. Пусть мнутя и пачкаются в пыли. Пусть. Не жалко. На мое наследство куплены. Гинбисам меньше достанется.

Когда я по привычке расправляла складки, залюбовалась помолвочным

кольцом, переданным мне вчера от жениха. Огромный и баснословно дорогой бриллиант так ярко сверкнул в луче солнца, что я перепугалась, как бы кто снаружи не заметил. Повернула перстень камнем вниз. Очень неудобно, но потерплю.

Даже страшно представить, каким был бы камень на венчальном кольце. С куриное яйцо? Хорошо, что я этого не увижу.

Как и самого жениха.

О предстоящей свадьбе я узнала вчера за обедом.

— Дорогая, с днем рождения. А у нас для тебя подарок! — ехидно улыбнулась баронесса, делая знак сыну. — Ирвин, сыночек, вручи ей.

Гинбисы никогда ничего мне не дарили за три года, потому я напряглась. И не зря. Опекун поднялся из-за стола и положил передо мной коробочку и лист гербовой бумаги.

— Сегодня тебе исполнилось восемнадцать, Тиррина, — с некоторой даже торжественностью сообщил он. — Ты вошла в брачный возраст и завтра выходишь замуж.

И навис за плечом, огромный, как медведь. Он ужасал размерами и непропорционально маленькой головой с лысым черепом и выдвинутой вперед челюстью с мощным подбородком. На человека он походил столь мало, что бродили слухи, будто графиня изменяла мужу с *гобри*, как называлось племя «скальных людей», из которых обычно нанимали охрану для устрашения грабителей. Только у нищих Гинбисов нечего было грабить, пока Ирвин не стал моим опекуном.

— Как — замуж? — Сердце упало в пятки. — Уже? За кого?

— О, это блестящая партия для такой невоспитанной уродливой дикарки! — оскалилась старуха, сидевшая напротив меня за столом.

За три года можно было бы привыкнуть к тому, что она каждый день пытается втоптать меня в грязь по любому поводу, но самый излюбленный ее конек — мое «уродство». Ослепительная Тиррина, уже в пятнадцать лет считавшаяся чуть ли не первой красавицей королевства, после пожара получила такие ожоги, что все ее завистницы теперь злорадно ухмылялись.

За три года магического лечения на теле не осталось почти никаких следов, хотя, как мне рассказывала Лисси, моя кожа еще не вернула былое сияние и нежность.

Светлое Небо, о каком сиянии мечтать, если не исчезло главное — необычный след на лице, не сводимый никакой магией! Именно из-за этого ожога каждая престарелая тварь шипела о моем уродстве.

Их бы в наш мир отправить всех скопом, прямиком в салон тату. Тогда

бы они поняли, что красота — это всего лишь мода. Мне, Тамаре Коршуновой, охряный след странного ожога даже нравился.

Больше всего он походил на изящную татуировку невиданного хищного цветка-спрута. Необычный «вьюнок» с зазубренными остроконечными листьями-щупальцами уселся на правом виске и пустил жадные щупальца к брови и на скулу.

Правда, никто, кроме меня, не узнавал в ожоге растение, а видели лишь безобразное, как спрут, пятно. Горничная Лисси говорила, что иногда ей кажется, будто «щупальца» шевелятся, и это вгоняло ее в такой страх, что девушка роняла расческу.

«Вьюнок» жил своей жизнью. Иногда ожог невыносимо зудел, чуть-чуть подрастал или, наоборот, уменьшался в размерах. Иногда кожу на правом виске стягивало холодом или обдавало жаром. Рисунок веточек слегка менялся, выползал то на лоб, то на скулу. И это пугало — не хотелось, чтобы лицо превратилось в подобие карнавальной маски.

Целители только руками разводили — никогда с таким не сталкивались. И как избавиться от устрашающего украшения, которым не пристало щеголять благородным девицам, не знали. Единственное, что они могли рекомендовать, — носить маску. Они бы еще паранджу мне предложили!

Я не прятала ожог, а всячески демонстрировала и требовала у Лисси, чтобы она мне забирала волосы в пучок.

— Мой ожог не уродливее, чем ваши морщины, тетушка, — парировала я. — А что до воспитания, то мне просто не с кого брать пример за этим столом.

— Тварь! — взвизгнула баронесса.

Потеряв к ней интерес, я повернулась к опекуну. Всегда садилась за стол так, чтобы этому безмозглому шкафу портил аппетит мой «вьюнок».

— Я задала вопрос, на него никто не ответил. За кого вы выдаете меня замуж, братец? Какой дурак позарился на «уродливую невоспитанную дикарку»? Надеюсь, он достаточно богат и знатен?

По квадратной морде Ирвина поползла не просто злорадная, а какая-то плотоядная усмешка.

— Не беспокойся, сестрица. И богат, и знатен. Так богат, что ему чихать на твое приданое. Наследство графа Барренса останется под моим управлением до твоего совершеннолетия, а это еще три года, дорогая. Примерь колечко.

Опекун раскрыл коробочку, и алмазные блики, казалось, осветили всю столовую. Баронесса алчно всхлипнула и подалась вперед, челюсть ее

задрожала, а в хриплом стоне прозвучало неподдельное сладострастие:

— О-о-о!

— Не похоже, что бриллиант настоящий, — с подозрением прищурилась я. Такими огромными в моем представлении могли быть только дешевки-фианиты в вульгарных подделках.

— У камня есть магический сертификат, — обиделся опекун, словно сам выбирал это ужасное кольцо, и даже продемонстрировал бирку, которая переливалась маленькой радугой.

Я залюбовалась биркой больше, чем помолвочным кольцом. Сколько живу в этом мире, все не могу привыкнуть к маленьким чудесам. Да и где мне привыкать? Сначала больница, потом затворничество в особняке...

— Примерь, — щедро предложил опекун, а глаза подозрительно сощурились.

— Ну а имя и родословная у жениха есть? — Я отдернула руки и спрятала их за спиной.

— Есть. — Ирвин поморщился, как от зубной боли. — Тебе оказал честь предложением руки и... э-э-э...

— Сердца, — подсказала баронесса.

— Терпеть не могу ливер, — пробормотала я, заслужив ее гневный взгляд.

— Руки... — запутался барон. — Уймитесь, женщины! Тирра, ты выходишь замуж за графа Орияра.

В правый висок словно впилося ядовитое жало — такая боль пронзила голову. В глазах помутилось. Я ухватила за край стола, чтобы не упасть.

— За какого еще Орияра?

— Она же у нас больная на голову, Ирви, — проскрипела старуха. — Не помнить знатнейшую фамилию королевства — это уму непостижимо! Таковую же древнюю, как королевская! Граф Дэйтар Орияр...

— Подождите! — Я прижала ладонь к взорвавшемуся пульсирующей болью виску.

Обрывки чужой памяти вспыхивали как оглушительные и ослепительные фейерверки. Граф Дэйтар Орияр. Маг. Владелец Черного Ока. Некромант.

Некромант! Боже, боже!

И что-то еще... Что-то такое, от чего сердце разрывается от ужаса и обреченного отчаяния. Орияры — Черные Вороны, сидящие на спинке трона. Тайные убийцы, охраняющие спину короля от тварей Изнанки. Ловцы, судьи и палачи в одном лице.

И еще словно кто-то пытался прорваться сквозь царивший в голове гул

и сказать что-то важное. И не мог.

Каркала баронесса:

— Дэйтаррр! Орриярр! Гррраф! Как можно не знать Воррона Корроля?!

Каркал барон:

— Бррачный договорр!

Кружились стайкой черные точки в глазах.

— Что? Какой договор?

Опекун, больно сжав предплечье, схватил мою руку, вложил в пальцы перо и подвинул пергамент.

— Брачный договор! Подписывай!

— Почему Ориар? — выдавила я.

— Приказ короля, — припечатал Ирвин.

И ловко прикрыл салфеткой убористый текст листа, оставив только узкую полоску в самом низу для подписи.

Я не пыталась вырвать руку, бесполезно. С его силищей тролля он и сломает — не заметит. Просто разжала пальцы, и перо выпало, испачкав кляксой драгоценный, из тончайшей тисненой кожи документ.

Барон процедил сквозь зубы:

— Дура. Я хотел как лучше. По закону твоей подписи и не требуется, но твой женишок возжелал удостовериться, что невеста ознакомлена.

— Я не ознакомлена.

— И не надо. Не твоего ущербного ума это дело. Уж я твоей, а значит, моей выгоды не упущу, — ухмыльнулся мой мучитель и, взяв серебряный нож, которым я еще не успела воспользоваться, провел острием по моему пальцу.

— Ай! — заорала я, пытаюсь вырвать несчастную конечность.

Старуха, вытянув шею, чтобы получше видеть происходящее, облизнулась. Людоеды!

Опекун размазал по подушечке моего пальца выступившую капельку крови и быстро прижал к документу. Оттиск вспыхнул алым огоньком и намертво впаялся в пергамент, даже рельеф проступил.

— Вот и все. — Отпустив меня, барон свернул проклятый договор в рулон и спрятал за пазуху. — Магическое освидетельствование пройдено, твое согласие принято, королевская канцелярия, считай, оповещена.

В принципе, моего согласия по закону и не требовалось в брачном договоре, тогда зачем оно? Какой документ меня заставили подписать? По алчному и торжествующему взгляду баронессы я поняла: для меня все очень плохо. Ограблена и продана.

— Я не согласна! — с ненавистью прошипела я, потирая ноющую руку. — Я против замужества, кандидатуры Орияра и... и...

И вообще, против всего этого странного мира. Домой хочу. Господи, как же я хочу домой!

— Поздно, сестрица, — радовался троюродный брат Тиррины. — Вечером доставят свадебное платье и прочую дребедень. Сам король взял на себя расходы.

— С чего бы это?

— Иногда твоя потеря памяти только во благо, — хихикнула баронесса.

Мать с сыном переглянулись и промолчали, мерзко усмехнувшись. А мой правый висок опять обожгло: татуировка пошевелилась. Меня замутило; такое ощущение, что «вьюнок» пытался прорасти вглубь, прямо в мозг. Отвратительнейшее ощущение. И от шепота, прозвучавшего в голове, я уловила только одно слово: «Опасно!» Как будто я и без того не знаю, что опасно.

Каждый мой день за три года в этом мире — хождение по краю лезвия.

Родственнички с радостью убили бы меня, чтобы завладеть моим состоянием, или заперли в лечебнице для душевнобольных, но отец Тиррины оказался предусмотрительным: в этом случае наследство перейдет королю или больнице, и моих денег этой семейке никогда не видать. О, если бы граф еще догадался назначить Тирре в завещании нормального опекуна!

Моя единственная надежда была — сбежать и подать прошение королю. Оно еще ночью написано, омочено слезами и спрятано под корсетом. Остается добраться до дворца, а в этом мне Бер и Лисси помогут. Но как быть, если сам король выступил в роли свата? Зачем ему женить графа Орияра, одного из самых приближенных к трону сановников и магов, на лишенной магии, изуродованной девчонке? Других невест не нашлось?

Какое-то смутное воспоминание пыталось достучаться до моего возбужденного ума. Чужое воспоминание.

Только вечером, когда уже было примерено и унесено для подгонки изысканное свадебное платье, я сумела расспросить Лисси о женихе.

И мои мрачные предчувствия оправдались.

— Какой ужас! — воскликнула горничная, перестилавшая в этот момент мою постель. — Только не граф Орияр!

— Почему? Он стар? Уродлив?

— А вы совсем ничего не помните?

Я бросила на ее отражение гневный взгляд, сидя у зеркала, где тренировалась в искусстве гримирования, рисуя себе куда более ужасные ожоги, чем вполне симпатичный «вьюнок». Если бы помнила, разве спрашивала бы?

— Он не стар, миледи. Ему двадцать четыре всего лишь. Осенью исполнится двадцать пять. Ваши отцы были дружны, и молодой Дэйтар, тогда еще виконт, часто бывал в вашем доме и тут, в столице, и в поместье. И вы всей семьей, бывало, гостили в доме Орияров. Мы, слуги, тоже знакомы были между собой. Жаль, что вы ничего не помните.

У Лисси привычно выступили слезы на красивых карих глазах. Она всегда плакала, вспоминая тот день, когда погибла семья ее хозяев, а сама она чудом уцелела — лишь потому, что накануне ей дали выходные из-за болезни ее тетушки. Я вздохнула. Плакать у меня не получалось, а вот тосковать по родителям, подругам и потерянному комфортному и безопасному миру... Вздолтанная Лисси промокнула глаза уголком наволочки, ойкнула и, бросив на меня виноватый взгляд, помчалась за свежим бельем.

Вернулась она очень быстро и, едва переведя дух, продолжала:

— Очень уж крепко они дружили, всем на удивление. Никто не мог понять, что связывает Черного Ворона его величества и вашего батюшку, очень уж они разные были. Они даже сговорились породниться: женить виконта на вашей старшей сестре, когда леди Даиссия и лорд Дэйтар достигнут брачного возраста, а виконт закончит эту вашу магическую школу и будет инициирован как маг. Ровно за год до катастрофы это было. Но молодой виконт отказался, даже из дома сбежал. Ох и скандал был! А уж как наша красавица Даиссия ревела! Это же позор! Вам тогда и четырнадцати еще не исполнилось, а вы так гневались, аж искры летели — так переживали за бедняжку. И при всех поклялись... — Служанка осеклась, кинула быстрый взгляд на меня и прикусила губу, явно жалея, что сболтнула лишнее.

— И в чем же я поклялась? — как можно равнодушнее спросила я.

— Да так, глупости всякие говорили, уж простите, ваше сиятельство.

— Лисси!

— Вы поклялись, что Даиссия всем назло будет счастлива, — невнятно пробормотала Лисси и отвела взгляд.

Эх, Тиррина... На Светлых Небесах твоя сестра наверняка счастлива...

— Я любила старшую сестру, — кивнула я. Не потому, что помнила, а потому, что знала от других, какая она была.

Моя горничная за три года успела многое рассказать о жизни и

чувствах Тиррины, а другие графские слуги, кто уцелел и осмелился остаться, подтверждали ее слова. Правда, таких было немного, в основном те, кто служил в городском особняке, а не в загородном поместье, где произошла катастрофа.

— Вы всех любили, миледи. Ваше сердечко всегда было большим, добрым и открытым даже простым слугам. И вас мы все любили, а, особенно ваши батюшка и матушка души в вас не чаяли. Маг-универсал не часто рождается в Риртоне, и говорили, что вы станете лучшей выпускницей школы. И молодой король вам благоволил, всегда вашего батюшку спрашивал о вашем здоровье, граф рассказывал. Вам прочили такую карьеру, какую и знатному мужчине сложно сделать. Гордость семьи! — Лисси вздернула нос, словно речь шла о ней самой.

Мне стало горько. Не за себя, Тамару Коршунову, которая никогда не знала магии, а за Тиррину. Ясно, что ее семья была очень честолюбива. Любили ли они саму девочку или только будущие звезды на ее мантии мага?

Когда я поняла, чье тело заняла моя душа, было жаль, что дар Тирры оказался выжженным после катастрофы. Магия избавила бы меня от опеки Гинбисов, им никто бы не доверил одаренную девочку — ни школа, ни король. И замуж меня нельзя было бы выдавать, пока не исполнится двадцать один — возраст полного раскрытия и контроля мага. Да, жаль, что моя душа землянки до сих пор была невосприимчива к тонким силам этого мира.

— И когда Дэйтар стал графом? — спросила я.

— Так в ту же ночь, как и вы стали графиней, миледи, — тяжело вздохнула горничная. — Говорят, его отец скончался от сердечного приступа в собственной постели и титул перешел к его единственному наследнику. Подумать только, молодому лорду как раз исполнился двадцать один год, вечером отметили совершеннолетие, а наутро такая трагедия...

Удивительное совпадение, и оно мне не нравится.

Так не нравится, что в правый висок снова болезненно кольнуло. «Вьюнок» сегодня озверел.

— Эти смерти как-то связывают? — спросила я.

— Нет, но... — Лисси опять стрельнула глазами в сторону двери. — Я вот думаю, почему молодой граф ни разу не навестил вас за три года? Он же, я слышала, в школе опекал вас, как старший. А уж когда вы из неуклюжего длинноногого цыпленка в девушку стали превращаться, у вас кавалеров полкурса было. Вы сами мне рассказывали. Ой, и озорная вы были, до того как... — Горничная, скользнув по моему разукрашенному

лицу взглядом, снова всплакнула. На этот раз у нее в кармашке передника нашелся носовой платочек, и наволочка не пострадала. — Так вот, молодой виконт всех ваших ухажеров гонял и в хвост и в гриву. Он же некромант, да на пять лет старше, да умен и силен не по годам. Его там боялись все, кроме вас.

Бедняжка Тиррина, посочувствовала я бывшей хозяйке моего нового тела. В моей школе учился старший брат моей закадычной подружки, так это был ужас, когда он взял надо мной «шефство». После уроков не провожал, слава мирозданию, но на каждой перемене в класс заглядывал — проверял, жива ли. Ко мне никто из мальчишек-сверстников и подойти не осмеливался. А он относился ко мне как к болонке своей младшей сестры. Вот тоска-то была. И не думаю, что у Тиррины и Дэйтара были другие отношения: слишком велика разница в возрасте. Это потом она сокращается с каждым годом, а десять и пятнадцать или тринадцать и восемнадцать — это разные эпохи. Дитя и дядя.

— Мы с дедушкой Бером ждали, что он этих Гинбисов на место поставит, — еле слышно прошептала Лисси. — Но граф ни разу не приехал. Хотя я не знаю, приходил ли он к вам в лечебницу.

— Там много кто приходил, Лисси, я всех не запомнила. Особенно в первые дни, когда я очнулась и меня допрашивали королевские дознаватели.

Я не хотела вспоминать те дни, очень уж они были тяжелыми, да и смешалось все в сплошную полосу ужаса, растерянности и боли.

Больница — жуткое место в любом мире. Единственную наследницу графа Барренса лечили не дома, и дело не только в скупости Гинбисов, наложивших лапу на мое состояние. Лечебницы в этом мире всегда строились поблизости от источников силы и были оснащены стационарными магическими капсулами для самых тяжелых случаев. Там даже королей лечили. В особых палатах, конечно.

— Но все это не проясняет, почему «только не граф Ориар», Лисси, — припомнила я ее категоричный тон. — Лисси, почему я должна вытаскивать из тебя правду клещами?

Горничная уже застелила постель, взбила подушки и заботливо откинула угол стеганого одеяла. Меня прошиб неожиданный озноб: может статься, это последняя ночь, которую я проведу в этой постели. За три года я уже привыкла и к особняку, и к моим покоям из четырех комнат — будуара, спальни, гардеробной и уборной. Даже больше личного пространства, чем в папином коттедже, только без центрального отопления и вай-фая.

— Даже черствость Дэйтара Орияра не причина, чтобы мне бояться этого замужества. И разве в королевстве есть закон, по которому девушка не может выйти замуж за несостоявшегося жениха своей сестры? — допытывалась я. — Что я еще не помню, кроме клятвы?

Горничная снова тяжело вздохнула, покосилась на дверь, словно нас могли подслушать за толстенным дубовым препятствием.

— Не велено мне говорить, миледи. Эти стервятники надеются, что вы ничего не знаете. Они же правды никогда не скажут.

— Лисси. Ты не им служишь, а мне.

И горничная решила.

— После того как молодой Дэйтар отказался жениться на вашей сестре и уехал куда-то за границу, якобы на обучение, от него отстали. Но после смерти его отца за дело взялся сам король, и приказом принудил его жениться на другой знатной девушке, невзирая на траур. Тогда вся столица судачила: виданное ли дело! Но храм благословил. Видать, причина была. Обручились летом, в точности в эти же дни, как вас собираются обручать. Молодая, как полагается, уехала в его родовой замок, а осенью умерла.

Рука у меня дрогнула, и я заехала кисточкой себе в глаз.

— Ох!

— Бедняжка даже не дожидается до консур... консут... Ох, вылетело у меня, каким хитрым словечком последний этап магического бракосочетания называется.

— Консумация?

— Да-да, оно самое! Смотрите-ка, вспомнили! — расплылась в улыбке молодая женщина.

Еще бы знать, чем отличается магическое бракосочетание от обычного! Может, под консумацией подразумевается не только первый секс между супругами?

— И с тех пор каждый год его женят, — вздохнула Лисси. — А бедняжки не доживают до конс... ну, до того, чтобы из нареченной стать настоящей женой. Даже предположить невозможно, какой рок их преследует. Сгубить вас решили эти окаянные Гинбисы! — всхлипнула Лисси. — Ведь если вы умрете от руки мужа, когда они не несут за вас ответственности, то по завещанию наследство ваше у них останется! Не удивлюсь, если они сами предложили вас королю как невесту.

— Подожди... — Я промокнула глаз, аккуратно нанесла хной точки красной «сыпи». Лисси уже смотреть не могла на то, что я вытворяю с лицом. — То есть три девушки погибли, а этот мерзавец до сих пор не в тюрьме? И король не осудил его за убийства?

Горничная подсела ко мне ближе, взяла щетку для волос, чтобы помочь мне с косой.

— Так это слуги шепчутся, не доказано, что сам граф их убивал, — проговорила она еще тише. — Да и видели люди только закрытые гробы. Тайна, покрытая мраком, что с несчастными произошло, и говорят, даже маги не могут доказать причастность графа либо сам король покрывает преступления своего любимца. Потому все помалкивают.

Холодок ужаса коснулся спины. Я поежилась. Как ни заманчива была возможность выйти из-под опеки Гинбисов, но не такой же ценой!

— А как же отцы его жен? — спросила я. — Они тоже молчат, правды не ищут? Не все же были круглыми сиротами, как я?

— Все, миледи. И только первая его жена была из титулованных дворянок, а две — простые горожанки. Король разрешил Черному Ворону даже мезальянс, лишь бы женить его. Из ровни-то никого не заставишь, дураков нет. И богатства никакие не нужны, жизнь-то дороже. Вот только Гинбисы рады-радешеньки.

— Какой ужас! Спасибо, Лисси. Ни за что не выйду за него!

Вот так возник наш маленький заговор.

Но даже если бы Лисси не рассказала мне кошмарные сплетни о королевском некроманте, мне хватило бы утреннего происшествия, чтобы бежать от алтаря без оглядки.

Наряд привезли утром.

Изысканное платье цвета слоновой кости — кружевное, с атласной подкладкой, — доставили рано утром вместе с диадемой, покрывалом, туфельками, перчатками и шкатулкой с нежным жемчужным комплектом, полагавшимся юной невесте по этикету.

Платье снова примерили, и оно село идеально по фигуре — видимо, не обошлось без магии, иначе такая скорость необъяснима.

А за час, пока меня причесывали служанки, перевивая волосы жемчугами, оно истлело.

Как саван, пролежавший в земле вместе с трупом.

На манекене висели почерневшие, пахнущие затхлостью обрывки кружевной ткани, когда-то составлявшие мой свадебный наряд. Визгу среди служанок было столько, что я едва не оглохла, а моя решимость бежать от жуткого замужества любой ценой окрепла.

Гинбисы, скрипя зубами, отправили гонца к королю, а еще одного посыльного — в ближайшую модную лавку за новым платьем для невесты. Этого часа и общей суматохи нам с Лисси и Бером хватило, чтобы усовершенствовать наш придуманный ночью план бегства.

Увы, глаз с меня не спускали до самого отъезда, и бежать не удалось. Зато, кажется, удалось спрятаться и сорвать церемонию...

Пока я вспоминала мое вчерашнее унижение и отчаяние, шум на улице усилился — от парадного все домочадцы перебрались в сад.

Я не меньше двух часов просидела в пыльной гардеробной, прислушиваясь к беготне по дому и суете в саду, где сначала ожидали исчезнувшего садовника Бера, потом пытались вытащить из колодца простыню и тюль подручными средствами, а когда не получилось, кто-то сообразил отремонтировать сломанную лестницу и начались поиски молотка и гвоздей.

Домочадцам, в отличие от меня, скучать не приходилось.

Я кое-как расшнуровала и стащила с себя платье и кринолин, переоделась в скромную серую одежду служанки, припрятанную среди ковров. Спрятала свадебную рваную роскошь туда же, в ковер, свернув его рулоном. Не сразу найдут.

Надела старенькие кожаные башмаки на голую ногу — все лучше, чем босиком. Расплела сложную прическу и натянула крестьянский головной убор — что-то среднее между чепчиком и колпаком. Сразу стало еще жарче.

Загримировалась на ощупь: в гардеробной не было зеркала. Надеюсь, вчерашняя тренировка не прошла даром. Теперь «вьюнок» был скрыт за толстым слоем белил, нарисованной сыпи и размазанной по щеке саже. Ватные валики за щеками изменили овал лица — родная мать не узнала бы Тиррину, да еще и одетую в балахон прислуги.

Трижды повторила в уме таблицу неправильных английских глаголов, поизучала жизнь местной фауны — паучков, мух и комаров. Пару раз в открытое окно залетали бабочки и пчелы. И одна настырная оса. Я терпеливо, не смея пошевелиться, сидела, пока насекомое ползало по свеженапудренной щеке.

И вдруг за окном раздались истошные крики и оглушительный визг.

Глава 2

КОЛОДЕЦ С НАЧИНКОЙ

Любопытство сгубило кошку, гласит мудрая земная поговорка. Мне бы ее помнить, ан нет. Я бросилась к окну, но с непривычки к чужой и неудобной обуви споткнулась о рулон ковра, куда в спешке спрятала платье, диадему и прочие драгоценности вместе с помолвочным кольцом.

Я упала и едва не расквасила себе нос. Рулон, ставший из-за моих юбок и кринолина толстым и рыхлым, слегка развернулся, показали белые кружева. Поправлять не стала, — визг не утихал, любопытство тоже, но я встала за портьеру так, чтобы не слишком было заметно снаружи.

К счастью или нет, комната была угловая и окно выходило в сад. Благоухание лилий, цветущих прямо под ним, пропитывало сложенные в гардеробной вещи не хуже баснословно дорогих духов. Отсюда хорошо был видна вымощенная площадка с каменным колодцем, снабженным колесом с ведром на цепи.

Вот и мою занавеску обнаружили, — ухмыльнулась я, увидев толпу, окружившую колодец.

Странно. Не могут два клочка ткани вызвать таких криков и визгов.

— Ой-ой-ой! Что теперь будет! — причитала наша кухарка.

— А-а-а-а! — визжали баронесса с моей гувернанткой медам Зисдрис.

— А ну, тихо! — гаркнул возвышавшийся над толпой Ирвин. — Отойдите подальше! Бер, вытаскивай и клади ее сюда!

Барон махнул рукой, указывая на любимую клумбу баронессы с королевскими лилиями.

Толпа отхлынула, расступилась, и я увидела старого Бера, с печатью ужаса на лице тащившего из колодца чье-то тело. Женское, судя по очень длинным, темным от влаги волосам, корсажу и облепившей ноги юбке. Тоже очень длинной. Бер, кряхтя, уже вылез из колодца по лестнице и тащил тело на указанную клумбу, а юбка все не кончалась. Голову женщины закрывала моя тюлевая занавеска.

— Не сюда! — заорала баронесса еще громче и показала на мощенную камнем дорожку. — Вон туда!

Бер послушно протащил утопленницу еще метра два, а серебристая юбка тянулась и тянулась из колодца бесконечным шлейфом.

Люди начали пятиться, заподозрив неладное.

И вдруг одновременно произошло две вещи: налетевший порыв ветра откинул занавеску, а юбка вытянулась из колодца змеиным жгутом и шлепнулась наземь с таким звуком, словно грохнулась тяжеленная рыбина.

Первый миг на это никто не обратил внимания — все взгляды сосредоточились на лице утопленницы.

— Светлое Небо, это же дочка конюха Аннель! — ахнула толстушка-кухарка. — Помните, пропала месяц назад? Говорили, что сбегла с бродячим цирком, а она вона, бедная, где!

Для трупа месячной давности лицо девушки казалось на диво свежим.

— Да нет же! — не согласилась моя костлявая гувернантка. — Вы что, не видите, что это леди Тиррина? Она еще вчера обещала утопиться!

Мне было плохо видно из моего укрытия, но зеленоватые светлые волосы, пусть и потемневшие от воды, мало походили на мои. Прежде всего длиной.

— Какая же это Тиррина, медам Зисдрис? — возмутился мой опекун. — Вы что, не видите, какая это красавица? Ни следа от уродливого шрама и форма носа совсем не такая курносая! Где управляющий Рондик? Отправьте кого-нибудь за городской стражей!

— У Тирры такой же прямой аристократический носик, — возразила бледная Лисси.

— Не она это! — оборвал ее садовник Бер. — Чужачка. И недавно утопла, бедняжка, еще распухнуть не успела. Надо у матушки Зим спросить.

Матушка Зим — это наша бывшая ключница, доживающая свой век в персональной комнатухе рядом с кухней, в самом теплом местечке во всем доме. Она всегда жила тут, чуть ли не с момента строительства особняка. Говорили, домишко ее прежних хозяев стоял аккурат на этом месте, облюбованном еще прапрадедом Тиррины, и был куплен вместе со служанкой. И еще говорили, что Зим уже тогда была древней старухой.

Баронесса и ее сынок попытались ее сдать в лечебницу для сумасшедших, когда вселились в графский дом, но у них ничего не вышло. И прогнать не вышло и откупиться. Кем на самом деле была матушка Зим, оставалось только гадать.

Я видела ее лишь раз, когда меня, Тамару Коршунову, оказавшуюся в теле юной графини, привезли сюда после лечебницы. Сгорбленная старуха с клюкой появилась в моей спальне. Я тогда чуть со страху не поседела, если бы волосы пятнадцатилетней Тирры уже не обзавелись сединой после пережитой катастрофы. Она возникла бесшумно, как привидение, склонилась, взгляделась в глаза и проскрипела:

- Вот оно как, получается... Выясни, кто тебя убил, девочка.
- Выясню, — непослушными губами прошептала я.
- И отомсти. За всех отомсти.
- Отомщу.
- Вот и славно.

Она повернулась и, шаркая и постукивая клюкой, ушла. С тех пор Зим не попадалась мне на глаза, а ее комнатка оказывалась пуста в любое время, когда бы я к ней ни заглянула.

Не успели послать мальчишку, как послышался стук клюки: бабка сама пожаловала в сад. Люди перед ней расступились, но матушка Зим близко подходить не стала.

— Уходите все, быстро, — проскрипела она. — Вы что, не видите, что вытащили?

— Утопленницу, — буркнул барон, остальные не посмели подать голос.

— Кабы так! Вы колодезного духа вытащили. Ундины местную убили. Теперь вся вода отравленная будет, пока проклятие кто-нибудь не снимет.

Старик Бер вскинулся:

— Да она уже была того, мертвая. Не шевельнулась даже, пока я этакую тяжесть нечеловеческую тянул!

— Зачем тянул-то, дурень, ежели понял, что не человека тащишь?! — Матушка Зим сердилась не на шутку.

— А что мне, дохлятину в колодце оставлять?

Утопленница не согласилась с оскорбительным словом и трепыхнулась. Поднялась на локтях, и я увидела ее лицо. Очень похожее на то, какое я видела в зеркале в первые дни после того, как очнулась в этом мире, но без ожогов. Вместо ожогов на красивом лице существа, на обнаженных руках и плечах проступала серебристая чешуя. По всему телу ундины пробежали какие-то голубые узоры, словно письма, после чего чешуя чернела и отваливалась. Красавица за одну минуту превратилась в страшилище с вылезшими изо рта клыками и выпученными, превратившимися в бельма глазами. Завоняло тухлой рыбой.

Люди, замороженные зрелищем, оцепенели. Я даже дыхание затаила и вцепилась в гардину покрепче. Да и матушка Зим словно онемела.

Мертвая ундина снова дернулась, да так мощно, что сшибла хвостом и Бера, и барона. А последнего еще и хвостом огрела по голове, и тот уже не трепыхался, в отличие от Бера, шустро, хотя и на четвереньках, покидавшего клумбу с королевскими лилиями.

Народ отмер и с визгом и криками бросился врассыпную, но еще один удар длинным хвостом сбил с ног половину из них. А потом... Я глазам не поверила, когда хвост разделился, превратившись в зазубренные щупальца, и они обвили ноги визжавшей баронессы и гувернантки и дернули к мертвой ундине! Хотя какая уж тут мертвая?

Подтянув верещавших дам к себе, ундина-упыриха схватила их за униженные перстнями руки и, склонив морду с оскаленной пастью, обнюхала их пальцы, словно решала, которая из жертв вкуснее. Первой кошмара не выдержала гувернантка — сомлела и осела наземь как куль с мукой. А ее испуганная хозяйка удвоила и громкость голоса, и рывки. Бесполезно.

— А ну отпусти их, тварь проклятая! — гаркнула матушка Зим с крыльца и так треснула палкой по ступеньке, что показалось — искры посыпались. Не показалось: слегка запахло дымом, а старуха ругнулась: — Ах ты ж, совсем сноровку потеряла! Бер, поди-ка сюды, да притащи воды, еще пожара нам тут не хватало!

А ундина-упыриха, бросив гувернантку, длинным черным языком лизнула безымянный палец на правой руке баронессы — тот самый, на котором носят невесты помолвочное кольцо (а жены в этом мире надевают после брачной ночи парное к нему на средний палец, вдовам же положено лишь железное кольцо на указательном пальце левой руки). Затем чудовище повело носом в воздухе и вдруг, отшвырнув баронессу, заверещало еще истошнее, громче и противнее, чем даже баронесса, но не на одной ноте, а с какими-то переливами и свистами, словно бешеный дельфин.

— Бегите! — вклинился в паузу вопль матушки Зим. — Это зов! Бегите же!

Бежать никто не мог. Нестерпимый визг ундины словно высверливал дырки в черепе и выпивал мозг. Господи, так, наверное, верещат баньши. Колени ослабели, и я не упала только потому, что когда-то успела обмотаться гардиной и повисла на ней. А люди ничком, зажав уши, валились наземь.

Бер, тащивший ведро с водой, тоже споткнулся и осел наземь. Ведро покатилося, расплескивая воду, превращавшуюся на земле в густую и черную, как нефть, жидкость. Матушка Зим возвысила голос, стараясь перекричать зов мертвой ундины, и читала заклинание, впрочем, настолько невнятно, что я ни слова не понимала, но запах гари уменьшился.

— Да хоть бы поскорей заткнулась эта дохлая рыба-переросток! — взмолилась я.

И Небо услышало мою молитву. Увы, не Светлое, а Темное Небо.

Ундина заткнулась, и эта внезапная тишина показалась оглушительной и зловещей.

Черные нефтяные пятна на земле сами собой сложились в пентаграмму. Она полыхнула мерзким болотным огнем, и появился... Я, конечно, первый раз в жизни видела демона, но уже столько фильмов насмотрелась в родном мире, что ни с кем его не перепутаю. Натуральный демон. Жуткий, высоченный и до чертиков харизматичный.

Огромное чешуйчатое существо с хвостом, рогами и мерзкой клыкастой и бородавчатой мордой — это не про него. Этот был вполне симпатичен... со спины. Если и с хвостом, то его не видно под длинной хламидой с разрезом на мускулистой спине и полураспахнутыми сизыми крыльями, почему-то светившимися голубоватым светом. Никак у него в перьях неоновая подсветка спрятана?

Демон повернул голову вправо, влево. Жаль, морды не вижу.

Профиль тоже хорош. Горбоносый, скуластый, с завитым за ухом рогом. Интересно, он их сбрасывает по осени, как олени? Если сбрасывает, то из таких рогов роскошных два кубка получится. А приручить, так можно сервиз на двенадцать персон за шесть лет собрать... И какого такого сизокрылого демона мой мозг опять ушел в отпуск? Разве опасность миновала? Или приметы перестали работать?

Демон нетерпеливо рыкнул, совсем как папина сторожевая, а мертвая ундина что-то свистнула по-дельфиньи и, вытянув подгнившую перепончатую конечность, показала прямо на мое окно.

Боже, боже!

Я едва успела шарахнуться в сторону, прежде чем призванный рогач оглянулся.

Многострадальная и, как оказалось, ветхая гардина затрещала, петли, на которых она была подвешена, оборвались, и я, замотанная в ткань, рухнула мешком. Все, что успела, — повернуть голову набок и, выдернув локоть, прикрыть лицо.

Удар был мягким, повалилась я на свернутые и сложенные в углу ковровые дорожки. Но нога в щиколотке подвернулась, и я едва не взвыла от резкой боли. Из глаз брызнули слезы, я зажмурилась. Это и спасло от алой лазерной вспышки потустороннего света — я ее даже сквозь закрытые веки ощутила.

Вместе со вспышкой в комнату через окно ворвался демон. Так людей и без зрения оставить можно!

Его расплывчатый из-за моих слез силуэт я опознала по крыльям и

хламиде. В фильмах такие существа обычно боялись света, а этот... Или я с вампирами перепутала? Интересно, как он с таким орлиным размахом крыльев и плеч в узкое окно пролез и не застрял?

Демон огляделся — о, а он и на морду породистую хорош, не только фигурой! — и чихнул. От души чихнул, до слез, брызнувших из черных глаз. Крыльями меньше махать надо! Поднятая его вторжением пыль кружилась в воздухе.

Рогач втянул носом воздух. Зря он это сделал.

— А-апчхи-у! — раздалось с подвыванием.

Я подавила рефлекторное «будь здоров». Он и так здоровущий, под два метра.

Но этот глупец повторил попытку принюхаться. Разумеется, с тем же результатом.

— Пчхи! — чихнул еще раз горбоносый обладатель неземной синей кожи, длинных иссиня-черных волос индейца и мощных рогов, закрученных, как у архара.

Зачем демонам горнокозлиные рога? — опять отвлекся мой шокированный мозг. Какая у них эволюционная функция? От волков защищаться или биться за самок? Или рога что-то вроде антенн? Радаров?

Словно услышав мои мысли, демон резко повернулся в мою сторону. Я затаила дыхание, прикинувшись ветошью. Ткань удачно закрывала мне лицо, оставив лишь небольшую щель для обзора. Но вот локоть наверняка высунулся. Правда, в углу среди ковровых дорожек...

Отвернулся. Спасибо, Небо!

Его взгляд остановился на торчащих из ковра кружевах. Он шагнул...

И тут шевельнулся «вьюнок» на виске, впившись в кожу так, что я зашипела. Демон мгновенно оглянулся.

Мышка это прошуршала. Мышка! Понятно? Серая. Тощая. С голым хвостиком. Уже убежала, нет ее.

Демон принюхался, чихнул и направился к коври с завернутым в него платьем.

И тут как по сигналу за окном рвануло — ослепительный разряд голубой молнии озарил мир. А через несколько мгновений хор голосов закричал невнятно, но с немалым оживлением:

— Вашество! Вашсияство! Сюда! Там!

И еще одна яркая вспышка. И чей-то мучительный, смертный вопль. Что там происходит?

— Хрр! — Лицо демона перекосила гримаса ненависти, он дернулся было к окну, но передумал, метнулся к ковру, сгреб объемный и

тяжеленный рулон, как пушинку, закинул на плечо, не обращая внимания на посыпавшиеся из ковра драгоценности.

Прочертив в воздухе большой двухметровый овал выстрелившим из когтистого пальца лазерным лучом, синекожий житель Нижнего мира ступил в портал и исчез.

Запахло поджаренной горячей пылью.

Я не полезла к окну узнавать, кто балуется в саду громами и молниями. Мне хватило потрясений. Прихрамывая, я заторопилась к двери. Оттолкнула жалобно звякнувшую диадему и бриллиантовое обручальное кольцо, подавила порыв прихватить пару жемчужин из порванного кольца — если найдут у служанки драгоценности, никакая маскировка не поможет.

За дверь я выскочила как раз в тот момент, когда кто-то, яростно ругаясь до невозможности неприличными словами, бежал к окну.

Я захлопнула дверь и даже ключ за секунду вставила и повернула. Со страху, не иначе. И побежала вглубь дома, но тут же споткнулась о валявшуюся на полу подставку для зонтов, отлетела в угол и растянулась, хорошенько приложившись лбом о стену. Не рой другому яму...

— Ох, деточка! — услышала я сквозь гул в ушах участливый голос матушки Зим. Лба коснулись ее пальцы, сухие и жесткие, как веточки. — Ушиблась?

От ее прикосновения боль прошла удивительно быстро. Старушка, придерживая меня за плечи, помогла приподняться и опереться о стену, поправила на мне съехавший на затылок помятый чепец. И вовремя: из сада в дом вбегали перепуганные слуги, за ними, поддерживая друг друга, ввалились баронесса с гувернанткой. Выглядели они ужасно, словно их пожевала и выплюнула дохлая ундина — мятые, бледно-зеленые, растрепанные. В самый раз в храм на церемонию обручения.

А потом на пороге появился опекун с красным помятым лицом и огромной шишкой на лбу. Красавчик. Моя спасительница выпрямилась и встала так, что ее юбки совсем меня загородили.

— Где он? — рявкнул Ирвин. Надо отдать ему должное, он старался держать в руках и себя, и слуг.

Дверь в гардеробную распахнулась, словно и не была заперта, но обзор загораживала матушка Зим, и я слышала лишь незнакомый голос. Красивый голос — низкий, глубокий, как бархатная ночь, и весьма насмешливый:

— Вы не меня ищете, барон? Или вашего рогатого гостя?

— Упаси Небо его искать, милорд!

— Демон ушел, можете быть спокойны. Вряд ли он вернется. Похоже,

он забрал ту, за кем приходил. Шсаррихва!

Матушка Зим осуждающе покачала головой.

— Ай-я-яй, милорд! Здесь дамы!

— Простите, матушка Зим, сорвалось, — покаялся незнакомец. — Но как не ругаться, когда у меня из-под носа украли невесту?

Ого! Так граф Орияр все-таки явился собственной персоной! Нестерпимо захотелось на него посмотреть хотя бы одним глазком. Но, во-первых, опасно даже обесцвеченной ресничкой шевельнуть, а во-вторых, из-за широких юбок матушки Зим ни меня не видно, ни мне ничего не видать.

— Но вы же не разорвете помолвку, ваше сиятельство? — испугался опекун.

— Я? — возмущенно зазвенел голос моего жениха. — Еще как разорву! Она сняла помолвочное кольцо, барон. Вы передали ей, чтобы она ни в коем случае его не снимала? Она подписала договор, в котором специально оговорено мое требование. Она его читала?

— Конечно, ваше сиятельство!

Лжец. Ничего он мне не говорил и договор не дал прочесть!

— Итак, моя невеста попыталась бежать, — констатировал некромант.

— Не может быть! Отчего вы решили...

— Пыталась, барон. Не вздумайте мне солгать. Иначе как понять, что ее туфелька валяется на крыльце? Дайте-ка ее сюда... Благодарю. Кстати, где вторая? Впрочем, ни к чему, хватит и одной для заклинания поиска. На обуви оно лучше работает, чем на драгоценностях. Второе: она зачем-то сняла мое кольцо. Демон не мог этого сделать при всем желании. Она сняла кольцо добровольно. Стоит ли удивляться, что ее глупостью тут же воспользовались враждебные силы?

Глупостью? Этот... ворон с вороньим мозгом... сказал — глупостью? — едва не зарычала я, но получила от матушки Зим пяткой по ноге, к счастью, по здоровой. Хотя такими темпами у меня здоровья не хватит.

— Но приказ короля, ваша помолвка... — заикнулась баронесса.

— С кем? — оборвал ее граф Орияр. — Я не вижу невесты. Два часа назад должна была начаться церемония, но она сорвана! — Злости в его голосе хватило бы на десяток демонов. — Я выставлен на посмешище перед всем королевством! Договор нарушен. Кольцо возвращено. А невеста сбежала с демоном! Какая может быть помолвка? Неужели вы надеетесь, что после всего я возьму в жены опозорившую меня девицу, да еще и побывавшую в объятиях порождения Бездны?

— Ах ты, некромантишка облезлый! — неслышно зашипела я. И получила еще один пинок от бабки. Больно!

— Милорд, а как же честь? — пафосно возмутился Ирвин. — Уверен, тут нет вины моей подопечной. Она не сбежала, ее украли! Неужели Черный Ворон его величества стерпит такую пощечину от низших сил?

Голос графа заледенел.

— Осторожно, барон. Только тот факт, что я пока еще гость в вашем доме, не позволяет мне взять вас за шкуру и хорошенько проверить, действительно ли вам так дорога моя честь.

— Я... не хотел... и в мыслях не имел... Простите, простите, ваше сиятельство! — перепугался опекун. — Но что же нам делать?

— Для начала поищем пропажу и вернем домой, — смягчился бывший жених. — Потом накажем вора. Найдем, кто убил и поднял ундину, а поднять такое существо — очень непросто, поверьте. Нужно пригласить магов воды, чтобы очистить ваши колодцы от проклятия и заразы, иначе жить тут будет невозможно еще не одно столетие, и можно забыть об этом особняке, его никто не купит. А вы что скажете, матушка Зим? — неожиданно спросил некромант.

— А что тут скажешь, милок, что тут скажешь... Я-то, старая, ничего в вашей шмагии не понимаю. Так, знахарка-деревенщина. Вот боль заговорить могу, простуду прогнать, бородавки вывести да порчу снять. А убийцу почуять — где уж мне!

— Жаль. А кто там у вас за спиной прячется?

Я перепугалась так, что сердце в пятки ушло. Закрывает глаза, изображая обморок. А матушка Зим спокойно повернулась, поправила на мне чепец, надвинув его на правый висок, легонько похлопала по набитой ватными шариками левой щеке.

— Служанка это, милорд, не видите разве? — проворчала старушка. — Сомлела вот, сердешная, от ужасов-то таких, вот я ее и пыталась в чувство привести, да только вы, господари мои, помешали.

Граф попытался подойти со словами:

— Так давайте помогу, матушка Зим!

— Ну уж с этим-то и я, старая, справлюсь, — замахала на него руками моя защитница. — Нешто господам больше заняться нечем?

— В таком случае не буду настаивать, — развернулся некромант. — Идемте, барон, я воспользуюсь вашей лабораторией. Насколько я помню, у графа Барренса здесь была отличная лаборатория. Надеюсь, она еще цела. Вы же маг огня, барон?

— Слабый, — пробормотал Ирвин. — Пятая ступень еле-еле.

Опять врет. В меня он сегодня утром швырял настоящие фаерболы, а они, как я читала в бесполезных для меня, но страшно любопытных учебниках Тиррины, доступны только с третьей ступени.

Наконец они убрались. И барон со своей матушкой, и граф, и гувернантка с остальными слугами.

Глава 3

КАМОРКА МАТУШКИ ЗИМ

— Поднимайся, милочка! — Старушечья рука потрепала меня за плечо. — Идем-ка скорее, пока они до лаборатории не добрались. У меня переждешь. Заодно и ножку твою полечим, горемыка ты наша неприкаянная.

Я еле поднялась и заковыляла за старой женщиной. Я хромая, она с клюкой — славная парочка. К счастью, идти было недалеко, через холл в другое крыло здания, где располагалась кухня и примыкавшая к ней каморка матушки Зим.

На пути нам никого не попало; слуги, пользуясь тем, что хозяевам не до них, разбрелись по углам. Им было о чем посплетничать.

Старушка толкнула дверь своей комнаты и посторонилась, пропуская меня.

— Иди вперед, деточка. Да не пугайся, никто не обидит.

— Я не... — шагнув в комнату я замерла, проглотив слово «боюсь». Может, настоящая Тиррина и привычная к таким зрелищам, а вот у занявшей ее тело Тамары Коршуновой волосы на голове зашевелились.

Боже, да кончится ли сегодняшний день когда-нибудь? Или хотя бы его чудовищные чудеса?

В нос шибануло одуряюще густым травяным запахом, от которого сразу закружилась голова. Но не это меня остановило. По комнате ползали ядовитые змеи, и было их невероятное количество. Они сплошным копошащимся ковром покрывали деревянные половицы, свивались в клубки, поднимали головы и угрожающе шипели. А по голым стенам карабкались огромные жирные пауки, сцепившись сплошной паутиной сетью.

— Проходи-проходи, — ласково пригласила матушка Зим, легонько подтолкнув в спину. — Что встала? Я и забыла, что сторожку взвела!

Она хлопнула в ладоши. Изготовившиеся к броску змеи, которых я приняла за сеть на стенах разом шлепнулись на пол и превратились в яркий деревенский половик, вязанный из разноцветных тряпок. Никогда бы не подумала, что в ином, магическом мире бабульки так же рачительно прибирают в хозяйстве каждый лоскуток.

— Вот теперь можно, краса ты наша ненаглядная. Прости уж меня старую, напугала тебя. Совсем памяти не стало. Иди-иди, не бойся, не укусит, — фыркнула старушка, заметив, что я не решаюсь ступить на узорчатый половик. — Садись. Набегалась уже.

— А вы все же волшебница, матушка Зим, — выдохнула я и решительно прошла к столу. Выдвинув стул с очень подозрительной вязаной накидкой на сиденье, рухнула без сил.

— Чуть-чуть, — не стала отпираться колдунья.

— Помню. Бородавки, порча... — Я выразительно покосилась на половик.

Старушка тихо засмеялась, сверкнув удивительно белыми и крепкими зубами, поправила выбившуюся из-под чепчика седую прядь.

— Проголодалась, поди? — спросила она.

За два года моей жизни в особняке это была вторая наша встреча. И она ни разу не обратилась ко мне так, как полагается по этикету. Только «милочка», «деточка»... Неужели догадывается, что Тиррины в этом теле нет? Я поежилась.

— Нет. Идти мне надо, матушка Зим, пока барон с баронессой гостя принимают.

Зеленые глаза колдуньи ярко сверкнули.

— Далеко не уйдешь. Ворон-то силен, найдет в два счета. Везде, кроме этой комнатусечки. — Она с хитрой улыбочкой обвела взглядом помещение, в котором и мышь не спряталась бы.

Кровать на высоких ножках, стол с вылинявшей и местами заштопанной скатертью, три колченогих стула и пара сундуков у окна — вот и все убранство, если не считать развешанных по стенам бесчисленных мешочков и связок трав.

Если не знать, что жилище матушки Зим находится в огромном и богатом особняке, — настоящее логово деревенской колдуньи.

Женщина прошла вдоль стены, провела ладонью по подвешенным связкам свежих трав и мешочкам, словно по струнам арфы, сняла пару пучков и принялась растирать в ступке. Остро запахло зверобоем и полынью.

— А если прикажут все помещения обшарить?

— Зачем? Тебя же демон унес. Все видели, как он в окно гардеробной влез, а потом там твои рассыпавшиеся драгоценности нашли. А если и сунет кто нос... Ты ведь тоже ни разу меня тут не нашла, как ни искала, так ведь?

Иллюстрацию ее слов я могла наблюдать минут через пять, когда

колдунья, приготовив зелье, заставила меня стянуть башмак и наложила на распухшую ногу компресс из кашицы, туго затянув сверху полотняным бинтом.

Едва она успела нарисовать кисточкой на полотне руны и прошептать заклинание, как из коридора донесся глухой топот деревянных башмаков. Звуки затихли за дверью. В следующий миг она распахнулась, явив веснушчатую мордашку рыжего помощника конюха.

— Матушка Зим, вас барон в кабинет требует! — выпалил парнишка, встав на пороге. Обшарил комнатку быстрым взглядом, нахмурился досадливо. — Нету. Эх... Куда же она подевалась? — Он развернулся, захлопнув за собой дверь, и унесся с воплем: — Матушка Зим, где вы? Матушка Зим, к хозяину велено!

Старушка довольно улыбнулась, глядя на мою ошарашенную физиономию.

— Что я говорила? И в упор смотреть будут, а не увидят. Но вот что скажу: зря ты бежать надумала, дитяtko, — вздохнула старушка, когда крики затихли вдалеке — мальчишка явно к конюшням побежал. — Избавилась бы от этих сквалыг навсегда.

— Но не такой же ценой!

Бабка, осуждающе качая головой, налила в большую и глубокую миску воды из кувшина, ополоснула руки и вытерла вышитым рушником.

— А что будет, подумала? Демон-то уже понял, что его обдурили, а они ох как не любят в дураках-то ходить! Придет за тобой, стоит только нос отсюда высунуть.

— Зачем я ему? Он же за невестой явился? А жених уже помолвку разорвал.

— Плохо. Ой как плохо. Он разорвал как раз для того, чтобы тебя спасти, дуреху. Чтобы демоны, враги его исконные, тебя против него использовать не могли. И будь ты действительно похищена, тебя бы это спасло от козней проклятых. Но теперь уж не знаю, не знаю. А ведь как хорошо все сложилось! Оба пристроены были бы. И тебе хорошо, и дому, и...

У меня закралось нехорошее подозрение, даже в груди похолодело.

— Так это вы поспособствовали моему замужеству, матушка Зим? За некроманта, о котором ходят жуткие слухи? За чернокнижника, угробившего уже трех жен?

— Ах, да чтоб у болтушки Лисси чирей на языке вскочил! — сердито свела брови старуха, а зеленые глаза зажглись гневом. — Наговорила тебе ужасов! Трупов никто не видел, хоронили пустые гробы. А лучше Ворона

тебе никого не найти. Помогла бы ты ему, да и он тебе.

— В чем помогла?

— Ты бы точно продержалась полгода, девонька. В тебе я уверена. — Она поймала мой взгляд и не отпускала, а ее ладони нашли и крепко сжали мою руку, чтобы не вырвалась. — Если уж ты с того света выкарабкалась, да еще два года после лечебницы тут живешь и ничего не чувствуешь, ни единая ворожба тебя не задела. Даже моя.

Губы у меня мгновенно пересохли.

— Вы... вы хотели меня известить?

— По первости хотела. Я все наблюдала за тобой, чужая душа. Изучала. Думала сначала, ты бесовка из Нижнего мира, Тиррину нашу убила и вселилась. В сны твои хотела заглянуть. А заглянула когда, жалко мне тебя стало. Невиновная ты. Безобидная. Гостья небесная ты. В мертвое уже тело упала солнечным лучом и потерялась. Затянул тебя наш мир и запер.

Слезы невольно выступили на глазах, а я думала, все уже выплакала три года назад, больше не стану. Я сморгнула, шмыгнула носом.

— Я не знаю, как это произошло, — призналась. — В своем мире я была счастлива. Мой отец, хоть и не граф, был богат. Я ни в чем нужды не знала. Мой мир по сравнению с вашим — рай, пусть в нем и нет магии. Если бы знать мне, как вернуться, ни секундошки бы не медлила, ни мига!

— Верю, верю, милая. — Колдунья успокаивающе погладила мою руку, а у меня как гора с души свалилась.

— Почему же вы раньше не сказали, что поняли все обо мне?

— Я сама должна была это понять. У бесовки бесполезно спрашивать, они мастерицы притворства и обмана. А с честной душой все со временем видно становится. Но и когда я убедилась, что зла в тебе нет, я не могла вмешиваться напрямую, только направлять.

— А я обрадовалась, что вы мне поможете.

— Нет. Ты сама должна понять, как и почему случилось твое падение в наш мир, и найти путь назад. Я не знаю этого и не могу знать. Я только в нашем мире что-то могу, да и здесь не всемогуща. Мое дело — беречь это место. — Матушка Зим обвела задумчивым взглядом стены и улыбнулась. — Вне его у меня и силы, как у травинки. Тебе мог помочь некромант, раз уж ты вселилась в мертвое тело. А сильнее Ворона я никого не знаю. Выдать тебя за него замуж, это была замечательная идея. Я и подсказала ее Гинбисам.

Я вытянула ладонь из капкана ее рук.

— Вряд ли что-то получилось бы из этой идеи, матушка Зим. Если он

экзорцист, то изгнал бы мою душу и получил бы мертвое тело. Но это еще не значит, что я вернулась бы в собственное. Оно наверняка похоронено три года назад и гниет в земле. А возвращаться в скелет... Такого ужаса я не хочу. Не таким ли образом получают упыри и зомби?

— У вас будет о чем поговорить с графом Орияром, — лукаво улыбнулась колдунья. — Пойми... Как было твое имя?

— Тамара.

— Красивое имя. Даже чуть-чуть похожее на имя нашей погибшей девочки, которую мы даже похоронить не можем.

Меня снова продрал озноб от ее взгляда.

— Я не хотела.

— Твое счастье, Тамара. Твое счастье... Потому я тебе и помогаю. Ты должна вернуться, и для этого должна сделать все, чтобы получить помощь Ворона. Но прежде чем вернуться, ты должна найти убийц графской семьи. Если бы ты стала женой Ворона, тебе было бы проще. Твой статус позволял бы обратиться к самому королю за помощью в расследовании. Но теперь... Теперь ты все испортила. И как же я просмотрела ваш заговор? Да и злодейство в саду просмотрела! Старею... — Матушка Зим, пригорюнившись, облокотилась о стол и подперла щеку кулаком. — Ну хорошо, вот ты сбежала, дитя небесного мира. И куда намеревалась пойти?

— Во дворец. Подать прошение королю, чтобы отменил свадьбу, потому что договор был подписан насильно. Я его даже не подписывала, Ирвин сделал оттиск с моего пальца.

— Ты же сама понимаешь, что магическую печать не подделать. А то, что девушка наутро передумала, не повод нарушить прямой приказ короля. Я понимаю, от Лисси трудно ждать большого ума. Но ты-то могла сообразить! Без денег, без связей, без крыши над головой...

В чем-то она была права, наш горячечный план больше смахивал на бред, но совсем безумным он не был. Деньги у меня есть на первое время. Немного драгоценностей я еще ночью отдала Лисси, а она спрятала их в саду в тайном месте.

— Я могла бы ночевать в приюте, — сказала я. — Нашла бы работу.

Матушка Зим пренебрежительно фыркнула:

— Работу? Да стоит на твои ладони взглянуть, чтобы понять, что ты белоручка. Твоим домом стал бы притон, милая. Ты совсем не готова к жизни в жестоком мире за этими стенами. Тебя избили бы и ограбили в первом же переулке, потому что порядочные девушки носа не высунут без сопровождения, а в одиночку ходят либо магички, либо шлюхи. Ты не магичка. Продолжать?

— Не надо. Меня проводил бы во дворец Бер или его племянник.

— Его племянник — запойный пьяница и вор. Он проводил бы тебя до первого борделя и продал сутенеру. Хорошо, что у тебя не получилось бежать, дитятко. Но не сможешь же ты сидеть в этой комнате всю оставшуюся жизнь, да я и не позволю. Ты когда-то поклялась мне найти убийц рода Барренсов, и ты должна выполнить клятву. Помни, только поэтому я тебе помогаю. А сейчас... сейчас тебя ищет и Ворон, и демон, даже не думай, что разрыв помолвки его теперь остановит. И весь вопрос в том, кто найдет тебя первым.

Я перевела взгляд на дверь. Некромант все же лучше, чем рогатый демон. У него голос приятнее, и он не чихает от пыли. И крылья, я поняла, хороши только в аниме. А в жизни ими только пошевелишь, как все вокруг разлетится, что не приколочено. А в спальне каково? Только представить, как такой петух-переросток на тебя вскочит... Светлые небеса, о какой ерунде я опять думаю? Уф... Значит, жизнь налаживается, и мой мозг заранее расслабился. Слишком рано, надо сказать.

— У тебя сейчас два выхода, Тамара, — поморщилась чем-то недовольная колдунья и перевела взгляд на залитое солнцем окно. — Первый — самый простой. Выйти сейчас из комнаты, подняться в кабинет и признаться в неудачном бегстве. Брачный договор тут же будет вновь подписан и помолвка состоится. Обручальное кольцо-оберег вернется на твою руку, и ни один демон не сможет к тебе приблизиться.

— Нет. Граф выместит на мне всю злость за свой позор. Он меня уже возненавидел, а если я признаюсь, он меня просто убьет, а потом поднимет, чтобы замаскировать убийство. Странно, кстати, почему он со своими невестами так не поступил. И я не хочу выходить замуж по чьей-то указке, пусть даже королевской. Я хочу любить и быть любимой. Я хочу сама решать, кто станет отцом моих детей, с кем разделить и постель, и судьбу. И чтобы это было взаимно. А быть послушной куклой, игрушкой в чужих руках я не желаю.

Старушка, пристально глядя на меня, медленно улыбнулась и, поднявшись, протянула мне руки.

— Вот сейчас ты настоящая Барренс, дитя. Именно такой и была наша Тиррина. Храброй, твердой, опасной, как клинок.

Я тоже поднялась, и женщина мягко прижала меня к груди, признавая своей.

— А второй выход? — отстранилась я.

— Второй для тебя более сложный. Помни — первое, что тебе сейчас нужно, это получить защиту от демона. Ты не нужна некроманту, но он

нужен тебе.

— Я же сказала...

— Выслушай, Тамара. Он нужен тебе не только для защиты от демона, с этим и сильный артефакт справится, если хватит денег его купить. Королевский Ворон нужен тебе, чтобы найти путь домой. Вороны далеко летают и многое видят, что не видно нам, обычным магам от мира сего. И для этого не обязательно выходить за него замуж. Можно купить его услуги или... заслужить его дружбу, и он поможет.

— А вы не можете его попросить? Мне показалось, вы с ним знакомы.

— Нет, дорогая. Не могу. Только ты сама.

— Почему?

— Ты не понимаешь магической сути просьб и одолжений. Лучше ты будешь должна Ворону, чем мне. Ты и так мне слишком многое должна.

Когда успела? Я удивилась. Она поняла по моему взгляду невысказанный вопрос и улыбнулась снисходительно.

— Хотя бы за то, что я оставила тебе жизнь и не выдала никому твою тайну. И расплатиться становится день ото дня все тяжелее. Не привязывай свою душу к нашему миру железными цепями долга.

И тут законы кармы, вздохнула я, признавая ее правоту.

— Я могу лишь попросить его взять тебя в замок служанкой. Ты же хотела найти работу? Вот и будет тебе работа.

Угу, трупы после его некромантских опытов закапывать или мантию от гнили отстирывать, содрогнулась я.

— Решайся, милая. Невеста или служанка?

Ненависть мужа или грязь и прах. Презрение или омерзение. Замечательный выбор.

— У него как раз освободилась должность экономки. Ты же умеешь писать и считать? Вот и замечательно.

Экономки в моем представлении — старухи возраста матушки Зим, с огромными связками ключей на поясе.

— Но мне всего восемнадцать.

— Тиррине восемнадцать. А тебе?

— Двадцать три исполнится осенью.

— Когда? — подобралась колдунья.

— В моем мире это было двадцать второе сентября. Сентябрем у нас называется первый месяц осени.

— Вот оно как... — Матушка Зим легонько сжала мои плечи, глядя в глаза так, словно хотела проникнуть в мой мозг через зрачки. Отпустила, погладила извиняющимся жестом. — Вы родились в один день,

получается. Дэйтар родился в ночь с двадцать первого на двадцать второе число первого месяца осени. Любопытное совпадение, очень любопытное... А насчет внешности не беспокойся. Я же волшебница, — подмигнула она. — Сделаю тебе лицо, достойное такой высокой должности в замке Черного Ворона. И твой ожог замаскирую получше, чем пять слоев пудры. Зато у тебя будет своя спальня, гостиная, высокий оклад и свобода, в том числе от мужчины. Да еще и вся защита, какой граф Ориар одаривает своих слуг. Впрочем, у невесты еще больше помещений, власти и слуг, но не будет свободы и оклада.

Бабка слишком уж соблазняла.

— Но я ничего не понимаю в управлении замками!

— Тебе и не надо, там есть управляющий. А для понимания тонкостей я тебе подсказчика дам. — Матушка Зим подошла к окну, поворошила какие-то бурые комочки, лежавшие под солнечными лучами на полотенце и похожие на сушеные бобы. — Что ты решишь?

Прежде чем я открыла рот, старушка поспешно добавила:

— Но помни, статус служанки — не самое лучшее для девушки в нашем мире, и у тебя будут связаны руки для расследования давней трагедии. Вернуть все на круги своя и стать снова невестой — самый удобный для всех выход. Главное, ты сможешь на полном основании разыскивать преступников и навестить сгоревшую усадьбу. Гинбисы-то не давали тебе и носа из дома высунуть. Боялись, вдруг что случится с тобой и они без твоего наследства останутся. А без помощи я тебя и так и эдак не оставляю.

Я опустила глаза и стиснула руки. Главное для этой милой ведьмы — угли графского дома. А для меня — жизнь. И мой мир.

Но я без поддержки ничего не могу в мире, где главное даже не деньги, а магия и титулы. Радует одно: я ей нужна. Так нужна, что она не стала прежде времени меня пугать или принуждать. Наоборот, она хотела держаться в тени до последнего. И если бы не мое бегство и не сорванное обручение, то матушка Зим так и оставалась бы невидимой тенью в графском особняке и дергала бы за ниточки незримо и неощутимо.

Я ошибалась, не старая баронесса Гинбис здесь главная паучиха, а вот эта милая сгорбленная старушка в чепчике, как у черепахи Тортилы. Только очков и панциря нет.

Скользнув взглядом по стенам, увешанным пучками трав в какой-то нечеловеческой гармонии, я вздрогнула. На миг показалось, что на стенах проступил узор замысловатой паутины, и мешочки с травами снова превратились в ожидающих добычи толстых пауков. Я тряхнула головой,

прогоняя наваждение.

Даже удивительно, как колдунья прошляпила наш заговор с Лисси и Бером! Или она не прошляпила, а направляла и явилась бы потом в роли спасительницы, заслужив мое безоговорочное доверие? Она и сейчас играет именно эту роль.

— Могу я узнать, кто вы на самом деле, матушка Зим?

— Зачем тебе это знать, дитя чужого мира? Ты впорхнула в наш дом, как воробышек в окошечко, и так же выпорхнешь, если не сломаешь тут крылья.

— Но почему вы так хотите отомстить за моих... за семью графа Барренса? Вы их родственница?

Колдунья, перебиравшая бобы (или то, что на мой земной взгляд таковым казалось), выбрала один, посмотрела зачем-то на просвет, удовлетворенно кивнула каким-то своим мыслям и спрятала боб в кулак. Ясно, что ответ я не получу.

— Определилась бы, Тамара, — прищурилась матушка Зим. — Тогда и вопросы задавай.

— Хорошо. У меня только один вопрос, ответ на который я должна знать сейчас. Вы сказали, что сможете изменить мою внешность. Как долго она продержится и смогу ли я ее поддерживать без вашей помощи?

— Заклинания хватит на три месяца. Чтобы продлить, тебе придется кое-что сделать самой: правильно наложить мою мазь и выпить нужное зелье. Научу, справишься. А сама снять личину ты не сможешь. К счастью или нет, но магия моей Тиррочки покинула ее тело вместе с душой. Все-таки магия — это состояние души.

— Вот и причина, почему я не могу быть экономкой: разве в управлении хозяйством не требуется магия?

Глаза ведьмы радостно блеснули, но она поспешно отвела взгляд и уставилась на залетевшую в окно пчелу, тут же с истошным гудением шарахнувшуюся прочь.

Вот так-так... Неужели матушка Зим так настойчиво склоняла меня к тому, чтобы стать экономкой, думая, что я из чувства протеста выберу именно то, что ей надо?

— Магия не выше бытовой желательна, но необязательна, — сказала колдунья. — Для господ главное — абсолютная преданность тех, кому они доверяют ключи от личных покоев. А таких в этот развращенный век трудно найти.

Я хмыкнула. Бабка свела сердито брови.

— А вот то кольцо, которое ты неосмотрительно сняла, не только

давало тебе защиту от любой направленной на тебя магии, но и наделяло способностью видеть плетения и даже тех магических существ, которые предпочитают оставаться невидимыми, например, айэ.

— Как я понимаю, графских жен это не уберегло?

— Они не успели стать женами. И мы не знаем, что с ними случилось, — дернула она плечом. — Если быть осторожной, не снимать амулеты и обереги, а я тебе еще и свои дам, ты будешь в безопасности.

Ну да. Безопасность на краю бездны или вулкана, готового в любой момент рвануть. Нет уж. Быть четвертой и потенциально мертвой невестой графа Орияра я не хочу.

— Я выбираю... стать экономкой.

Не скрою, было приятно видеть мимолетное разочарование, тенью задевшее лицо матушки Зим. Но старушка тут же надела маску невозмутимости, принимая мое решение.

— Теперь вы ответите на мой вопрос: какое отношение вы имеете к семье графа Барренса?

— Тебе сложно будет понять мою связь с кровью Барренса, если в вашем мире нет магии.

— Но есть волшебные сказки. Попробуйте.

— Хорошо. Пару сотен лет назад прапрадед Тиррины купил клочок земли, где стояла моя лачуга. Город тогда был совсем маленьким, и тут была окраина. Купил из жалости: мой дом грозили сжечь вместе со мной и построить на этом месте храм. Видишь ли, я — хранительница этого места и меня можно убить, но не изгнать.

— Что в нем особенного?

— Сила, дитя, сила. Но не каждый может ее взять. Тот Барренс смог принять его силу и мое благословение, и мы заключили договор. Он применил все свое влияние, отстоял землю и предоставил мне место внутри своего дома. С тех пор я — наставница всех магически одаренных детей семьи Барренсов, а Тиррина была лучшей из них. Она могла бы стать... впрочем, уже не важно. Она была моей надеждой. И теперь я хочу отомстить тем, кто отнял у меня надежду.

— Вы и с бароном Гинбисом заключили договор, поэтому его магия так усилилась? — осенила меня догадка.

Старуха недовольно поджала губы, но кивнула утвердительно.

— А что мне оставалось делать, Тамара? Вместо моей любимой ученицы в дом приволокли ее обгоревшее тело с чужой душой внутри. Ирвин Гинбис стал хозяином дома и мог продать его храму Небес за огромные деньги. Просто огромные, тебе не представить. Ведь они до сих

пор помнят обо мне, только и ждут момента.

И еще одна догадка пронзила меня молнией, до металлического привкуса во рту.

— Вы... вы поэтому решили от меня избавиться, выдав замуж за графа Орияра с дурной славой душегуба? Но если бы я умерла, точнее, Тиррина Барренс, то все мое имущество перешло бы в казну!

Старуха тихонько рассмеялась.

— Вот и нет! Гинбисы три года зря не теряли. Ты удивишься, узнав, что почти разорена. А месяц назад они прибрали и особняк в свои руки. Заложили, перезаложили, тайком выкупили и оформили на свое имя. Ирвин тут полноправный хозяин. Не ты.

Получается, что у меня нет своего дома. Была у зайца избушка лубяная, а у лисы ледяная... Ничего. Верну. Все верну. Не мое, но не люблю, когда меня за дурочку держат, потому подавятся Гинбисы, не проглотят. Мне бы выбраться, а там посмотрим, можно ли опротестовать сделку. Мой родной отец еще и не такое проворачивал.

— А теперь, если ты решила и не передумаешь...

— Нет, не передумаю.

— Тогда мне нужно поговорить с Вороном, а потом мы займемся твоей внешностью. Не волнуйся, успеем. Ворон слишком зол, чтобы улететь, не отыскав нелегального некроманта, да еще и убийцу водного существа. Это как раз по его части.

Глава 4

РОЖДЕНИЕ ТАЙРЫ ВИРТ

Матушка Зим отсутствовала очень долго. У меня уже живот свело от голода, и я жадно поглядывала на сушеные бобы — не погрызть ли хотя бы их. Останавливало незнание местной флоры — вдруг они ядовитые.

Дом наполнился чужими голосами. То и дело хлопали двери, слышались зычные крики: «Эй ты, поди сюда, тебе говорю...» и подобные. Похоже, допрос слуг шел полным ходом.

Пару раз в незапертую комнату вламывались посыльные, разыскивавшие колдунью, обшаривали взглядом помещение и с досадой удалялись. Заглянул даже какой-то чужак в черном мундире с бляхой в сопровождении неприятного остроносого типа и нашего молодого конюха. Эти двое даже прошли внутрь, испачкав грязью узорные половики, потрогали пучки трав, заглянули под кровать и даже под скатерть стола. Попытались открыть сундуки, но не преуспели. Помощник конюха только нервно икал с круглыми от ужаса глазами.

— Нельзя, не трожьте, матушке Зим не понравится!

Я в это время сидела за столом, сложив руки на коленях, ни жива ни мертва.

— Помолчи, мальчик, — проворчал остроносый и тщательно осмотрел, даже понюхал разложенные бобы. — Как интересно!

— Что это, мэйстр Ирв?

— Это, дражайший капитан, чудовищное и редчайшее на земле вещество: сушеные зародыши маргиссы. Справа — мужского пола, видите, сбоку беленькое торчит, как росток боба? Слева — женские. Эта мерзость использовалась в самой древней рецептуре, но это все, что я о них знаю. Маргиссы давным-давно вымерли, вероятно, как раз из-за таких охотников за их зародышами. Подробные рецепты не сохранились, только упоминания и плохо сохранившиеся рисунки. Не думал, что когда-нибудь увижу их. Разыщите-ка мне эту домашнюю знахарку! Занятная, должно быть, старуха.

Обнюхав каждый угол, даже пошептав бесполезные заклинания, маг ушел, сперев женский зародыш из левой кучки. Клептоман. Капитан последовал за ним. И ни одна змея не заступилась за бабкино имущество!

Но даже они не почуяли моего присутствия, словно я существовала в

каком-то другом измерении, а для расследования дела по исчезновению невесты Королевского Ворона вряд ли отправляли слабаков.

И еще одна мысль беспокоила: если за дело взялись королевские дознаватели (а кто еще, если дело касается аристократической фамилии?), то моя Лисси может не устоять, это вам не барон. Впрочем, это даже хорошо. Меня же утащил демон, это все видели своими глазами.

Вспомнив о горничной, я задумалась. Сколько правды она мне говорила? Я привыкла ей верить, как и тем, на кого она показала, — садовнику Беру и поварихе Марите. И зла они мне не делали. Но сама Лисси...

Ведь я о жизни Тиррины знаю только с ее слов. Образ Тиррины рисовался в моей душе только по тем крохам, что мне о ней рассказывали Гинбисы (крайне мало, больше норовя унизить) и слуги, осмелившиеся со мной заговорить. Последних было мало, мощная фигура моего опекуна повергала в трепет и немногочисленных старых слуг, и новых.

И то, что я знала о Тирре со слов Лисси, противоречило тому, что я узнала сейчас.

«Вы всех любили, миледи. Ваше сердечко всегда было большим, добрым и открытым даже простым слугам. И вас мы все любили», — постоянно твердила мне моя горничная.

Если Тиррина была любимой ученицей матушки Зим, в ее сердце не могло быть любви, как нет ее в душе старой колдуньи.

Прозрение было крайне болезненным. Лисси, Лисси... Чье задание ты выполняла? Кто решил воспользоваться беспамятностью графской наследницы и вылепить ее характер? Не матушка Зим. Та знала, что моя личность чужая и вполне сложившаяся.

Почему Лисси согласилась подготовить мой побег? И куда бы он меня привел?

Что теперь гадать! Нужно просто помнить, что в этом мире друзей у меня нет.

Словно почувствовав, что мои мысли сосредоточены на ее персоне, в комнатку заглянула сама горничная.

— И тут старой ведьмы нет! — вздохнула Лисси и повернулась, чтобы уйти, но ее талию перехватила мощная рука.

— Вот и хорошо, что нет. Никто не побеспокоит. — И мужчина, толкнув горничную в комнату, вошел сам и закрыл дверь на задвижку.

Я едва смогла сдержать вздох изумления, увидев опекуна. А тот, не теряя ни секунды, прижал Лисси к стене и впился поцелуем в губы

девушки, одновременно задирая ей юбки.

— Только не здесь, — пискнула Лисси. — Умоляю вас, только не здесь! Это же ведьмино жилище!

— Я отлично знаю, чье это жилище, крошка, — сказал барон, жадно покрывая поцелуями слабо отбивавшуюся горничную. — Тебе бояться нечего, старуха нас поймет и простит. Ну же, не ломайся, я соскучился.

— Но в доме полно посторонних!

— Я *очень* соскучился. Мы быстро.

— За одну ночь соскучились? — фыркнула раскрасневшаяся Лисси. — Говорю же, не здесь! Я буду кричать!

— Кричи. Здесь никто не услышит. Заколдованная комната. И никто не станет ломиться. Тогда быстренько ротиком?

— Господин, не время, прошу вас.

— Ночью отработаешь вдвойне за этот отказ, негодница! — Опекун, слегка отстранившись, продолжал мять и тискать горничную, запустив одну лапу ей в декольте, а вторую под юбку. — Теперь мы можем не прятаться от гадкой девчонки, и работа у тебя будет только одна, в моей постели. Получилось не так, как мы планировали, но так даже лучше. Пропажа без вести завещанием не предусмотрена, а от демонов она уже не вырвется. Или окончательно свихнется к тому моменту, как Ворон ее найдет, и мое опекунство станет пожизненным. Где драгоценности, которые она тебе отдала?

— А разве я их не заработала? — Лисси призывно облизнула губы, как заправская шлюха, и сама прильнула к хозяину, потерявшись всем телом, словно кошка.

Тот предупреждающе мягко взял ее за горло. Да. Правильно. Мне тоже хотелось ее придушить.

— Не шали, девка, — процедил барон. — Я ценю тебя, но не на такую сумму. Ты и так без награды не останешься. Ну?

Тяжко вздохнув, предательница вытащила из складок платья не очень пухлый, с кулак, кошелек, положила его в протянутую руку любовника. Тот сразу потянул за завязки, высыпал драгоценности на широкую ладонь.

— Это всё?

Лисси кивнула. И получила мощную оплеуху.

— Дрянь! Обмануть меня решила? Я каждое колечко, каждый камушек в шкатулке Тиррины знаю! Девчонка до пятнадцати лет в золоте купалась и жемчугом в горшок ходила. Тут и половины украшений нет! Где они?

Лисси вытерла ладонью сочившуюся кровь из разбитой губы.

— Я... я все отдам, до последнего камушка, господин!

— А где фамильные украшения ее матери? Я тебе приказывал вынюхать, куда она их спрятала! Перед бегством она должна была все забрать из тайника, раз уж мы за три года его не нашли. Где они?

Он снова замахнулся, горничная рухнула на колени и обхватила его ноги.

— Не бейте! Клянусь, не знаю! Она не говорила мне! Она не помнит, совсем не помнит!

— Эта дрянь сказала, что пошла наверх за фамильным кулоном матери!

— Отговорка это была! Солгала она, господин, ничего она не помнит, клянусь. Уж я бы знала, она верит мне больше, чем самой себе!

Отпихнув служанку ногой, барон приказал ей встать. Открыл щеколду и распахнул дверь.

— Идем. Отдашь мне остальное. А за попытку обокрасть меня — никаких теперь наград!

И вытащил ее за руку, оставив дверь открытой настежь.

Я минут пять сидела, не в силах пошевелиться. По щекам сбегали слезы и капали с подбородка на льняную скатерть. Боже, как мне было себя жалко, дуру доверчивую! Так же, как в первый день, когда я очнулась на больничной койке в чужом мире и думала, что сошла с ума.

Никогда больше. Не верить. Никогда. Никому.

Шум из коридора наплывал волнами. Слуги шныряли туда-сюда, черными тенями проскальзывали маги, позвякивали шпорами стражники. Не уйти. Слишком оживленно. Да и куда идти без денег и документов, без провожатых?

Я даже города не знаю. За два года, как меня перевезли из лечебницы в особняк, я лишь несколько раз покидала дом, да и то в закрытой карете. Меня возили в ту же лечебницу, исцеление я проходила в несколько этапов, целители контролировали состояние, а заодно убеждались, что магия к графине Тиррине Барренс еще не вернулась.

А ведь я даже не знаю, какие таланты были у прежней хозяйки этого тела. Лисси говорила, Тирра была универсалом. Но разве можно теперь верить ее словам? Набор книг по магическим наукам в моей личной комнате убеждал, что это так, но книги можно принести, опекун, будучи магом, знает в них толк.

Нестерпимо зачесался «вьюнок», напомнив о себе. Может быть, загадка его появления как-то связана с магией Тиррины Барренс? Мне нужно найти тех, кто хорошо знал виконтессу до трагедии и не связан

дружбой или службой с Гинбисами.

И этот человек находится в доме.

И зовут его граф Дэйтар Орияр, некромант, Черный Ворон его величества, друг или недруг детства Тиррины, мой бывший жених. Кто, как не он, знал о способностях девушки? Ведь невозможно вернуть, если не знаешь, что возвращать.

Веточка «вьюнка» вылезла на ухо и куснула мочку. Интересно, на какую мою мысль татушка так сердито отреагировала?

Я поднялась, подошла к распахнутой двери и прислонилась спиной к стене рядом с косяком, прислушиваясь к обрывкам разговоров. И вздрогнула, когда в комнату быстрым шагом вошла матушка Зим, захлопнула дверь и, не увидев меня, всплеснула руками, уронив на пол толстую потрепанную книгу.

— Сбежала! Ах, что же она натворила, глупая! Пропадет ведь, а с ней и все мои надежды вернуть мою ученицу! А вы почему не остановили, бездельники? — Старушка погрозила стенам кулаком, и они опять поплыли, превращаясь в глазастые и шевелящие лапками паучие сети. А за серой паутиной клубилось что-то багровое, жуткое. И моя спина ощутила шевеление...

С визгом я шарахнулось от стены, а бабка развернулась и сцапала меня за руку. Мгновенно логово обрело прежний чистенький вид.

— Вот ты где! — воскликнула колдунья. — Куда ходила?

— Никуда. Тут и была.

— А что визжала? Разве не узнала меня?

— Пауков боюсь!

Глаза старухи неимоверно расширились, а потом резко сузились.

— Ты видела? Не может быть! Что ты видела?

— Паучка! Черненького! — выпалила я и, уходя от ее пронизывающего взгляда, наклонилась подобрать книгу. — На паутинке с потолка спустился прямо на нос!

Матушка Зим недоверчиво покосилась на мой нос и фыркнула:

— Нашла чего бояться! Пауки безобидные и полезные насекомые. Без них расплодилось бы полно всяких разносчиков заразы — комаров, мух, жуков. Людей мор бы выкосил без пауков. Их беречь надо, а не бояться. И они не кусаются.

— Некоторые кусаются.

— Ерунда, — отмахнулась матушка Зим и отвела мою руку с книгой. — Это я для тебя принесла. Тут советы по домоводству и примеры,

как надо руководить слугами и вести учет в хозяйстве. Настольная книга Тирриной бабушки, она у нас вместо экономки была, каждый свечной огарок считала, сквалыга. Садись, обновим повязку на ноге и займемся твоим лицом.

— Так граф Орияр согласился взять меня в экономки?

— Сказать я ему про тебя сказала, и он согласился с тобой побеседовать, когда дознаватели уедут. Он не глядя-то никогда ничего не берет.

Отойдя от недавнего ужаса, я даже нашла в себе силы улыбнуться:

— То-то он на свою невесту даже не взглянул!

Старушка споро вытащила из сундука неглубокие чаши, серые и бордовые свечи, пузырьчики, полотняные салфетки, разложила их на столе и, забрав мои волосы в сетку, принялась колдовать над лицом. Ее прикосновения были почти невесомыми, но неприятными до омерзения: словно тысячи мохнатых лапок одновременно касались кожи. Я терпела только потому, что «крестная фея» Тиррины умело отвлекала мое внимание.

— А чего смотреть? — усмехнулась она. — Видел он Тирру тыщу раз уже. С пеленок знает, чай. Отцы-то дружны были, только вот Дэйтар и Тирра не очень. Мала она была для него. Умом еще не созрела, обзывалась, каверзы устраивала. Терпеть они друг друга не могли все ее пятнадцать лет, а уж после того, как он ее сестру старшую отверг, Тирра и вовсе его возненавидела. Вот и зол он жутко на королевский приказ был, даже в наш дом не приехал, чтобы самолично кольцо свое надеть. Но даже Ворон не может послушаться короля, клятва на нем крепкая.

— И его не смутило, что невеста уродина?

— Так он приходил к тебе в больницу-то, видел, что с тобой стало. Не помнишь?

— Нет.

И тут Лисси соврала. Зачем? Чтобы склонить меня к бегству от ужасного нравом и черствого сердцем жениха, тут же ответила я сама себе. Может, некромант не так и плох, как его малюют?

— И вовсе ты не уродина. Ты дурищу-то Гинбиху поменьше бы слушала. — Продолжая заговаривать мне зубы, матушка Зим смешала в чаше жидкость из склянок (она вспыхнула, как газовая горелка), подождала, когда опадут язычки пламени, и нанесла горячую мазь на мое лицо. — Прежней Тирриной красы у тебя нет, но ты и не безобразна. Даже твой ожог неприличен, как метка бордельных девок, недопустим для благородной аристократки, но не ужасен. Пятно побледнеет со временем,

почти незаметным станет.

У меня опять закрались подозрения: неужели только я вижу в зеркале «выюнок», а остальные — просто пятно ожога? Мы с Лисси никогда не обсуждали мой недостаток, но она всегда пыталась соорудить такую прическу, чтобы прикрыть мне виски.

Готово. Отступив на шаг, матушка Зим полюбовалась на дело своих то ли рук, то ли лап, покивала одобрительно головой.

— Ну вот, теперь тебя никто не узнает. А теперь дай-ка руки. У тебя слишком молодые руки, это подозрительно, милочка. Глаза пока не открывай, рано!

Закончив, колдунья вытерла мое лицо и руки влажным полотенцем.

— Можешь открыть глаза. Поди умойся, я полью.

Я подошла к умывальному тазику. Старушка поливала из кувшина, а я с ужасом смотрела, как краснеет вода в тазу. Она что, заживо с меня кожу содрала? И руки... Боже, боже, что у меня с руками?

— Вытрись. — На плечо легло полотенце. — Через пять минут впитаются остатки зелья, и можно будет посмотреть, что получилось. Я пока принесу что-нибудь перекусить.

Вернулась бабка не одна, за ней шли две служанки, одна с подносом, вторая с зеркалом. Обе никак на меня не отреагировали.

— Поднос на стол, зеркало на подоконник поставьте, — распорядилась матушка Зим. — И помои выплесните!

Одна из девушек забрала таз и даже не поморщилась при виде кровавой жижи. Едва они ушли, я поспешила к зеркалу и ахнула, схватившись за щеки.

— Ну как? — горделиво спросила колдунья.

— Это не я!

— Не Тиррина, — кивнула старуха.

Из зеркала на меня смотрела довольно приятная дама лет двадцати пяти или чуть старше. Изменилось все: форма губ, глаз, овал лица. Исчезла девичья припухлость щек и губ. Скулы стали выше и четче, подбородок тверже, губы строже, и в их уголках залегла ироничная складка. Появились две совсем легкие морщинки у глаз и милые ямочки при улыбке. Теперь у меня были теплые карие глаза вместо холодных серо-голубых. И разрез их стал миндалевидный, как у земных южных девушек — слегка навывкате, с поволокой. И даже взгляд изменился. Руки выглядели на мой новый возраст и выдавали, что их хозяйка не аристократка и знакома с физическим трудом.

Вполне может быть, что я выглядела бы почти так же в своем мире.

— С этим можно жить. Я ожидала худшего, — призналась я, отходя от зеркала. Показалось, я даже стала худее и выше.

Матушка Зим одобрительно кивала головой и лукаво улыбалась.

— Самое то, милочка. Младше нельзя — несерьезно. Красавицей писаной тоже нельзя — не получишь такую солидную работу. Дэйтар предпочитает приятные женские лица, но не смазливые. Я бы сделала тебя постарше, лет на сорок, но хватит и тридцати. Граф не любит нанимать в услужение старух. Говорит, они слишком брюзгливы. Хватит того, что твои волосы мы оставим седыми. Только не светлыми от природы, а темными. — Колдунья достала из кармана передника костяной гребень. — Садись, расчесу. А заодно ума прибавлю.

Последнюю фразу она прошептала одними губами, уже стоя за моей спиной, но я уловила это в зеркале. Мой настоящий отец-бизнесмен учил меня читать по губам, надеялся брать меня на переговоры с иностранцами, а такой навык в деловой жизни еще никому не помешал.

Расчесывая волосы, матушка Зим рассказывала мне поддельную биографию.

Итак, я теперь Тайра Вирт, единственная дочь бедного безземельного рыцаря Симмерса Вирта. Низшая ступень аристократической иерархии, но не простолюдинка, и на том спасибо.

Сирота.

Это на тот случай, если граф начнет наводить справки, а он начнет.

Симмерс Вирт погиб во время турнира, а его жена то ли умерла во время родов, то ли исчезла сразу после них. Факт в том, что Тайра оказалась сиротой и ее вынянчили и вырастили дальние родственники отца, жившие в глухомани у северной границы королевства. Девочка с детства отрабатывала каждый кусок хлеба до тридцати лет, пока в форпост Счастливая Подкова не нагрянул неизвестный гибельный мор.

Крепость сгорела. То ли обезумевшие и обреченные жители сами себя подожгли, дабы зараза не распространялась, то ли королевские маги сожгли строения вместе с трупами. Этого Тайра не могла знать. Реальная Тайра тогда же померла вместе со всеми. А поддельная, то есть я, чудом уцелела и от мора и от пожара и пряталась по лесам, пока не добралась до столицы, прослышав, что в Королевском Благородном доме дают работу всем разорившимся рыцарям и их потомкам. Король не пренебрегает благородной кровью — именно в ней могут дремать зерна человеческой магии. Или не человеческой, тогда таких нужно тем более держать под

контролем.

— С багажом все ясно, его нет. А как у меня с документами? — спросила я.

— Никак, — фыркнула бабка. — Все же сгорело. Потому ты и не попала сразу в Королевский Благородный дом, а магическая комиссия, которая может подтвердить твое право крови, соберется только через месяц. И ты, чтобы не умереть с голоду, начала искать работу. Но в твои тридцать лет, будучи старой девой...

Тут я зашипела, и старуха поспешно проговорила:

— Дитяtko, а что делать? Тиррина девственница, и это поймет любой маг выше третьего уровня с первого взгляда, и твое тело я не могу изменить *настолько* серьезно. Потому уж сама придумай причину, почему Тайра Вирт не познала мужчину до тридцати лет. Любовь, разбившая твое сердце, или обет, данный Небесам, — главное, чтобы ты сама верила в свою легенду.

— Но я выгляжу моложе тридцати.

— Еще бы. Мать реальной Тайры Вирт — потомок айэ. Именно поэтому для Тайры были закрыты все монастыри и пансионаты Небес, даже если бы вдруг у ее отца остались бы какие-то деньги на ее образование.

Колдунья, закончив возиться с моими волосами, заколола мне косу вокруг головы резными гребнями, отошла на пару шагов полюбоваться работой, хмыкнула.

— Неплохо.

Я покосилась в зеркало. Мое отражение стало еще строже и величественнее, словно на меня надели корону. Что ж, с этой внешностью я примирилась даже быстрее, чем с обликом пигалицы Тирры. И «выюнка» совсем незаметно, хотя я чувствовала свое украшение, никуда оно не делось, только ушло глубже. Жуткое ощущение.

— А кто такие айэ, матушка Зим?

В книгах Тирры встречалось это слово, и я примерно знала, что оно значит. Что-то вроде изначальных существ мира, который они называли Айэра (люди и маги называли эту планету просто — Мир и считали айэ нечистью, с которой нужно бороться «чистым магам», духовным детям Небес). И еще знала, что между человеческими магами и айэ всегда были напряженные отношения. На Земле нет единого слова для волшебного народа, а тут вот оказалось — айэ. Но книги книгами, а древняя колдунья должна знать больше.

— Трудно объяснить, если в твоём мире нет магии, Тамара.

— Зато у нас есть сказки и вообще богатое воображение. И о домовых

в нашем мире тоже известно, и об ундинах, и прочей нечисти.

Старуха недовольно поджала губы при слове «нечисть», пришлось извиниться, покаяться, и она быстро оттаяла.

— И куда же делись все эти существа из вашего мира? — заинтересовалась она.

— Не вынесли научно-технического прогресса и загрязнения окружающей среды, — глазом не моргнула я.

— Теперь понятно, почему у вас нет магии. Но это удивительно, ведь получается, у вашего мира нет души... Что ж, об айэ тут известно всем и каждому. Это волшебные существа, живущие в магической реальности мира. Домовые, дриады, ундины, русалки — это все айэ. Их множество видов, не всегда дружелюбных друг к другу. Не только леса, поля, реки и камни могут быть жилищем айэ. В любой человеческой вещи, особенно с вековой или кровавой историей, может поселиться айэ, и у вещи появится душа. Айэ — это воплощенная магия. Теневой народ. На самом деле айэ — истинный народ этого мира.

— И вы — айэ? — озарила меня догадка.

— И я, — усмехнулась старуха, быстро скользнув взглядом по стенам. Связки сухих трав зашелестели, словно ветер пронесся по комнате. — Именно потому, что Тайра — потомок айэ, хоть и не унаследовавшая магию теневого народа, моя помощь будет выглядеть правдоподобной в глазах Дэйтара. И это же может объяснить некоторые твои странности, дитя чужого мира. Лучшей легенды и не придумать.

— Вы потому знаете о судьбе какой-то там дочери безземельного рыцаря?

— Айэ всегда наблюдают за своей кровью, она может внезапно проснуться даже в десятом колене.

— А маги разве не потомки айэ?

— Маги! — презрительно скривилась матушка Зим. — Людишки, возомнившие себя равными нам! Хозяевами нашей земли! Как седло не может быть лошадью, так и маг не может быть айэ. Айэ — ветер, а маг — крылья мельницы. Маги могут ловить и использовать потоки силы нашего мира, но они никогда не станут живым сердцем этого потока.

— Почему тогда вы взяли в ученицы Тиррину, человека?

Старуха отвела глаза и ничего не сказала, но я уже все поняла.

— Десятое колено... В ней проснулась кровь айэ, так?

Матушка Зим вместо ответа подвинула к себе и раскрыла огромный грессбух, забытый мной на столе.

— А теперь о твоих обязанностях экономки. У нас слишком мало

времени, а тебе нужно многое запомнить...

— Подождите. Я вот чего не понимаю, матушка Зим. Вы говорили, что магия на меня не действует. Но ваши манипуляции с моей внешностью доказывают обратное!

Старуха на миг смутилась.

— Ах, милая, магия магии рознь. Разве в твоём мире нет лечебных трав? Они воздействуют на тело, но их сила совсем не магическая. Так и тут. Некоторые вещества нашего мира оказывают пластическое воздействие на строение кожи и даже кости, но это не полноценная магия. Именно поэтому ты самостоятельно сможешь обновить личину, когда закончится срок действия моих зелий.

— А гребень? Пока вы меня расчесывали, я запомнила каждое слово, а у меня не настолько развита память.

— У тебя прекрасная память, дитя чужого мира. Гребень лишь усиливает твои способности, не более. Как эхо в горах усиливает голос. Носи его не снимая, и ты справишься даже с замком Черного Ворона его величества.

Я с подозрением прищурилась на колдунью, но она была сама доброжелательность и невинность.

Может, она и не лжет. В конце концов, есть же и в нашем мире методики развития памяти и когнитивных способностей, хотя магии нет. Все дело в технологиях.

Но верить ей я не могу. Посмотрим, что за гребешок. Проверим, как только вырвусь из паучьего логова. Хотя я и не унаследовала магию Тирры, но ведь в замке наверняка найдутся сведущие люди...

До самого вечера старуха мучила меня необъятным grossбухом и инструкциями по ведению хозяйства, прервавшись только на скромный ужин, но добилась только того, что я уверилась: провалюсь. В первый же самостоятельный рабочий день провалюсь, даже если мой бывший жених наймет меня на должность экономки.

Когда уже почти стемнело, а шум и топот в доме затих, старушка зажгла тусклые свечи, а служанка принесла пару приличных, хотя и скромных платьев для меня — одно на сейчас, второе на смену, — помогла мне переодеться и закрепить на косах легкую накидку, положенную по обычаю незамужней даме низшей аристократии вместо чепчика простолюдинки.

Серый цвет в сочетании с серыми полуседеыми волосами сделали меня совсем невзрачной — родная мать не узнала бы Тирру.

Прощай, девочка.

У Тамары Коршуновой начинается новая жизнь под именем Тайры Вирт.

Глава 5

ЧЕРНЫЙ ВОРОН ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Приближалась ночь. Я уже устала и сидеть, и стоять, и ходить вдоль стен.

Мой мозг, даже пришпоренный гребнями, отказывался воспринимать лавину информации о должностных обязанностях домоправительницы, иерархии слуг и устройстве замкового хозяйства, а граф Ориар все не вызывал кандидатку на собеседование. Может, надо было резюме в письменном виде подавать?

— А если он уже уехал? — в сотый раз спросила я матушку Зим, лежавшую на единственной койке не раздеваясь поверх покрывала.

— Здесь он еще. Мало дел разве? Сад обследовать, свидетелей допросить. Он только что с королевским дознавателем снова побеседовал и твоего опекуна позвал.

Колдунье не надо было выходить из комнаты, чтобы быть в курсе всего, что происходит в доме: кто где находится и куда идет. Удивительная осведомленность. Но даже если она знала еще и содержание разговоров, то мне об этом не сообщала.

Наконец о нас вспомнили.

Дверь в каморку матушки Зим содрогнулась от стука и, едва колдунья успела вскочить с постели и оправить юбки, распахнулась, впустив бритого наголо мужчину в воинской форме — кожаные штаны и латы, скрепленные металлическими полосами и шишками. Безобразный рваный шрам на левой щеке делал его мужественное лицо уродливым.

На широкие плечи незнакомца был наброшен дорожный плащ, скрепленный рыцарской фибулой с гербом в виде летящей птицы с мечом в лапах. В местной геральдике я не разбиралась, но силуэт ворона узнать несложно. На оголовье меча, выглядывавшего из-под полы плаща, тоже виднелась воронья голова с глазами-агатами. И серьга в левом ухе напоминала птичью голову.

Неужели это и есть Ворон? Не может быть. Этому рубаке лет тридцать пять!

Я вздрогнула, когда пристальный взгляд колючих глаз, скользнув по колдунье, остановился на мне, а узкие губы скривились в неприятной ухмылке. Мне этот лысый тип сразу не понравился, я даже пожалела, что с

моей невидимостью покончено.

— Эта, что ли, твоя протеже, ведьма Зим? — спросил незнакомец, оглядев меня с ног до головы. Нет, все-таки он не граф Ориар, его голос оказался совсем другим, басовитым и грубым.

— Чего тебе надобно, сэр Гринд? — неприязненно спросила матушка Зим.

— Хочу посмотреть, какой гнилой подарочек ты пытаешься пристроить в наш замок.

— Твое ли дело наем слуг? — подняла бровь колдунья.

— Мое дело — все, что касается безопасности моего господина. Я должен проверить твою девку на ведьмовство.

Он еще и маг.

— А что, у графа самого силенок нет? — съехидничала колдунья.

— Будет он возиться со всякой швалью. Тебе меня сначала надо задобрить, ведьма. Без моего согласия не видать этой девке даже места в свинарнике, не говоря уже о замке.

Такой наглости я стерпеть не могла. Вздернула подбородок, процедила сквозь зубы:

— Не знаю, кто вы такой, сэр, но ваше поведение далеко от рыцарского. Я дама, а не девка.

— Дама? — гулко хохотнул грубиян.

— Я думала, ты окривел, Гринд, а ты совсем ослеп, бедняга, — фыркнула матушка Зим. К моему изумлению, колдунья оказалась знакома со светским этикетом и представила нас по всем правилам: — Достопочтенная мэйс Тайра, позволь представить тебе рыцаря Гринда, командующего гарнизоном замка Черного Ворона. Сэр Гринд, перед тобой мэйс Тайра Вирт, дочь рыцаря Симмерса Вирта.

— Мэйс? — переспросил грубиян, словно не расслышал принятое в этом мире обращение к незамужним девушкам. — Она еще и не замужем, в ее-то возрасте?

— Я дала обет Небесам, и мужчины меня не интересуют, — процедила я, выдержав долгий неприязненный взгляд так и не поклонившегося наглеца.

Боги, почему мне так везет на мерзавцев? Если он — командующий гарнизоном, то сможет пакостить мне на каждом шагу. Я еще не принята на работу, а уже нажила врага.

Неизвестно, чем бы закончилось наше противостояние, но в комнату с запоздалым стуком ворвался мальчишка лет двенадцати, служивший посыльным у баронессы, торопливо поклонился и выпалил:

— Матушка Зим, его сиятельство просит вас подняться в кабинет вместе с вашей знакомой, если вам не сложно! Но если вы не можете, я мигом сообщу, и он сам спустится.

— Поднимусь, не рассыплюсь, — проворчала старушка.

Командир гарнизона не стал нас сопровождать. Фыркнув, отправился на улицу, и по всему первому этажу раскатился его бас:

— Седлай коней, живо!

Поднимаясь по лестнице, я тихо спросила у колдуньи:

— За что он меня так невзлюбил?

— Не обращай внимания, он такой со всеми женщинами с тех пор, как его молодая жена сбежала с бывшим секретарем Ворона.

— Я ее понимаю, от такого чудовища не грех сбежать. Их не нашли, надеюсь?

— Нашли и казнили. Ее за прелюбодеяние, а секретаря за предательство. Ворон такого не прощает.

Меня передернуло. Ну и нравы тут. Средневековые какое-то. Мракобесы. И зачем я по доброй воле лезу в гнездо убийц?

Следуя за мальчиком, мы поднялись на второй этаж, свернули в правое крыло.

Боги мои, я тут всего один день не была, а такое впечатление, что полжизни прошло. Да я вообще другим человеком стала! Это входит в привычку.

Резные двери кабинета распахнулись, и настроение упало ниже нулевой отметки: наглый гость по-хозяйски устроился в моем любимом кресле за моим любимым столом у окна. А ведь в огромном кабинете, совмещенном с библиотекой, был вполне солидный рабочий стол, похожий на бильярдный — большой, массивный, на львиных лапах, со столешницей, обитой зеленым сукном. За ним любил работать отец Тиррины. Но граф Ориар — а именно он, без сомнения, сидел к нам спиной — выбрал изящный ореховый столик и что-то быстро писал.

Мой опекун стоял в двух шагах, не смея присесть. Лицо его было покрыто нервными красными пятнами, нижнюю губу он досадливо прикусил и в целом выглядел как нашкодивший и побитый бульдог.

— Подписывайте, барон. — Граф, не обращая на нас внимания, хотя сопровождавший нас мальчишка доложил о нашем прибытии звонко и громко, подвинул к краю стола, поближе к Ирвину Гинбису, лист бумаги и магическое чернильное перо.

Опекун подошел на негнущихся ногах и, скрипя зубами, подписал

документ, даже не читая. Видимо, содержание было ему хорошо известно. Отшвырнул перо и отвернулся. Видно было, что он старается держать себя в руках то ли из-за посторонних, то ли из страха перед некромантом. Граф, скрестив на груди руки, заявил:

— Даю вам два часа на сборы, барон.

— Это невозможно! Это... слишком мало. Моя матушка...

— Повторять не буду, — оборвал его некромант. — Что успеете собрать за два часа, с тем и уедете. Три года назад вы явились сюда с двумя саквояжами.

— Я буду жаловаться королю!

Мы с колдуньей изумленно переглянулись. Что тут вообще происходит?

— Жалуйтесь, — великодушно дозволил граф Орияр. — Как только вы раскроете рот, король получит всю информацию о ваших преступлениях. А теперь вон отсюда, и постарайтесь не попадаться мне на глаза. И еще, барон, я отлично знаю каждую вещь в этом доме. Мои люди проследят за вами. Если что-то пропадет из того, что принадлежало семье Барренса и лично леди Тиррине, я вас из-под земли достану. Понятно?

Развернувшись на каблуках, мой опекун выбежал из кабинета, едва не сбив меня с ног, я еле успела отскочить к стеллажу.

А когда, проводив его спину ошалелым взглядом, повернулась к узурпировавшему мое кресло графу, встретила с совершенно спокойными, даже смеющимися серо-голубыми глазами.

— Прошу меня простить, достопочтенные, — поднялся и слегка склонил голову Черный Ворон его величества, указывая на ряд стульев у стены. — Присаживайтесь.

— Что это такое было, сиятельство? — ворчливо спросила матушка Зим, усаживаясь на стул. Глаз ее упорно косил на подписанный бароном документ.

— Ах это... Я только что купил у барона Гинбиса этот дом и прилегающую к нему землю.

Что?! Я едва не выдала себя, но вовремя прикусила язык и потупила взгляд.

А вот матушка Зим издала странный клокочущий звук, и граф, метнувшись к стоявшему на зеленом столе графину, плеснул воды в высокий серебряный кубок и подал его колдунье.

А я вполглаза рассматривала бывшего жениха. М-да, Тома... И зачем сбежала, спрашивается? Красавчик же.

Ничего особо зловещего и ужасного не было в этом молодом

аристократе, кроме черного цвета одежды, серебряных перстней-артефактов с крупными черными и рубиновыми камнями и выгравированными на них пентаклями, черепами и еще какими-то знаками. Подумаешь, парень слегка увлекается готикой. У каждого свои тараканы.

А черты лица у него тонкие, породистые, слегка испорченные скептической складкой в уголках губ. Нос крупноват, зато прямой и тонкий. Подбородок решительный. Глаза красивые, умные, но чересчур холодные. Изменчивые, как снег. Волосы черные, густые. Так и хочется стянуть удерживающий их ремешок и посмотреть, как они рассыпаются антрацитовыми перьями по широким загорелым плечам.

Так, Тома-Тирра-Тайра, прекрати облизываться. Что упало, то пропало. Наверняка у него характер дурной. Вон как моего бесстрашного опекуна запугал! И невесты у парня таинственно мрут, да так, что и хоронить нечего. И своего секретаря он казнил...

И правильно сделала, что сбежала.

— Ну-ну, не стоит так расстраиваться, матушка Зим, — говорил тем временем граф. — Для вас ничего не изменилось. Вы будете жить здесь, как жили.

— Но зачем тебе этот особняк? Своего мало? — Старуха пришла в себя, отвела в сторону его руку с кубком и взглянула так строго, что даже у меня мурашки по спине пробежали.

Некромант пожал плечами и отошел, затем сел за стол, развернув кресло так, чтобы не выпускать нас из виду.

— Этот дом мне не нужен. Я хотел сделать свадебный подарок невесте.

— Но Тирра исчезла! И ты сам разорвал брачный договор. А теперь все-таки завершил сделку, зная, что дом проклят и людям здесь жить нельзя, пока не найден убийца ундины и не свершится месть?

— Да. Я знаю, что ни один водный маг не рискнет пробивать здесь новый родник и ни один архитектор не возьмется проводить водопровод. Но видишь ли, матушка Зим, я узнал, что барон Гинбис после сегодняшнего происшествия собрался продать особняк храму Темных Небес, а этого я допустить не мог. Если я могу законно перейти темнорясникам дорогу, я это сделаю. Их сделка назначена на завтра. Возможно, она давно планировалась, и утреннее происшествие в вашем саду имеет к ней непосредственное отношение.

— Ах, какой негодай! Он об этом пожалеет! — прошипела колдунья, и я побоялась смотреть в ее искажившееся гневом лицо.

— Не рекомендую пока его трогать. — Граф прищурился, глядя на

старуху, и та, к моему удивлению, разжала стиснутые кулаки.

— Ты что-то узнал, Дэйтар? — жадно подалась она вперед.

А некромант, наоборот, откинулся на спинку кресла, словно втайне желал оказаться подальше и от нас, и от этого разговора.

— Я уверен, что Ирвин вступил в сговор с темнорясниками, — сказал он. — Только у них есть сильные некроманты, неподотчетные гильдии магов, и им не нужно разрешение ковена на вызов.

— Но вызвать демона? Они же сами за такое на костер волокут.

Дэйтар презрительно скривил губы.

— Разве первый раз? Их сложно выследить, они очень аккуратны и не оставляют свидетелей. Но садовник Бер нашел место, где их адепт пробрался в сад. На кусте роз остался свежий клочок мантии. А остаточная магия на несчастной ундине просто смердела темными рясами. Увы, наша гильдия отказалась зафиксировать след. Мол, слишком слаб и не может служить доказательством, а клочок может быть подброшен. Эти трусы боятся связываться с храмом.

— Значит, концов не найти, и дом скоро умрет... — печально прошелестела старуха.

— Посмотрим, что запоют Гинбисы, когда за них всерьез возьмется мое ведомство. — Граф задумчиво повертел в руках магическое перо. — И о чем поведает демон, когда я до него доберусь.

Матушка Зим воспрянула духом, даже улыбнулась.

— Но как ты сумел заставить Ирвина продать дом, Ворон?

— Я представил ему доказательства незаконности его махинаций, с помощью которых он заполучил особняк, — криво усмехнулся некромант. — И пригрозил тюрьмой, если он не пойдет на сделку.

— То есть ты давно готовился?

— С тех пор, как узнал, кого король сосватал мне в жены. Я решил, что никакими драгоценностями вашу избалованную Тиррину не удивишь, а вот вернуть графине Барренс ее фамильное имущество было бы интереснее. В знак нашей старой... дружбы.

При этих словах его глаза сверкнули такой ненавистью, что мне стало понятно, как же на самом деле Дэйтар счастлив избавиться от невесты. Может, он сам и ундину убил, и демона вызвал? Все-таки правильно я сбежала.

— Ты еще не оставляешь надежды найти нашу девочку? — подалась вперед колдунья, пытливо заглядывая в его лицо.

— О свадьбе уже не может идти речи, матушка Зим, но я верну ее, если она еще жива. Как только узнаю имя демона, которому темнорясники

пожертвовали Тиррину, и получу от гильдии разрешение на его вызов. Или... есть еще способ, на самый крайний случай.

— Сам полетишь? — прошептала колдунья сочувственно.

Граф сжал перо во внушительном кулаке так, что оно треснуло и чернила закапали на ковер.

— Если понадобится.

Заметив безобразное пятно, он щелкнул пальцами, и с его руки сорвалось голубоватое сияние, длинным языком лизнувшее ковер. Через миг ни следа чернил не осталось на длинном ворсе, да и воздух в кабинете посвежел. Какой замечательный моющий пылесос, восхитилась я. Думаю, в замке графа нет проблем с пылью и пятнами.

— Ну, хватит о неприятном. — Некромант уничтожил обломки пера и перевел взгляд на меня. — Представьте меня вашей спутнице. Вижу, девушка уже заскучала.

Матушка Зим повторила церемонию представления.

Граф внимательно рассматривал меня, скептическая складка губ стала глубже. Да и можно его понять. Кого он перед собой видел? Блеклую двадцатипятилетнюю мэйс в глухом сером платье, с красными от работы (на самом деле от аллергии на зелья) руками и печатью неудачницы на челе. И это в обществе, где девиц, не отмеченных магией, выдают замуж в пятнадцать, и только магиням позволено учиться до совершеннолетия и полного раскрытия потенциала, а происходит это в двадцать один год.

Матушка Зим тем временем давила на жалость — рассказывала печальную историю сироты Тайры Вирт. И по всему выходило, что если граф не смирится и не пристроит сиротинку, то помру я тут же, не дойдя до порога.

Я непроизвольно поморщилась, и от графа не ускользнула моя гримаса. Он улыбнулся уголком рта.

— Не так и беспомощна ваша протеза, матушка Зим, если она добралась до столицы живой и невредимой из этих, как их...

— Из селения Счастливая Подкова. Это на северной границе королевства, у самых Рисских болот, — подсказала я.

Граф бросил взгляд на огромную, тонко прорисованную карту, занимавшую одну из стен кабинета.

— Слышал я об этой вспышке черного мора. Примите мои соболезнования. И что вы умеете, леди, кроме как ходить пешком на такие расстояния за какой-то месяц? — спросил он и нетерпеливо побарабанил длинными тонкими пальцами музыканта-некроманта по моему любимому ореховому столику.

Умен. Чертовски умен. В одном предложении расставить три ловушки! Спасибо папе-бизнесмену, который заставлял меня присутствовать на деловых переговорах под видом секретаря, а потом еще и учил меня анализировать чуть ли не каждую фразу акул-партнеров.

— Я не леди, ваше сиятельство, а дочь нетитулованного безземельного рыцаря, — занудно поправила я, проявив должную скромность и отсутствие тщеславия. — И добиралась я и пешком, и на телегах вместе с беженцами, и с обозами торговцев торфом, по-всякому выходило. И не месяц, а почти два с половиной. Мор начался в конце весны, когда снег сошел. У нас на севере он поздно тает. А умею я читать, писать, знаю счет...

И продолжала мысленно: а также английский, староанглийский, древнегреческий, латынь. Надо?

Светлые Небеса, да я даже кое-что из курса школьной алгебры вспомню, если поднапрячься. И геометрию с физикой. Немного.

Делопроизводство. Я у отца с шестнадцати лет секретаршей подрабатывала на фирме во время летних каникул, когда он своих длинноногих лапочек в отпуска выпинывал.

Основы веб-дизайна. В школе на курсы ходила, даже сертификат есть.

На гитаре три аккорда смогу взять.

Кофе варить. Коктейли смешивать. Шведский стол могу организовать за полчаса для папиных гостей.

Костер разжечь с одной спички. Палатку поставить, пескаря на червя поймать.

— Читать... — усмехнулся мой будущий работодатель. — Для домоправительницы не самое главное умение. Как насчет магии?

— Я не маг.

— То есть дом слышать ты не сможешь.

А это что еще такое? В grossбухах колдуньи об этом ни строчки не было. Подслушивать? Нет, не смогу.

Матушка Зим, почуяв, что ее протеже сейчас получит от ворот поворот, немедленно встряла:

— Можно подумать, кто-то из твоих бывших домоправительниц умел слушать дом! Это редкий талант, и магия тут ни при чем.

— А со слугами управляться мэйс Тайра может? — Дэйтар скептически поднял бровь.

— Да, — опередила я матушку Зим. — И хозяйство у тетки и дяди я вела. Правда, не такое большое, как замок, но ведь главное принцип, а не масштаб.

В конце концов, с родительским особняком я вполне справлялась, даже когда мама за границу сбегала, а папа деловые и не очень приемы устраивал. Слуг у нас не было, не графья, но домработницы приходили для экстренной уборки, и с ними я вполне справлялась.

Серо-голубые глаза его светлости блеснули холодным металлом.

— Масштаб в данном случае существенен, — сухо сказал он и перевел взгляд на притихшую колдунью. — Матушка Зим, вы объяснили специфику службы в моем замке?

Старушка замялась, потупила глаза.

— Не успела... с такими-то страхами, как сегодня. Да она на месте увидит, освоится.

— Освоится? — рассмеялся Дэйтар и снова повернулся ко мне. — Достопочтенная мэйс, вы знаете, кто я?

Я кивнула:

— А как же. Вы — лорд Дэйтар, граф Ориар, Черный Ворон его величества.

— Это титул и должность, которая преходяща. А суть в том, что я — маг, потомственный некромант. Замок Ориар — древнейшее гнездо черных магов, и в нашем доме не место слабонервным девицам. Среди моих слуг и вассалов есть и люди и нелюди, а люди — не только живые, но и мертвые.

Так и знала. Так и чувствовала. Ну, паучиха! Я метнула грозный взгляд на смущенную матушку Зим. Не успела она объяснить, видите ли. Да и я сама могла бы сообразить. Я тряхнула головой. Мы, Коршуновы, не отступаем.

— Но они же безобидные для живых, ваши мертвые слуги? — хлопнула я ресницами. — И трупный яд не будет с них капать и попадать в тарелки?

— Вот видишь, она не боится, — воспрянула духом хитрая старуха. — А где ты еще найдешь домоправительницу, которая не боялась бы твоих чудищ, мертвяков и скелетов? Ты столько лет ищешь, найти не можешь! А найдешь, так они у тебя на следующий день все сбегают. А ты еще и кочевряжишься, когда я тебе нашла подходящую душу!

Чудищ? Скелетов? Душу?!

Я сглотнула застрявший в горле ком. Мне резко расхотелось куда-либо наниматься. И третий раз за вечер я восхитилась своей интуицией — какая все-таки я молодец, что сбежала от этого извращенца! Не удивлюсь, если все предыдущие его невесты умирали от ужаса еще до свадьбы.

— Ну так что, наймешь девушку? — Настойчивости колдунье было не занимать. — Тайра не глупа, быстро научится, даже если чего и не умеет.

Да если бы не опоздала она всего на сутки на проверку, то была б уже в Королевском Благородном доме, и не видать тебе такой честной, благородной, образованной и хозяйственной дамы в экономах!

Молодой некромант с сомнением оглядел меня еще раз с головы до ног. С гордо поднятой головы, украшенной колдовскими гребнями и простенькой накидкой, до ног, обутых в старенькие разношенные сапожки, хотя на дворе лето в самом разгаре. Тяжело вздохнул и усталым жестом потер переносицу.

— Зачем она мне? — спросил он равнодушно. — С обязанностями экономки у меня вполне справляются Энхем, Тимусия и, скажем, Дженни.

— У твоего Энхема и без женской работы куча дел, пожалуй старика, — проявила колдунья удивительную осведомленность о внутренних делах графского замка. — А Дженни тебе упокоить пора. Сколько можно на ней ездить, она уже разваливается, бедняжка. Освободи ее, не гневи матушку-землю. Домоправительницей должна быть живая душа, а не ходячая мертвая плоть. Живая! Женская! Душа! Если, конечно, ты хочешь иметь нормальный жилой дом, а не полуразваленное воронье гнездо, совмещенное с конюшней.

— Достопочтенная айэни Зим! — вспыхнул оскорбленный граф.

Старушка вздернула подбородок и непримиримо уставилась в горящие гневом некромантские очи.

— Что, неправду говорю? Правду! Скоро развалится твое родовое гнездовище без женской-то руки. Хозяйка нужна. Если жены пропадают на полпути к брачному ложу, так хоть экономку путную в дом возьми. Пусть ее Дженни твоя и обучит, пока совсем не рассыпалась по косточкам.

Я содрогнулась который уже раз, представив гниющую мертвую Дженни. Боже, не выдержу ведь я такого кошмара.

Некромант прищурился с подозрением:

— Что-то ты слишком хлопчешь, матушка Зим. Не припомню, чтобы ты хоть о ком-то так радела, разве что о своей ученице Тиррине... до тех пор, пока она не стала графиней Барренс.

У меня сердце ухнуло в пятки, а в груди образовалась холодная сосущая пустота. Дьявольски умен, сволочь пернатая! Неужели догадался?

— Ты ведь знаешь, Дэйтар, наши законы. — Старая колдунья слегка опустила острый подбородок, но продолжала смотреть прямо и строго. — Я — айэни, и не могу оставить потомка айэ, даже с грязной кровью, без помощи. Потому и помогаю Тайре Вирт. А Тиррина... Моя Тирра после той трагедии потеряна. Айэ, которая в ней пробуждалась, спасла ее, но отдала все силы дотла. Тирра выжила, но умерла как айэ. Она уже не наша.

Граф помолчал, устремив глаза на карту и мягко постукивая пальцами по столешнице. Хотелось бы мне заглянуть в его мысли. Хотя нет, это же некромант и чернокнижник, у него и мысли наверняка черные.

— И кто из айэ оставил след в крови твоей протее, матушка Зим? — наконец очнулся граф. Колдунья поджала губы, скрестила руки на груди, и маг снова усмехнулся. — Знаю-знаю, не ответишь, но спросить-то я должен был. Не могу я впустить непонятно кого в свой замок. Хотя бы какая стихия?

— Да не важно это для нее. Деве уже тридцать зим от роду. Ее кровь глубоко спит. Видишь, магии у нее никакой нет. Но и магия на нее почти не действует.

— Вижу, — бросил на меня граф короткий взгляд. — Сэр Гринд уже доложил. Но с потомками айэ до самой их смерти можно ожидать подвоха. Да и подготовки у нее нет. Замок не деревенская избушка.

Я моргнула, пряча недоумение. Когда этот вояка успел доложить? Он ведь в другую сторону отправился, на улицу, а не в кабинет.

— Услуга за услугу, — выложила старуха решающий аргумент.

И граф тут же сдался, словно только того и ждал.

— Хорошо. Только ради тебя, матушка Зим, я дам ей шанс. Но если она не выдержит испытания, не обессудь.

— Даже если она не выдержит, я не забуду твоей услуги. — Колдунья поднялась, выпрямилась и стала как будто выше. — И того, что ты выкупил этот дом и землю и стал тут хозяином, я тоже не забуду, Ворон.

— Это временно, пока не будет найдена Тиррина.

— А если не найдется?

— Тогда подскажешь мне стоящего покупателя. Не дарить же короне.

Граф тоже встал. Ну и я подскочила. И напоролась на холодный неприязненный взгляд серых глаз, пригвоздивший меня, как булавка мотылька.

— Что касается места экономки, — процедил чем-то недовольный некромант, — мэйс Вирт, контракт будет предложен вам только после испытательного срока, а пока предлагаю стандартные условия и стандартное жалованье. Согласны?

— Хотелось бы знать, каковы они, ваше сиятельство, — гнусаво выдавила я.

Голос почему-то охрип, как от долгого крика. Беззвучного. Еще бы. Если у него в слугах поднятые трупы, то кем я буду командовать? Нежитью? И главное, как?

Будущий работодатель изумленно поднял брови.

— Так вы еще думаете отказаться, мэйс?

Я подняла на него глаза. Папа всегда говорил, что у меня получается просто убийственный взгляд исподлобья.

— А почему я должна соглашаться на работу в нечеловеческих условиях? Они далеки от стандартных хотя бы потому, что у вас в замке нелюди, черная магия, скелеты и непонятно что еще. И еще неизвестно, сколько я буду получать в неделю...

— В неделю? — перебил некромант. — Да вам бы там сутки продержаться, достопочтенная мэйс Вирт!

— ...и какая будет ежемесячная премия за безупречную службу, — невозмутимо добавила я.

Серые глаза напротив стали круглыми и огромными, приятно посмотреть. У меня открылось второе дыхание.

— Еще хотелось бы знать, ваше сиятельство, положены ли мне выходные, бесплатная еда не менее трех раз в сутки, бесплатная форменная одежда и обувь, в том числе сменная, личные апартаменты хотя бы из двух комнат с отдельной уборной? — перечисляла я, с удовольствием наблюдая, как вытягивается холеное аристократическое лицо. — Да, и еще мне по должности положена личная горничная.

Папа сейчас был бы доволен — не зря обучал меня вести деловые переговоры с кем угодно, от бомжей и бандитов до олигархов и чиновников. Подумаешь, некромант! Он наших высокопоставленных бандитов не видел!

Потрясенный Ворон перевел ошалелый взгляд на довольно усмехающуюся матушку Зим.

— Это ее я назвал скромницей? Беру свои слова назад.

Но меня уже не сбить каким-то там Вороном. Я — Коршунова, повыше летаю.

— И я не согласна быть ученицей у мертвячки. Мертвые не могут учить живых! — выпалила я и замерла. Ну все, теперь точно не возьмет. Не очень-то и надо. Пропитание я себе обязательно найду, с моими-то способностями к игре на гитаре и барабанах!

Граф устроил минуту молчания. Гробового. Мы с матушкой Зим боялись дышать. Наконец он отмер:

— Айэна Зим, где вы откопали это чудовище?

— В селении Счастливая Подкова! — хором ответили мы с колдуньей.

Дэйтар Орияр снова рухнул в кресло, налил воды из графина в кубок, выпил залпом и, хлопнув ладонью по столу, молвил:

— Пусть так! Заключим временный контракт. И вот вам, мэйс Вирт,

мои условия...

Глава 6

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ

Дорожная карета выехала за ворота особняка Барренсов уже близко к полуночи, и в ней одинокой горошиной тряслась моя нищая особа.

Матушка Зим словно читала слова Шерлока Холмса: «Если хочешь что-то спрятать, держи это на виду».

Лучше мне не спрятаться.

Насколько я смогла понять из книг Тиррины, обряд бракосочетания состоял из трех этапов. Название первого мой ум перевел как «наречение» — двое становились женихом и невестой и обменивались магическими кольцами, если оба будущих супруга — маги. Если отторжения магий не происходило, объявлялся второй этап — «обручение», когда кольца заменялись родовыми артефактами.

Если в нашем мире обрученные еще не считались мужем и женой, а просто давали друг другу обещания и через какой-то период сочетались настоящим браком, то в магическом мире все происходило иначе, здесь исповедовался принцип «не навреди».

Магический ритуал соединял жениха и невесту, после чего в течение двух-трех месяцев их магия адаптировалась друг к другу, если оба супруга были магами, или если кто-то один обладал волшебной силой, то второй адаптировался к ней.

И только через два-три месяца проводился следующий, главный обряд, переведенный мной как «конфирмация», или «утверждение», когда священники и маги убеждались, что от соединения супругов никто из них не пострадает, и подтверждали брак.

Только после этого супругам позволялось взойти на брачное ложе, хотя, судя по немногочисленным романам из семейной библиотеки графов Барренсов, многие маги и магессы, особенно ученики Школы Ока, плевать хотели и на строгости, и на условности. Любовь соединяла любую магию. Если кто-то калечился и даже умирал в процессе, значит, ошибка вышла: любовь была ненастоящей, какая трагедия.

Я не могла нарадоваться, что избежала этой ужасной участи!

Из вещей при мне была только плетеная корзинка с крышкой, а в ней — платье на смену, шкатулка с расческой и гребнями, боб с подоконника, который мне было велено посадить в горшочек, и драгоценный мешочек с

зельями для обновления облика. Записать технологию колдунья мне не позволила, но шепот старухи, обучавшей меня пользоваться ими, до сих пор звучал в ушах, стоило лишь подумать о нем. Наверняка дело в гребешках. У меня хорошая память, но не феноменальная.

Отодвинув занавеску, я проводила взглядом трехэтажную слепую громаду особняка, без единого луча света в окнах. Только факел в руках садовника Бера освещал крыльцо. После нашего отъезда он тоже покинет дом, и старая колдунья Зим останется совсем одна. На миг мне ее стало жаль, но айэни совсем не выглядела расстроенной. Наоборот, нелюдь словно помолодела, и ее глаза сияли радостью и облегчением. «Наконец-то отдохну без людей!» — говорил ее взгляд.

Я не имела возможности проследить, куда и как направился граф Ориар, но какие-то всадники скакали впереди на лошадях масти цвета ночи — я видела их на поворотах. Грохот копыт по мостовой доносился и позади экипажа.

Первый раз я ехала по ночному городу, да и днем меня не часто выпускали за пределы особняка, но память у меня хорошая, а план, висевший в кабинете отца Тиррины напротив карты королевства, оказался красочным и подробным, и теперь я от скуки играла в угадайку.

К моему удивлению, карета направилась в противоположную сторону от Королевского холма, где располагались самые богатые дворцы и здания государевых служб. Странно. Насколько я помнила из болтовни Лисси, граф почти постоянно бывает при дворе, он не может жить далеко от дворца.

Быстро миновав кварталы аристократов средней руки, мы направились к северным воротам столицы, пересекли по мосту довольно широкую реку, отделявшую благородную часть столицы от плебейской.

Но до ворот не доехали.

Карета остановилась посреди парка. Деревья здесь росли тощие, но высокие, и стояли они густо, закрывая небо. В плане он обозначался как «Парк молитв пресветлой Диллии». За ним находился монастырский комплекс храма Светлых Небес.

Дверца открылась, и я увидела двух рыцарей с факелами и мрачного сэра Гринда.

— Выходите, мэйс! — скомандовал этот мужлан.

Что-то мне не хочется. Глухая ночь, пусть и летняя. Темный парк, хоть и имени молитв какой-то пресветлой. И семеро молодых, за исключением Гринда, и сильных мужчин.

— Мэйс Вирт! — В круг, освещенный факелом, въехал на черном

жеребце сам Ворон. — Не заставляйте нас ждать.

— Ступеньки, — напомнила я, не сдвинувшись с места.

— Ах да, — поморщился граф, и по его знаку кучер спрыгнул с облучка, откинул лесенку и подал мне руку. Голую. В смысле, не в перчатке. Пришлось держаться за его предплечье, закрытое рукавом ливреи.

Сэр Гринд, оценив маневр, фыркнул:

— Тоже мне, *ледя* деревенская!

Проигнорировала мужлана. Куда больше меня волновало, под каким кустом меня прикопают. Хорошо бы вон под тем, чьи цветы и запах до одури напоминали земной жасмин.

Граф спешился, бросив поводья одному из спутников, подошел и остановился в двух шагах от меня.

— Не пугайтесь, мэйс Вирт. Ничего плохого с вами не случится. Я решил не затягивать с небольшой проверкой.

Затравленно озираясь, я отступила на шаг и наткнулась на колесо кареты. Лошади дернулись, колесо повернулось.

— Осторожнее! — Граф, метнувшись вперед, вытащил меня из-под колеса.

Треск ткани сообщил, что одежды у меня осталось еще меньше. Боги, да какая разница? Мне сейчас только саван потребуется.

Некромант, крепко удерживая меня за плечо, ловко выхватил гребень из моей прически и бросил добычу Гринду.

— Пустите! — дернулась я.

А граф достал второй гребень и отступил на шаг. Мои волосы рассыпались по плечам и спине, прядь упала на глаза, закрыв обзор. Я воспользовалась свободой и, подхватив порванную юбку, метнулась с мощеной дорожки, рассчитанной как раз на один экипаж, на обочину. Сквозь густые, как массажная расческа, заросли всадники точно не протиснутся.

Но в воздухе что-то свистнуло, и мою талию захлестнул толстый, как змея, кнут. Я задохнулась от боли и с трудом устояла на ногах. Поймавший беглянку всадник подтянул меня к себе, намотав плетеный ремень на локоть.

— Оставь ее, Кенз! — приказал граф. — Разве я велел? Уверен, мэйс Вирт проявит послушание и не сбежит. Не так ли?

— Не так, милорд, — прошипела я, пытаясь освободиться. — Я буду защищаться!

Средневековые хамы переглянулись и расхохотались. Как же я их

ненавидела!

— Не бойтесь! С вашей головы и волос не упадет, мэйс Вирт, — произнес некромант мягким, успокаивающим тоном, каким в сериалах говорят с душевнобольными. — Мы лишь проверим, что за гребни у вас интересные. Сделать это нужно как можно быстрее, до приезда в замок, но подальше от логова айэни Зим и всех прочих айэ. Вы должны понимать, что такая проверка возможна только на освобожденной от влияния нелюдей земле. Именно на такой освященной территории мы и находимся — в парке пресветлой Диллии.

Во время его речи всадник по имени Кенз снял с меня петлю ремня, а сэр Гринд вынес из кареты и, не церемонясь, выпотрошил мою корзинку. Шкатулка с гребнями переключалась в руки графа. Гринд, развернув и осмотрев мое сменное платье, отбросил его в пыль, как тряпку, а Кенз поджег его факелом.

— Что вы творите?! — не выдержав вандализма, завопила я. — Вы говорили, ваше сиятельство, что с момента подписания временного контракта я под вашим покровительством и защитой!

— Так и есть. Вам лично никто не причинит вреда, мэйс Вирт. Но и я не могу допустить, чтобы вы причинили мне вред, осознанно или нет. Ваши вещи пропитаны магией айэ. К тому же мне не нравится серый цвет.

Пока я задыхалась от бессильного гнева, варвар Гринд вытряхнул из мешочка мои баночки с мазями и рассыпал травы по грязным булыжникам. Мои травы для восстановления личины!

— Интересный набор! — Бритый вандал Гринд присел на корточки и, безглаголиво морщась, поднимал и обнюхивал веточки и травинки. — Милорд, тут трава костеломы, оборотнической сыти, болотной вейки, веегона и еще что-то незнакомое, чему я и названия не знаю. Провались я в Бездну, если это травы для бабских настоев от беременности. Явно не целебная смесь. Тут что-то другое. Нутром чую — дрянь.

Граф протянул руку вниз ладонью, и от нее потекло зеленоватое сияние, сгустившееся облаком над моим рассыпанным сокровищем.

— Любопытно. Надо будет проверить.

Дэйтар Ориар легонько пошевелил пальцами, и зеленоватое облако окрасилось синими искрами, а рассыпанная трава поднялась в воздух вместе с пылью и, свернувшись в жгут, ввинтилась в зев раскрытого мешочка. Туда же плюхнулись нетронутые баночки.

— Возьми это, в замке разберемся, — сказал некромант. — Больше подарков от матушки Зим нет?

Гринд, которого я уже ненавидела всей душой и тщетно пыталась

убить взглядом, окинул меня столь же убийственным взглядом с ног до головы.

— Ее платье, — заявил он.

— Только посмейте! — процедила я не менее ледяным тоном, но непроизвольно обхватила плечи руками. — Я буду жаловаться королю!

Некромант пожал плечами.

— Жалуйтесь сколько угодно, мэйс Вирт, но вам придется переодеться. Ничего из вещей, созданных или обработанных магией айэни Зим, не должно попасть в мой дом. При всем моем к ней уважении. Не понимаю, на что она надеялась. Айэни прекрасно знает мои принципы.

— Но не теряет надежды просочиться, — ухмыльнулся сэр Гринд.

— Тогда зачем вы согласились нанять меня, милорд? — задала я резонный вопрос.

Дэйтар Ориар даже не посмотрел в мою сторону, гад пернатый. Мол, кто ты такая, чтобы перед тобой графья объяснялись?

— Кенз, позаимствуй в обители женскую одежду, — сказал он, развернувшись к свите. — Только *очень* быстро. И не ошибись с размером.

— Обижаешь, мой лорд. С моим-то опытом? — хохотнул рыцарь, разворачивая коня. Кнут, как я заметила, уже был свернут и приторочен к седлу.

Напрасно я думала, что всадники не протиснутся сквозь частокол деревьев. Кенз направил жеребца прямо в чащу и растворился. Проклятые маги! Как они это делают?

Пока мне добывали платье, я стояла молча и неподвижно, как памятник оскорбленному достоинству. Все силы уходили на то, чтобы не расплакаться. Никто еще так меня не унижал, даже опекуну не удавалось. Ветерок трепал мои распущенные волосы и рваную юбку, высушивал злые слезинки.

На меня никто не обращал внимания. Пофыркивали лошади, недовольные тем, что им не позволили пощипать парковую травку. Всадники дремали в седлах, пользуясь минутой передышки. Маги, перебрасываясь короткими репликами, исследовали мои волшебные гребни и шкатулку с расческами.

— Как интересно сработано, Дэйтар, — послышался густой бас сэра Гринда. — Не могу понять, зачем тут резонатор? И на каждом кристалле заклинания отличаются.

— Похоже на обучающие кристаллы. — Граф провел пальцем в сантиметре от гребня, украшенного узором из разноцветных стекляшек, вдавленных в кость.

И тут я почувствовала, как за край подола кто-то уцепился и пополз вверх, — большой и тяжелый, как майский жук. Подавив истошный визг (леди не орут как недорезанные), я опустила взгляд и в неверном свете факела, воткнутого в специальный рожок на карете, увидела... жука. А через миг поняла, что никакой это не жук, а боб матушки Зим, каким-то чудом не попавшийся на глаза магам.

Если бы я не была так зла на ограбившего меня некроманта, я бы стряхнула гадость и отошла подальше. Но я была страшно зла. Поэтому, дождавшись, когда боб поднимется выше, я незаметно отцепила его и спрятала в карман. Нечисть сразу притихла.

— Что-то долго Кенз не возвращается, — хмуро заметил Гринд.

Граф ухмыльнулся.

— Боюсь, он перепутал обители.

Кенз появился только через четверть часа, по моим ощущениям. Отец всегда хвалил меня за то, что я хорошо чувствую время. В этом мире способность меня не подводила, может быть, потому, что суточные и годовые циклы оказались очень близки.

Прибывший загрузил объемную коробку в карету.

— Вы можете переодеться, мэйс Вирт. — Граф показал на транспорт. — Не пугайтесь, внутри будет магический свет для вашего удобства.

Я забралась в карету. Тут же зажглись четыре ярких шара по углам. И только задернув шторы и рассмотрев одеяние, я поняла, как мерзко надо мной подшутил этот засранец Кенз. И наверняка с одобрения хозяина-некроманта!

В коробке было не монашеское одеяние. Там лежали бесстыжие кружевные тряпки винного цвета, белье и чулки с подвязками, наверняка снятые со шлюхи из ближайшего борделя. И крючки платья застегивались на спине! И корсет отсутствовал!

— Вам помочь, мэйс Вирт? — с наглым смешком поинтересовался Кенз, но к шторкам и дверцам никто не полез.

Хотелось кого-нибудь убить. Хотелось орать матом и биться головой о стену. Хотелось домой, к папе. И даже к маме, давно бросившей нас. Дико хотелось сесть за руль и умчаться из этого поганого мира, вдавив газ, с запредельной скоростью.

И чтобы эти дикари провалились к демонам.

Вспомнив рогатого выходца из преисподней и его клыки, я вздрогнула и принялась снимать с себя рваную одежду и натягивать ее кружевную видимость. Черт с ним, с платьем. Я и не такое открытое носила дома. Но

если некромант меня выгонит, то уже никто не защитит от злобного демона. Натурального демона, боги мои!

Белье я оставила свое. Чулки с подвязками пришлось надеть, они выглядели совсем новыми. С крючками платья пыталась справиться сама, но безуспешно. Помучившись, сняла его. Подумав, выдернула нитку из вышитой золотом каретной подушки.

— Мне нужна иголка, — громко сказала я. — Тут... кружево порвалось. Я дочь рыцаря и не могу...

В карету просунулась рука со стальной иглой в крепкой мозолистой ладони — большой походной иглой с ушком, в которое и ворона может проскочить.

— Держите.

Кажется, это сэр Гринд. Надо же.

— Благодарю.

Сцапав иглу, я продернула в нее длинную золотую нить и аккуратно продевала в крючки и петли платья.

— Вы там живы, мэйс? — Граф явно терял терпение.

— Еще пару минут, милорд. Дырка великовата.

Некромант отошел, и я услышала его негромкий голос:

— Что за рваньё ты притащил, Кенз?

— Кхм... Уж что дали, мой лорд, то и принес. Я и не рассматривал особо.

Осторожно, чтобы мое плетение не разъехалось, я надела платье и, заведя руки за спину, аккуратно потянула за концы золотой нити. Мое счастье, что Кенз ошибся с размером, не разглядев толком мою талию в мешковатом платье, и крючки с петлями сошлись легко. Кое-как закрепив концы нитей, я поправила пышные и многослойные, но полупрозрачные юбки с кружевным верхом.

По сути, я была искусно раздета. Лиф, отделанный воланами из органзы, едва держался на узких бретелях, приспущенных на плечи. Спина обнажена до лопаток, а декольте оказалось неприлично глубоким и почти ничего не скрывало. Это платье можно было носить только с помощью клея или магии.

Я кое-как причесала пальцами волосы и заплела косу. И — чуть не забыла! — спрятала боб за подвязку чулка. Вдела ноги в старые полуразвалившиеся сапожки — великолепное сочетание, просто оборжаться уродам. И отдернула занавеску.

— Я готова, милорд.

Дверца тут же распахнулась, и серые глаза изумленно осмотрели мои

обнаженные плечи и едва прикрытую кружевом грудь, оценили степень прозрачности юбок, сквозь ткань которых просвечивали ноги. Бросив зверский взгляд на Кенза, граф сам протянул мне руку в перчатке.

— Мэйс Вирт, вам придется еще раз выйти, нужно проверить карету.

И почему они раньше не додумались?

Я двигалась так, словно столб проглотила: спина прямая и каменная, не дай Небо нитка лопнет.

Не лопнула.

Но это же еще не конец. Еще надо обратно сесть и доехать... куда-нибудь, где можно купить нормальное платье. В счет будущей зарплаты.

Свита графа, к счастью, молчала. Все мужчины отводили глаза, только наглый Кенз глазел, ухмылялся и норовил так развернуть коня, чтобы увидеть мою полуголую спину, а ее и без того обжигало взглядом Ворона.

И тут сэр Гринд снова потряс меня. Выругавшись под нос, он спешился, снял свой плащ и накинул мне на плечи. И даже вспомнил об учтивости:

— Позвольте, достопочтенная дама...

— Спасибо, сэр рыцарь, — прошептала я.

— Простите его, мэйс, — так же тихо ответил Гринд. — Молод он еще.

Я пожала плечами и отвернулась, даже не уточняя, кого имел в виду командир гарнизона: своего подчиненного Кенза или сюзерена. Их молодость — не оправдание хамству и грубости. Была бы перед ними не Тайра Вирт, а Тиррина Барренс, эти «рыцари» были бы сама любезность. А над служанкой можно и поиздеваться. Лицемеры.

И ничего не поделаешь: феодальный менталитет во всей красе.

За моей спиной полыхнуло синим пламенем: некромант уничтожал старое платье и обеззараживал карету от чужой магии. Интересно, чего он боится? Как айэни Зим может навредить ему, если он такой сильный маг, как говорят? Странные у них отношения. Впрочем, я слишком мало знаю об этом мире, чтобы правильно оценивать их поступки. Не думаю, что граф тут в парке мается дурью, вместо того чтобы отдыхать после такого напряженного дня.

— Можно ехать, — устало распорядился Дэйтар Ориар. — Мэйс Вирт, вам будут компенсированы все неприятности, которые вам пришлось здесь пережить.

— Не все можно заштопать золотом, милорд, — сказала я тихо, чтобы услышал только он.

— Верно. Но вы едва не стали невольной предательницей моих

интересов. На ваши вещи было навешано столько следящих, гипнотических и прочих заклинаний, что проще уничтожить, чем очистить. Только вот этот гребень вполне безобиден. — Он вложил мне в руку гребешок из шкатулки.

— А мои мази и лекарства?

— Изучим и отдадим, если не найдем вреда.

Параноик. И ведь не зря, вздохнула я про себя, украдкой проверяя, не вывалился ли боб из-под подвязки. Что же мне делать без зелий, когда придет срок? Даже если мне отдадут мешочек, вряд ли получится воспроизвести в точности тот же облик Тайры Вирт, может не хватить какой-нибудь травинки. Или лицо станет рябым от пыли, собранной в кисет вместе с травой.

Придется в первый же выходной провести матушку Зим. Сдаваться я не намерена.

— И все-таки, ваше сиятельство, если вы так не доверяете, зачем согласились нанять меня?

Граф помог мне сесть в карету (чертова нить все-таки лопнула!) и забрался сам. Я, чувствуя, что платье съезжает с груди, вцепилась в плащ. Карета мягко тронулась с места.

— Попробую объяснить, — сказал граф, усевшись напротив. — Мэйс Вирт, айэни Зим никогда никого ни о чем не просила, и я хочу понять, почему она приняла такое участие в вашей судьбе. Кроме того, вы первая девушка, которая за последние годы добровольно решила работать в моем замке. Остальные соглашались на работу в Ориар-Дерте только вместо смертной казни или каторги. За исключением ведьм и некроманток, но этих я сам не жалую. Мне интересно, вы действительно такая смелая или за этим стоит что-то другое?

— Вы хотели сказать — такая глупая? Милорд, откуда мне знать, что меня ждет, если я никогда не сталкивалась с некромантами.

— Никогда? — бросил он быстрый и острый, как клинок, взгляд. — Странно. Как раз с севера и идут к нам волны нежити. В каждой деревне хотя бы по одному черному магу должно быть, это закон.

— Я не интересуюсь мужчинами, милорд, — выкрутилась я и плотнее запахнула плащ. — У меня обет.

— Именно это Кенз и хотел проверить, когда выбрал для вас столь неподходящую одежду. Первое испытание вы выдержали. Вы не позволили мужчине прикоснуться к вам даже в такой тупиковой ситуации, вы не кокетничали и не истерили. И вы находчивы. Это большой плюс. А теперь я вас оставляю, мэйс Вирт.

Он остановил экипаж и вышел.

Испытание, значит. Первое. И ведь не приснился же мне зверский взгляд, брошенный графом на Кенза. Значит, бордельный наряд — инициатива рыцаря, но граф его поддержал, даже не возмутился столь вольным исполнением приказа. Мужланы. Дебилы средневековые. Сила есть, ума не надо. Что еще они придумают? Какие унижительные проверки себе на потеху?

Меня зазнобило от предстоящих перспектив, и я попыталась закутаться в плащ плотнее, дернула, не заметив, что его пола за что-то зацепилась. Материя затрещала и образовалась дыра с кулак. Ну все, Гринд меня еще больше возненавидит. Что за напасть? Почему мне так не везет?

На миг захотелось сбежать в обитель Светлых Небес, должен же у них быть приют для бродяжек. Но я — Тамара Коршунова, и мне надо выбраться из этого дрянного мира, а Ворон — сильный маг, один из тех, кто может приблизить меня к разгадке моего тут появления.

Граф выполнил обещание: выдал Гринду несколько монет на новые шмотки. В этом мире не было круглосуточных супермаркетов, и рыцарям пришлось взять штурмом модную лавку, вытащить ее хозяина из постели, а тому — растолкать служанку.

Сонная, но любезная до слащавости девица помогла мне надеть платье — голубое, в тонкую синюю полоску, с кружевной отделкой по вороту и рукавам и с застежкой сбоку. К нему подобрали и накидку в комплекте с гребнями. И даже легкие летние башмачки, две пары, кожаные и мягкие холщовые. Туфли на каблуках слугам не положены.

После этого мы нигде не задерживались.

Покинув город, карета катилась по гладким каменным плитам тракта ровно, слегка покачиваясь на рессорах. Клонило в сон, но слишком яркие магические светильники не давали уснуть, и я принялась за штопку порванного рыцарского плаща.

Странно поворачивается судьба. Я могла бы ехать в замок Ворона как графиня, обрученная невеста и будущая хозяйка. А еду как служанка. И профсоюзов здесь нет, и жаловаться не на кого, все по моей доброй воле.

Да и грех жаловаться. Несмотря на зависимое положение, я получила гораздо большую свободу, чем если бы стала женой лорда Дэйтара.

Да, придется вкалывать. Но я этому даже рада. За последние два года мне до смерти надоело затворничество в особняке, безделье и строжайший надзор опекуна, его матери и моей отвратительной гувернантки.

Да, у меня появился хозяин, чьи приказы я обязана беспрекословно

выполнять, если они не противоречили королевским законам и моим служебным обязанностям. Но между мной и работодателем всегда стоял король и его суд. А вот у жены гораздо больше неприятных обязанностей, и по местным традициям муж для нее и хозяин, и король, и судья. Средневековье во всей красе.

Да, у меня будет ненормированный рабочий день, и я обязана являться по первому зову хозяина хоть днем, хоть ночью. Но даже дворецкий не имел права мною командовать без согласования с его сиятельством.

А еженедельный выходной, свобода передвижения и пятнадцать золотых руней в месяц скрашивали и эти неприятные обстоятельства. Это просто баснословное жалование для неопытной экономки во время испытательного срока. Лисси получала три золотых в месяц, и держалась за столь хлебное место зубами. Впрочем, теперь я знала истинную причину ее энтузиазма.

И самое приятное: пять руней я получу даже в том случае, если уволюсь из замка через сутки. В качестве моральной компенсации.

Мне показалось, граф Ориар и хотел этого, чтобы я сама убралась подальше, потому и вписал в контракт столь восхитительный пункт.

Все мои пожелания были учтены. А глобальное требование некроманта было одно: слушаться и не соваться туда, куда нельзя под страхом не просто смерти, а смерти с последующим поднятием моего трупа.

Ну и по мелочи: не покидать замок без разрешения, не крутить романы с мужским населением, держать язык за зубами и прочее, и прочее, всего я даже не запомнила, но всегда могу перечитать в своем экземпляре контракта.

Видимо, я то ли задремала, то ли задумалась, потому что очнулась, когда карета резко остановилась, инерция смела меня со скамьи, и я едва не расшиблась о сиденье напротив. Хороша бы я была с разбитой губой и фингалом под глазом.

— Приехали, мэйс! Дальше пешочком.

Дверца распахнулась, кучер вытащил меня — ноги я отсидела, и они не слушались — и прислонил к прохладной коже кареты.

Летом светлеет рано, и небо уже жемчужно светилось и поддурманивалось на востоке.

А на западе так и вовсе, казалось, солнце взошло — так ярко светился круглый контур висевшей в воздухе арки — огромный обруч со световыми спецэффектами и непроницаемым белесым туманом внутри. В фильмах так обычно выглядели порталы, а значит, замок далеко от столицы и до

матушки Зим за один выходной не добраться. Плохо.

В поле зрения появились всадники — сэр Гринд и сэр Кенз.

— Поторопитесь, мэйс! Остальные уже прошли.

— Сэр Гринд, я случайно порвала ваш плащ, но уже заштопала. Простите.

Я протянула ему сверток, аккуратно сложенный заштопанной дырой кверху, чтобы сразу увидел нанесенный ущерб. Нитки я надергала из той же подушки, но не золотые, а темно-синие, и пришлось вышить что-то вроде славянской обережной руны. На черной ткани почти незаметно.

Бритый пялился с полминуты, рассматривая штопку, и на его непроницаемой морде не дрогнул ни мускул.

— Ничего страшного, мэйс. — Командир гарнизона накинул плащ на широченные плечи и застегнул фибулу. — Вы ходили когда-нибудь порталами?

— Не доводилось.

— В таком случае мне придется взять вас за руку. Ваш обет это позволяет?

— Вполне, если нужно для дела.

Кенз, наблюдавший за нами в стороне, заржал не хуже своего жеребца.

У самого портала, почувствовав на коже адский холод и что-то совершенно жуткое, потустороннее, выворачивающее душу, я уперлась, вырвала руку из хватки рыцаря и побежала прочь.

— Ни за что! Не хочу! У меня порталобия! Я разрываю контракт в одностороннем порядке, причем по эту сторону портала!

Не помню, что еще я кричала и как отбивалась. Сэр Гринд, рыча и ругаясь на «глупую деревенскую курицу» чуть ли не матом, под хохот Кенза поймал меня и втащил на руках в эту кошмарную хищную дыру. Я успела лишь попрощаться с жизнью, зажмурить глаза и набрать воздуха в грудь, как перед прыжком в воду.

Глава 7

ЗАМОК ВОРОНА

— Типичная реакция айэ и их смесков на пространственные порталы, — встретил нас насмешливый голос графа. — Можешь поставить даму, сэр Гринд.

Меня поставили на ноги, но придержали за локоть. Я все еще боялась распахнуть глаза. Было стыдно за истерику, да и голова кружилась, кожу пощипывало, как на процедуре электрофореза, а «вьюнок», о котором я успела забыть, истерично пытался ввинтиться мне в висок поглубже. Ужасное ощущение.

Стоп. Что Ворон сказал о смесках? Типичная реакция?

Неужели тело Тиррины Барренс все же сохранило магию айэ, если меня охватила такая ненормальная, безобразная паника? Уж не от этой ли магии остался «вьюнок»? И этот неожиданный, неодолимый ужас перед порталом — это не мой, а его? Получается, нелюдь во мне не мертва, как врала некроманту матушка Зим!

Разберусь. Обязательно разберусь, что произошло со мной и с телом магички Тиррины Барренс. Есть же в некромантском замке библиотека!

— Можете открыть глаза, мэйс Вирт, — продолжал тот же некроинструктор. — Отсюда открывается лучший вид на замок Ориярд-Дерт, оцените место вашей работы. И масштаб.

Я вздохнула и перестала притворяться раздавленным тараканом.

Осмотрелась, стараясь не встречаться взглядом ни с внимательно наблюдавшим за мной Вороном, ни с командиром гарнизона, ни с Кензом, улыбавшимся так широко, что можно пересчитать все его крепкие зубы. Я просто не знала, что рекомендуют правила аборигенского этикета на случай грубого их нарушения. Потому проигнорировала неприятную ситуацию, но подчеркнуто отошла от сэра Гринда на два шага.

— А где замок? — спросила я.

Мы стояли на возвышенности, с которой хорошо был виден соседний холм, обвитый как поясом зубчатыми крепостными стенами. Насколько они были массивны, показывали проломы, словно пробитые зенитными ракетами класса «земля — земля». Не могу представить, что еще могло так раскрошить огромные глыбы. Такие же проломы виднелись на одной из толстых угловых башен.

Кроме оборонительных башен, никаких иных строений. Макушка холма была девственно пуста, не видно даже развалин. Ворота распахнуты, решетка поднята, и внутри виднелся клочок заросшего травой склона.

— Замок Орияр-Дерт — прямо перед вами! — Ворон, прищурившись, с интересом наблюдал за моей реакцией.

— Но... там же ничего нет, кроме крепостных стен!

Мужчины переглянулись.

— Все больше загадок вы подкидываете нам, мэйс Вирт, — хмыкнул граф. — Ваша реакция на портал показала, что нечеловеческая кровь айэ в вас есть, и она спит не так глубоко, как меня убеждали. Но сейчас вы утверждаете, что ничего не видите, совсем как простой человек, лишенный зачатков любой магии. Чему верить?

— Не понимаю, ваше сиятельство, — раздраженно воскликнула я. — Я и есть простой человек. Что я должна увидеть, если за стенами ничего нет?

Пернатый опять не ответил. Махнул рукой Кензу, и тот, спешившись, подвел ко мне коня.

— Садитесь в седло, мэйс.

Штирлиц как никогда был близок к провалу. В седле я сидела только в глубоком детстве, на ярмарочном пони. И это мерзкое животное, притворявшись смиренхоньким, подло лягнуло меня под дых. С тех пор у меня неизлечимый страх перед непарнокопытными и верховой ездой. Но логика подсказывала: настоящая Тайра Вирт, дочь рыцаря, выросшая в феодальной деревне, просто обязана уметь ездить верхом. Ну, хотя бы не испытывать страха.

Я затравленно оглянулась на всадников. Решение пришло мгновенно.

— Я... я не могу, — жалобно выдавила я и опустила глаза.

Граф приподнял бровь.

— Почему?

— Это неприлично, милорд.

Пусть я буду выглядеть полной дурой, но они не затащат меня в седло этого вороного чудовища!

— Мэйс Вирт, не разочаровывайте меня. Вы не забыли про испытательный срок?

— Я помню, как же можно забыть! Но я боюсь высоты и... И у меня обет, вот! А это жеребец. Неприлично!

У некроманта дернулось правое веко, а весельчак Кенз, чтоб ему стрекоза в пасть влетела, сполз от хохота под конские копыта. Ворон, что-то прошипев, ударил пятками своего коня, тоже жеребца, между прочим, и

помчался по направлению к родным развалинам.

Не поняла. Это он просто психанул или меня уже уволили?

Следом за ним умчались и рыцари, одарив меня на прощанье странными взглядами, и я осталась одна-одинешенька на пустынном пригорке среди цветущих трав. Портал давно исчез, обратной дороги нет. Да я бы и под страхом расчленения не подошла к чудовищной пространственной дыре!

Солнце уже поднималось над горизонтом, высоко в золотистых небесах заливалась восторженными трелями какая-то пичуга, в точности как наш жаворонок. Захотелось раскинуться звездой в густой траве и наслаждаться тишиной и одуряющими запахами лета. Как же хорошо! Закроешь глаза, и ты дома.

Острая тоска резанула по сердцу так, что выступили слезы. Живы ли папа и мама? Вернусь ли я домой когда-нибудь?

И куда мне теперь идти без вещей, документов и денег?

Минуточку. А как же моя моральная компенсация в пять золотых?

Ну уж нет! Коршуновы свою добычу не упускают! И я, слегка приподняв юбки, чтобы не испачкать их цветочной пылью, неторопливым прогулочным шагом направилась по следам сбежавших рыцарей.

Они исчезли.

Я не только добралась до ворот, я в них прошла, поднялась на вершину холма внутри каменной ограды и огляделась. Даже деревьев тут не росло. Ровные зеленые склоны, покрытые щетиной цветущих трав. Ни души — ни рыцарской, ни конской. Даже кузнечики не стрекочут.

Пришлось ни с чем ковылять обратно. Солнце уже вовсю жарило, день обещал быть знойным, а на душе так и вовсе кипела обида с негодованием.

Светлое Небо, я просто поражаюсь дремучим феодальным нравам этой земли. Мужчины! Воины! Маги! Завели девушку в безлюдную глушь, бросили в незнакомом месте и исчезли. А ведь они наверняка цвет рыцарства и образчик благородства!

Внезапно над головой пронеслись тени. Пара крупных черных птиц перелетела от угловой башни стены до надвратной и скрылась.

Я с подозрением за ними проследила. Откуда мне знать эти ваши волшебные миры, может, тут запросто высокий и отнюдь не тощий мужик под метр девяносто ростом нарушает закон преобразования массы и превращается в птичку, пусть не воробья, но и не в страуса с весом этак под семьдесят килограммов на глазок!

Стоило затихнуть карканью, как подозрительно заскрипели ржавые ворота. А ведь ни ветерка. И я, внезапно испугавшись, припустила со всех ног к выходу. У меня не только порталобия обнаружилась, а еще и клаустрофобия причудливого вида: не важно, сколько квадратных километров огораживает каменный пояс, я не хотела оставаться внутри, если его «пряжка» вздумает застегнуться.

Выбежав, я промчалась довольно далеко в том направлении, откуда пришла, но дамские наряды не рассчитаны на такую прыть, — от бега подвязка чулка съехала, и боб, спрятанный под ней, выпал. Мне даже послышалось, что малыш тоненько ойкнул. Или показалось? Потому что писк слился с далеким карканьем.

Я остановилась и подобрала потерю. А в тот миг, когда я сжала подарок айрани Зим в кулаке, меня словно в спину что-то толкнуло. Я оглянулась и замерла, не веря глазам: в абсолютной тишине над пространством, окруженным стенами, выросал огромный величественный замок.

А через миг бок о бок, как сиамский близнец, вытянулось еще одно здание, отличавшееся только цветом крыши и расположением бойниц и фортификационных выступов. А от него отпочковалось третье, длиннее и ниже, за ним четвертое, в виде высоченной восьмигранной башни с тонким и длинным шпилем, увенчанным гербом, сверкающим в лучах солнца.

На этом архитектурная феерия не закончилась. Я насчитала с десяток самых разных крыш, выросших за стенами, как грибы. Настоящий город! И сами стены, казалось, раздвинулись и подросли, а там, где раньше виднелись проломы, теперь сияли заплаты — мощные металлические сооружения, назначение которых было для меня загадкой. Наверняка что-то магическое.

Только сейчас до меня дошла ирония в словах графа: «Масштаб в данном случае существенен...» Не то слово! Масштаб меня раздавил. Надеюсь, под замком Ворона, куда меня наняли экономкой, подразумевалось какое-то одно здание, а не вся каменная грибница. А если вся, так меня и это не пугает, но пятнадцать золотых в месяц — это не та сумма, которую должны платить главной блюстительнице порядка в минигороде под названием Орияр-сити. Меня надули!

Но ведь я только что собственными ногами топтала пустую вершину холма! Иллюзия пустого места не позволила бы мне и шагу ступить внутри стен. Тут что-то другое. Я наблюдаю мираж? Настоящий Орияр-Дерт находится где-то в другом месте, а передо мной красуется его проекция?

Как просвещенная девушка земного двадцать первого века, я знала и о

теории множественных вселенных, и о множественных измерениях пространственно-временного континуума. А уж магия могла сделать и оправдать что угодно.

Я разжала кулак, посмотрела на боб. Не он ли стал ключом к видению? Ну, это легко проверить. Отвернувшись от преображенного Орияр-Дерта, я поправила чулок и снова спрятала подарок матушки Зим под подвязку. Карманов у моего нового платья не было. Видимо предполагалось, что они будут на фартуке, но об этой детали служебной формы все забыли.

Медленно обернулась.

Крыши, башни, флаги и гербы не исчезли.

И как это понимать? Я потеряла правый висок. Может, «вьюнок» снова ожил? Или сам Ворон позволил увидеть свой настоящий дом?

Пока я размышляла, из распахнутых ворот выехал мужчина верхом на небольшом животном, смахивавшем на ослика длинными ушами, но, в отличие от земных осликов, оно обладало пятнистой длинношерстой шкурой. Позади него бодро перебирал копытами еще один длинноухий.

Когда всадник приблизился, я с изумлением узнала сэра Кенза. Его длинные ноги волочились бы по земле, если бы он, высоко задрав колени, не вдел носки сапог в кожаные стремяна. Колени смешно оттопыривались в стороны, и всадник походил на кузнечика. Лицо у Кенза было красней вареной свеклы.

— Ну вот вам вместо жеребца, мэйс Вирт, — зло выдохнул он. Отвязал поводья второго животного от седла и бросил мне. И промахнулся специально; я не успела поймать и не стала наклоняться.

— Что это?

— Ослица. Первый раз ослиц видите, мэйс Вирт? — Конечно, сказал Кенз не «ослица», а другое слово, но мой мозг перевел его именно так.

— И ослов. — Я постаралась не расхохотаться, но голос красноречиво дрогнул. — Но это же вьючное животное, а не верховое, — скептически посмотрела я на четвероное недоразумение. Из-за грязной длинной шерсти трудно было определить его половую принадлежность. — Это точно ослица?

— Так же точно, как то, что я — рыцарь его величества.

Вот и в его рыцарстве я тоже сомневаюсь, но эту мысль благоразумно не стала озвучивать.

— Верю вам на слово, сэр Кенз. Но позвольте спросить, в замке нет лошадей?

— Есть, но вы же высоты боитесь, мэйззз. — Последнее слово он словно сплюнул сквозь зубы.

— А почему вы оседлали осла, а не своего жеребца?

— Потому что у моего сюзерена отвратительное чувство юмора, — процедил рыцарь, гневно сверкнув зеленью глаз. — Так вы едете или остаетесь?

— Я никогда не ездила на ослицах и боюсь упасть...

«Да чтоб ты шею свернула», — говорил его взгляд.

— ...И мое платье не предназначено для верховой езды. — После всего пережитого меня сложно было смутить. — Я пойду пешком.

С этими словами я обошла потерявшего дар речи насмешника и двинулась обратно к Ориар-сити, и не думавшему исчезать. Вот делать мне нечего, как туда-сюда носиться! Впрочем, делать-то и правда нечего.

— Только я не понимаю, сэр рыцарь, как мы попадем в замок, если его нет?

— Подождите-ка, мэйс, — отмер Кенз и быстренько догнал меня, жестоко понукая осла каблуками сапог. — Вы что, и сейчас не видите его?

Вижу, но не скажу.

— Не притворяйтесь! — возмущенно воскликнул рыцарь, не дождавшись ответа. — Его сиятельство снял защиту и открыл замок для вас, вы должны сейчас видеть его настоящий облик!

Так вот в чем дело! Значит, боб тут ни при чем? Но следующие слова Кенза поубавили ясности:

— В тот момент, когда я выехал из ворот, перед вами должен был предстать истинный Ориар-Дерт. Откройте глаза пошире, мэйс, и не держите меня за дурака!

Получается, я все-таки увидела замок на пару минут раньше! А значит, варианта остается два: либо мне открыл глаза боб, либо «вьюнок». Был еще один, но мне о нем совсем не хотелось думать, внутри все обрывалось: душа Тирры начала отвоевывать свое тело.

— Я что-то вижу, похожее на кучу слепленных вместе замков, — призналась я, вызвав насмешливое фырканье Кенза. — Но как я могу верить своим глазам, если только что ходила там, внутри крепостных стен, и не наткнулась ни на одно здание? Поэтому я думаю, это мираж. Голову напекло, вот и мерещится всякое.

Рыцарь с облегчением выдохнул.

— Уфф, а я-то подумал, что вы совсем... Короче, магия этого замка такая, что сумасшедший его не увидит и не войдет, даже если хозяин захочет. Более того, если хозяин Ориар-Дерта вдруг сам сойдет с ума, замок его выкинет и уже не впустит, а вероятнее всего, уничтожит.

Тут онемела я. Кенз, довольный произведенным впечатлением, словно

он лично уничтожил всех предыдущих хозяев Ориар-Дерта, слез с ослика и пошел рядом со мной, ведя обоих длиннотухих мохнатышей в поводу.

— Да-да, уничтожит, — смакуя, повторил он. — Страшнее мага-безумца, обладающего семейной силой Ворона, может быть только маг-безумец внутри замка с его уникальным... э-э-э... наследием. Поэтому замок уходит.

— Как уходит? Со всеми жителями? Куда?

— Жители, уверяю вас, даже не почувствуют. Ориар-Дерт — сплошная магия. Его защита совершенствовалась тысячелетиями, ведь наш замок существует на границе миров.

Я даже остановилась. Опять надо мной смеются? Но даже тени насмешки не было в травянистых глазах рыцаря.

— Как это — на границе миров? — спросила я. — Каких миров?

— Нашего и Нижнего, конечно. Где демоны живут.

— Ах, этих... — Я направились вперед.

— А ты о каких подумала?

— Вы. Обращайтесь ко мне на «вы», сэр Кенз, — нахмурилась я. — Я дама и дочь рыцаря, и мой статус...

— Понял, понял, не продолжайте, мэйс Вирт! — И парень, полуотвернувшись, добавил себе под нос: — Ну и зануда!

Ха! Знал бы он, какой комплимент сделал моим актерским способностям! Старые девы только занудами и бывают. В роль-то я вошла, но главное, не забыть потом выйти.

— Сэр, а со стороны демонов на замке тоже иллюзия или силы зла видят его во всей красе?

— Это была не иллюзия, мэйс. Это была одна из многих магических пространственных ловушек, которыми окружен Ориар-Дерт. Вы видели пустой склон, демоны видят другую картину. То, что предстает перед вами, лишь вещественные отражения замка. Они одинаково реальны, как декорации на театральном круге. Впрочем, вряд ли в вашей деревне был театр, а вот в столице я видел... — И Кенз честно попытался объяснить, что собой представляет сцена Королевского театра. — Круг мигом поворачивается, и зритель видит новую сцену: пустой склон холма или огненный вулкан, одинокую башню или целый город.

Ведь может же разговаривать по-человечески, покосилась я на рыцаря.

Без шлема он казался совсем молодым, лет восемнадцати. Густые светлые кудри обрамляли приятное скуластое лицо, открытый взгляд зеленых глаз в любое мгновение мог стать по-лисий лукавым, но серьезно настроенный юноша не производил впечатления хитреца. В его возрасте

еще в оруженосцах ходят. А он уже посвящен. Значит, за какие-то важные заслуги.

— А как же вы не путаетесь в таком многоликом замке? — изумилась я.

— Так у нас-то есть ключ, и у каждого живущего в Орияр-Дерте он индивидуален. Только айэ и рожденные в замке люди могут видеть его таким, какой он есть. Именно поэтому все дороги сюда перекрыты порталами, а вся местность укрыта пологом искажения, чтобы нелюдей подальше держать.

Я повертела головой. Травка зеленеет, солнышко блестит. Где тут полог искажения?

— Вот что вы там видите? — Рыцарь махнул рукой направо.

— Ложбину между голыми холмами и ручей.

— А на самом деле там мельница и запруда. А слева — большая деревня, за ней — еще одна.

— И все обитатели заперты? Они рабы?

— Почему же? Они свободны в перемещениях. Из деревень, да и из замка выйти можно куда угодно, хоть провалиться к демонам, если есть пропуск, конечно.

— И кто его выдает?

— В деревнях старосты. В замке — по уровням подчинения. Мне выдает сэр Гринд или его заместитель, а вам нужно будет спрашивать у милорда или у дворецкого, если милорд отсутствует. Мэйс Вирт, я уже на многие вопросы ответил. Теперь ваша очередь.

— Вы не открыли никаких особых секретов, не надейтесь выпытать их у меня, — усмехнулась я.

— Как это — никаких! — возмутился Кенз.

— Вы сказали мне только то, что уже известно и что вам позволил или даже велел сообщить милорд. Не так ли?

Парень бросил разыгрывать оскорбленную в лучших чувствах добродетель и от души рассмеялся. Вот и славно. Значит, перестал сердиться на меня за то, что граф зачем-то посадил его на осла.

— В вашей деревне все девушки такие проникательные? — спросил рыцарь.

— Уже нет, — опустила я голову. — Я осталась одна.

Кенз опять посерьезнел.

— Простите, мэйс. Я не хотел напоминать о постигшей вас трагедии. Язык без костей, мелет что попало, не серчайте.

— Не буду. Я стараюсь не вспоминать о потерянном доме.

Голос против воли дрогнул, а на глаза навернулись слезы. Но их никто не заметил.

— А сильно отличается жизнь на севере? — начался безжалостный допрос. — Вот, скажем, нежить часто нападала? И что вы там ели на болотах, если ни полей, ни лесов толком нет?

— Лягушек. — Мой тон был абсолютно серьезен, а взгляд невинен. В конце концов, в моем мире чего и кого только не ели люди. Дело привычки. — Крупные лягухи по вкусу не хуже цыплят. Еще змеиное мясо. Копченое или тушенное в грибной подливке. Только яд из змеи сцедить нужно, а то всякое бывает, как и с грибами. Мужчины любили пивовок жареных к пиву. А сушеные молодые тараканчики... Как семечки лузгаешь!

Со стороны рыцаря послышались недвусмысленные сдавленные звуки.

— Не надо подробностей, мэйс Вирт. Ужас какой...

А я только начала. Только во вкус вошла. Давно уже время завтрака пришло, а у меня мало того что ночь бессонная, нервная, так еще и маковой росинки во рту не было. Аппетит на свежем воздухе зверский разыгрался, надо же его чем-то отвлечь.

— Тоже мне, ужас нашли, — фыркнула я. — Вот вы, сэр Кенз, вы ведь живете с мертвяками в одном замке, и как оно? Не тошнит?

— Но мы же их не едим!

— А вы уверены? — как можно более равнодушно спросила я, глядя на голубое-голубое небо. — Смотря как приготовить... Вот моя двоюродная тетушка умела пятидневных головастика так высушить, а потом в меду припустить, что не отличить от пареного пророщенного овса.

— Буэ! — сказал рыцарь. Сплюнул наземь и обтер губы рукавом. — Ну а нежить?

— Нежить несъедобна, — с сожалением вздохнула я. — Но вот если некоторые виды предварительно вымочить...

— Мэйс Вирт! — взмолился Кенз. — Я уже понял, что вы в Счастливой Подкове сильно голодали. Меня интересует, как вы с нежитью сражались, если некроманта у вас в деревне, как я понял, не было. Или вы отбивались сушеными змеями?

— Мне не ведомо, был некромант или нет. Знаю только, что нежить всегда обходила нашу деревню стороной. Потому она и называлась Счастливая Подкова.

И это была чистая правда, если верить рассказу матушки Зим.

— Ну правильно, если вся деревня питается змеями, то даже нежить не станет связываться, — отвернувшись, пробормотал Кенз себе под нос,

но я его прекрасно расслышала. Уже громче он задал другой вопрос, чисто мужской: — Но если с нежитью драк не было, то чем вы там развлекались? Или все силы уходили на отлов пятидневных головастика?

Я даже остановилась от возмущения.

— Как — чем? А бои? А скачки?

— Какие бои?

— Петушинные, конечно! — посмотрела я на него с жалостью, как на скорбного умом. — У вас что, никто потешных боев не устраивает?

— Ну, турниры рыцарские устраивают.

Я презрительно скривила губы.

— Турниры, пфе! Длинными зубочистками в забрала тыкать... У нас посерьезнее забава. Видели бы вы наших петухов! Мощные, крупные, как... — Я оглянулась на осликов, плетущихся позади, прикинула, но решила не завираться. — Как орлы!

— Мутанты? — округлил глаза этот шут.

— Селекция. Думаете, почему нашу деревню называли Счастливой? Потому что один тренированный петух боевым кукареканьем положит всю нежить в радиусе слышимости, а если еще шпоры и клюв в ход пустит, так и дракона догонит и на лоскутки настрижет. Потому и боится нежить к нам соваться. А стоит хороший боевой кочет дороже полного рыцарского облачения вместе с мечом и лошадью.

— Врешь! — не вынес рыцарь такого глумления.

Вот те крест, хотела я побожиться, но вовремя спохватилась, что до этого мира христианские миссионеры еще не добрались, и народ тут темный, непросвещенный, и верит не в Бога, а в какие-то туманные Небеса.

— Да у кого хочешь спроси! — размашисто указала я рукой на безлюдные холмы. — А еще к нам в Счастливую Подкову со всей округи приезжали на тараканьи бега. Мы в деревне таких шустрых беговых тараканов выводили — лошадь обскачут!

— Столетнюю? — съехидничал рыцарь, не простивший мне кочета.

Но я не обиделась. Меня осенила гениальнейшая идея, а времени на ее воплощение почти не осталось, ворота Орияр-Дерта были уже метрах в ста.

Я снова остановилась, будто бы шнурок на башмаке поправить, и вкрадчиво поинтересовалась:

— Сэр Кенз, а ведь благородным рыцарям тоже не чужды маленькие радости?

— Что вы имеете в виду, мэйс? — Парень слегка порозовел и попятился, чуть не затоптав своего ослика.

— Азартные игры. А что подумал сэр рыцарь? — лукаво прищурилась

я и расхохоталась. Настроение стремительно повышалось. — Вы же делаете ставки на победителя в рыцарских турнирах?

— Э-э-э... нет, мэйс. Даже в голову не приходило. Это же неблагородно!

Ага, а как порядочной девушке платью бордельное притащить, это вполне благородно? Ладно. Научим неучей. Я даже облизнулась в предвкушении.

— То есть, что такое тотализатор, вы не знаете?

— Впервые слышу, — моргнули невинные зеленые очи.

Ну все, сейчас ты у меня потеряешь невинность, мысленно потеряла я руки.

— А хотя бы пари вы друг с другом заключаете, сэр рыцарь? Спорите между собой на что-то?

— А... это, — с облегчением выдохнул Кенз. — Это бывает.

— Отлично! Мы сделаем из маленькой радости большой источник обогащения. Ты ведь не против?

— Еще бы! Но как? — Глаза парня заинтересованно зажглись, и я воодушевилась еще больше.

— Открою тайну, если договоримся. У меня огромный опыт в организации тотализаторов, петушиных боев и дрессировке кочетов, но бои — это долгая история, а зарабатывать мы начнем уже завтра. Зачем время терять, так ведь? Вот ваши боевые пет... товарищи наверняка считают, что я провалюсь в первый же день работы в замке?

— Куда? К демонам?

О-о-о, темнота средневековая!

— Нет, сэр Кенз, не к ним. Я имею в виду, все считают, что, если не справлюсь с работой, граф меня выгонит. Так?

— Вряд ли выгонит. Зачем ему симпатичным материалом разбрасываться? Он обычно сразу казнит, а потом послушный труп поднимает, вот проблема кадров и решена, — лукаво блеснул зеленый глаз из-под кудрявой челки.

— Ха, напугал! — заявила бесстрашная я. — У нас договор кровью подписан. Ничего ваш Ворон мне не сделает.

— Ну-у... — слегка разочаровался собеседник. — В таком случае, все считают, что вы сами сбежите, мэйс, не завтра, так послезавтра точно.

— Все-все так считают? Это же замечательно! Не будем их разубеждать. Так вот, сэр Кенз, я предлагаю всех надуть и заработать кругленькую сумму. Вместе мы справимся. Вот что вам нужно сделать...

Стоит ли говорить, что в крепостные ворота мы вошли только через

полчаса, чрезвычайно довольные друг другом и, можно сказать, закадычными партнерами.

Вместо страха, который плескался на самом дне души, меня охватил азарт и кураж. Это я-то месяц не продержусь? С моим-то опытом рубки зомбаков в «Infestation» и «Black Fire»? Да через месяц я тут ограблю весь гарнизон!

Заключив перемирие и скрепив партнерский договор рукопожатием, мы добрались наконец до ворот. Красивые ворота — массивные, в три человеческих роста, украшенные загадочными символами и арабесками, празднично сверкающими в лучах солнца. Я улыбнулась, когда створки начали медленно открываться.

Привет, Орияр-Дерт, я пришла!

Глава 8

ТИХОЕ СЕРДЦЕ ОРИЯР-ДЕРТА

Он параноик. Он точно чертов параноик, чтоб этому Дэйтару провалиться вместе со своим чертовым замком, защищенным в пяти измерениях!

Ворота меня не пропустили. Они открылись, и я, вся такая важная, гордо подняв подбородок, попыталась войти, а меня отшвырнуло прямо на стоявшего позади Кенза. Спасибо, реакция у рыцаря что надо, не дал упасть носом в пыль. Меня вышвырнули!

А ворота завывали, словно включилась пожарная сирена, и тут же откуда-то выскочили бородатые стражники в латах с алебардами и безбородый чувак, тоже в латах, но с черным жезлом явно магического происхождения. Ну хоть не зомби.

— Стоять, не двигаться! — заорал маг.

А мне и некуда отступать — позади Москва, то есть псевдорыцарь Кенз, чья мягкая поддержка превратилась в стальной захват.

В этот момент я почувствовала, как бабкин боб покинул насиженное место, выбрался из-под подвязки и шустро пополз по ноге вниз. Почуял, что пахло жареным, даром что органов обоняния у него нет. Или есть? Не важно. Я непроизвольно дрыгнула ногой — с детства боюсь щекотки — и паразит неземного происхождения куда-то отлетел.

За спинами стражников появился мой должник — граф Орияр собственной сиятельно-некромантской персоной. Вой ворот тут же прекратился, и в оглушительной тишине лорд Дэйтар изволил поинтересоваться:

— Что тут происходит?

— Сигналка сработала, милорд, — отчитался маг-жезлоносец.

— Слышу, не глухой. — Граф бросил на него насмешливый взгляд. — На мэйс Вирт, надо полагать?

— Так точно, — подтвердил Кенз, и его мощные лапы сжались еще крепче на моих хрупких плечах.

Предатель! Ну все, его я тоже не пощажу. Дайте только крепость взять и в ее стенах на месяцок закрепиться.

— Кенз, отпусти даму и отведи животных в стойла. Мастер Дэниш, — обратился граф к жезлоносцу, — проверьте даму еще раз, что там на ней

пищит. Похоже, мы пропустили один подарок матушки Зим.

Так это Бобик виноват? Не зря сбежал! Я бы сейчас сама его чистосердечно сдала!

Маг выдвинулся вперед, держа жезл как пику. Рыцарь, пробормотав что-то вроде «простите, мэйс, не я такой, жизнь такая», припустил к воротам, ослики дружно засеменили следом.

Но в момент, когда Кенз пересек невидимую черту, сигнализация снова истошно взвыла. Ослики с жалобным ревом прянули назад. Маг, успевший поравняться с рыцарем, не растерялся и шарахнул по нему жезлом. Кенз отлетел и живописно пал к моим ногам.

Упс!

— Может, у вас сигнализация сломалась? — осведомилась я.

Павший рыцарь слабо застонал, попытался встать, но не преуспел.

— Магическая защита не может сломаться. Она либо есть, либо ее нет, — пояснил граф. — Мастер Дэниш, проверьте обоих.

Я и глазом не успела моргнуть, как маг облил нас лучом синего света, плеснувшим из его жезла, как из шланга.

— Странно. Оба чистые, — с недоумением произнес жезлоносец, обойдя нас с Кензом по кругу.

Ага, значит, Бобик успел отцепиться от рыцаря и куда-то уполз, хмыкнула я про себя.

— В таком случае, сэр Кенз, выполняйте приказ, — распорядился граф.

Обрадованный предатель мигом поднялся, поймал животных и потащил их к воротам и даже благополучно их миновал.

На последнем ослике эта их истеричная сигнализация опять истошно заголосила, но сразу заткнулась по мановению руки некроманта. Поздно. Перепуганные животные, отчаянно трясая ушами и хвостами, вырвались и со всех своих непарнокопыт устремились на волю.

Маг-жезлоносец отважно бросился наперерез, но стоило ему переступить заколдованную черту, как снова грянули иерихонские трубы. И пусть некромант снова оборвал вой пассом рук, но лицо его светлости своей мрачностью напоминало надгробную плиту.

Не выдержав, я расхохоталась.

— Точно что-то у вас тут поломалось! А вы не верили! Один раз — случайность, два — совпадение, три — судьба...

— А четыре — диверсия, — заключил граф. — Мастер Дэниш, проверьте плетения защиты. — Он развернулся и попытался покинуть поле боя.

Не поняла. А мои пять золотых?

— Милорд! А как же я?

— Вы? Мэйс Вирт, вы еще не успели приступить к работе, а с вами уже столько хлопот.

— В неисправности вашей защиты виновата я? — возмутилась я, но тут же прикусила длинный язык. — Как вам будет угодно, милорд.

— Поспешите, мэйс, если еще хотите здесь работать. И так полдня потеряно, — проворчал этот брюзга и отвернулся, намереваясь смыться.

Я бросилась к воротам. То ли лорд Дэйтар их заранее отключил, то ли Бобик не успел прицепиться к моей юбке, но я прошла беспрепятственно.

И оказалось, то, что я принимала снаружи за выложенную брусчаткой площадь за воротами, на самом деле широкий полупрозрачный и явно магический мост, переброшенный через ров. Контуры моста слегка дрожали, как горячий воздух над костром, и я вдруг отчетливо поняла: если бы Бобик был со мной, утонуть мне тут с головой в подозрительно черной и блестящей жиже, наполнявшей ров.

Нефть? Но характерного запаха не чувствовалось, наоборот, в воздухе разливался тонкий аромат благородных цветов с ноткой мускуса, словно тут только что прошел батальон аристократок, а не потный Кенз с двумя осликами.

А за рвом возвышалась еще одна массивная стена, и ворота в ней находились не напротив, а со значительным смещением вправо. Не знаю, что ожидал некромант от будущей экономки, но никак не вопроса: «А почему ворота смещены вправо, а не влево?»

— А почему они должны быть слева? — удивился лорд Дэйтар.

— Так ведь рыцари щит носят на левой руке. Если они поворачивают налево, то оказываются без защиты, а переложить щит — это драгоценные мгновения при штурме.

Граф бросил на меня задумчивый взгляд. А что такого? Логичные же вопросы для дочери рыцаря! Мне и правда было интересно.

— Правильно с точки зрения людей, мэйс. Но наш замок строился прежде всего для защиты от магов, а у нас почти всегда рабочая рука — правая. Если мы вынудим атакующих повернуть направо, они не смогут сразу применить силу.

Но я уже не слушала Ворона. Я всю ностальгировала. Вот папе бы тут точно понравилось. Замки, рыцари, маги, айэ... Ни один батин партнер даже заподозрить не мог, что грозный Коршун любил на выходных отвести душу в «Stormy Castle», но я-то знала. Он и бизнес свой выстраивал по военной стратегии. Эх, дом, милый дом... Папочка... компьютер...

Интернет... ВКонтакте... Как вы там без меня?

— Зато защититься они смогут в полной мере, — возразила я, очнувшись. — А разве здесь уже не работают иллюзии? Пока маги разберутся, что настоящих ворот там нет, стены отразят атаку, и они окажутся беззащитны перед контрнападением. Разве нет?

— Мэйс Вирт, а Счастливая Подкова точно была деревней?

Сюрприз-а-айз!

— Форпостом, милорд. Это вообще-то небольшая крепость. Сами понимаете, граница рядом.

— Понимаю. Похоже, я вас недооценил.

— Возможно, милорд, — улыбнулась я и скромно потупила глазки.

Вторые ворота мы также спокойно миновали, и передо мной предстал истинный облик Орияр-Дерта. Я замерла от восторга: ожидала что-нибудь мрачное, готичное, в стиле нуар, а обнаружила по-эльфийски утонченную картину. Драгоценная друза в оправе — вот что напомнили мне разноцветные башни и дома, соединенные друг с другом крыльями и стрелами переходов. Более прекрасного места мне еще не доводилось лицезреть. И это была нечеловеческая красота.

Некоторые дома напоминали причудливостью грандиозные соборы Барселоны, другие — совсем крохи в два этажа, но тоже изукрашенные каменной резьбой от фундамента до шпиля. Но какой магией архитекторы умудрились сочетать мощь и величие с красотой и уютом так, что выглядело это все единым целым?

— Нравится? — с деланным равнодушием поинтересовался некромант. Но я видела краем глаза: он тоже любит свои владения. Значит, не все с некромантом так плохо, если ему знакомо чувство прекрасного.

— Очень! — выдохнула я.

— Вашим домом на время службы станет вон то здание — Лаори-Эрль, сердце Орияр-Дерта. — Он показал на огромное строение, как раз и напомнившее мне собор Гауди. — Собственно, именно там моя главная резиденция, где и предстоит вам работать.

И тут я, переведя взгляд с флюгеров и флагов вниз, поняла, что же меня подспудно беспокоило во всей этой благостной картине. И страхи, мучившие меня всю ночь и утро, ожили с новой силой.

— Милорд, прошу прощения, если вопрос покажется вам глупым, но... где люди?

Что там люди! Ни пения птиц не слышалось, ни жужжания мух, ни комариного писка... И вообще ни единого звука.

Я оглянулась посмотреть, открыты ли еще ворота. От Ворона не

укрылся пронзивший меня молнией страх. В тот же миг некромант оказался рядом, и его жесткие пальцы клещами сомкнулись вокруг моего запястья.

— Идемте, мэйс Вирт!

Бегите — было бы правильнее. Или — скачите. Потому что этот некро-Ворон почти летел вперед, таща меня за руку, и я вынуждена была, подхватив второй рукой юбку, нестись на всех парах, иначе с него станется вырвать мне многострадальную конечность.

Времени поглазеть по сторонам он мне совсем не дал, но краем глаза я все-таки замечала, что при ближайшем рассмотрении роскошные фасады зданий явно обветшали, окна были до невозможности грязные, словно дома пустовали веками, а в маленьких пристройках, явно отведенных для слуг, в окнах не было стекол. Там никто не жил!

— Не так быстро, милорд! — взмолилась я, запыхавшись.

— Что? — Он оглянулся, и на меня воззрились удивленные серые очи.

— Я не успеваю за вами!

— Простите, мэйс. Нам нужно торопиться. Проще и быстрее было бы порталом, но...

— Не надо!

— Вот и я так подумал, — усмехнулся он. — Поэтому прибавьте шагу, если не хотите неприятностей.

— Каких?

В этот момент над Орияр-Дертом пронесся громкий душераздирающий вой, и брусчатка под ногами дрогнула. Теперь уже я ухватила за Ворона железной хваткой, с ужасом наблюдая, как по ближайшему двухэтажному домику зазмеились трещины, а с крыши дальнего здания слетели и разбились скульптуры, похожие на горгулий.

Землетрясение? Почему об этих опасностях не сказано в контракте?!

— Придется все-таки порталом, мэйс. Медлить нельзя, — пробормотал граф. Он вскинул руку... и я глазом не успела моргнуть, как в воздухе за клубилась белесым туманом огромная воронка.

Каюсь, в этот момент «вьюнок» временно победил мой разум и захватил контроль над телом. Иначе я не могу объяснить, почему, вопреки всякой логике, вопреки даже инстинкту самосохранения, я повела себя так, как с командиром гарнизона: с воплем «убивают!» попыталась вырваться и бежать. Куда угодно бежать, лишь бы подальше от жуткой пространственной аномалии.

Но нервы у молодого некроманта оказались куда крепче, чем у командора Гринда. Граф даже не поморщился и, не выпуская моей руки,

шагнул в портал...

Первое, что я осознала, когда стих мой возмущенный вопль, — умопомрачительно пахло свежей сдобой с корицей. Желудок тут же заурчал, и все мое возмущение бесцеремонностью графа моментально стихло. Если меня тут покормят этими чудесными булочками, я и еще один портал готова выдержать.

Я распахнула глаза и встретила с взглядом седого господина с чисто английскими бакенбардами. Выправка у него была военная, как и странного покроя щегольской френч — нечто среднее между лакейской ливреей и военным мундиром. Черного цвета, разумеется. Мрачность одеяния разбавлял белый кант на воротнике и обшлагах рукава.

Господин поклонился графу и выпрямился по его знаку.

— Мэйс Вирт, представляю вам моего дворецкого, мэйстра Энхема Чесса, — торопливо представил граф. — Мэйстр Чесс, госпожа Тайра Вирт нанята на должность экономки моего замка, введите ее в курс обязанностей и познакомьте с местом работы. А мне придется ненадолго отлучиться.

Старик изумленно округлил темно-желтые, как мед, глаза, производившие впечатление ястребиных. В этот момент за окнами раздался тот же протяжный вой, слившийся с таким сильным грохотом, что я испугалась за целостность витражей.

— Совсем обнаглели, твари рогатые! — Некромант раскрыл портал и исчез в туманном вихре.

Мы остались со стариком вдвоем, и, поскольку дворецкий все еще молчал, я без стеснения рассматривала потрясающей красоты зал с высоченными сводами, украшенный резными колоннами, цветными витражами и живыми росписями, в основном ужасающими батальными сценами. Стоило остановить взгляд на какой-то фреске, как она приходила в движение: развевались волосы дивных светлоликих и чернокрылых существ, загорались алым глаза их синекожих рогатых и хвостатых противников, не уступающих мужественной красотой. Сверкало оружие, вспыхивали плети заклинаний.

— Потрясающе! — выдохнула я, вплотную подошла к стене и попыталась дотронуться. Кончики пальцев уперлись в вибрирующее препятствие в паре сантиметров от волшебной картины с огромным вороном, чьи перья трепетали на неосязаемом ветру. Ворон насмешливо склонил голову и беззвучно разинул клюв.

— Да, первое впечатление от Лаори-Эрля незабываемо, — подал голос дворецкий. — Простите, что позволил себе негостеприимное молчание, но

я люблю наблюдать за первой встречей с нашим замком, когда он вдыхает запах свежей души. Да-да, вы сейчас видите дыхание замка. Он знакомится с вами, мэйс Вирт.

— Принюхивается? — сорвалось у меня помимо воли.

— Можно и так сказать. А я как будто снова переживаю момент, когда впервые переступил порог много лет назад... Потом красота замка примелькается, и вы перестанете ее замечать. Картины потускнеют, изваяния и росписи застынут в безразличной неподвижности. Теперь Лаори-Эрль все реже встряхивается даже ради нового живого существа.

— А, так землетрясение — это просто-напросто замок встряхивался?

— Нет-нет, что вы! — Дворецкий махнул рукой. — Это обычное нападение, ничего страшного.

— Что? — Я развернулась к старику. — Какое нападение? Кого?

— Демонов, вестимо. Это даже не штурм, барышня. Видите ли, Ориар-Дерт стоит на границе Нижнего мира. Твердыня наша нижним соседям не по клыкам. Рогатеньким скучно, так они придумали себе развлечение: встречать и провожать магической атакой нашего господина, лорда Ориара. Показывают, что каждый шаг его сиятельства им известен. Своеобразный салют устраивают. Обычно один-два залпа бывает, а сегодня что-то совсем расшалились, ребро им в печень! Радуются, видно, что невесту графскую похитили.

Я почувствовала, как кровь отхлынула от щек. Неужели демоны пронюхали, что я тут?

— Да вы не бойтесь, мэйс, — снисходительно улыбнулся дворецкий. — Его сиятельство поставит негодников на место, а мы тут под защитой, коей нет в мире сильнее. Говорю же, тысячи лет замок стоит крепко, а с каждой атакой еще крепче становится.

Ну да, ну да, рассказывайте деде юной — то есть уже не совсем юной — сказки. А как же графские то ли невесты, то ли жены? Много ли помогла им защита? Но я благоразумно придержала вопросы, сделав в уме пометку: вызнать все о том, что случилось с девушками. Не верилось мне, что злопамятные демоны смирятся с крушением планов, пусть даже я уже не графская невеста.

— Идемте, я покажу вам ваш новый дом, мэйс Вирт, пока ваши комнаты приводят в порядок. Признаться, граф до последнего не верил, что вы придете. Прошу, покажу вам наши служебные пути, мы передвигаемся в основном внутри стен. — Дворецкий указал на неприметную дверь, прятавшуюся за колонной.

Меня ужаснула прогулка по громаде здания. Да и запах сдобы,

накатывавшийся волнами (видимо, где-то открывали и закрывали двери), сводил с ума.

— Давайте начнем с главного, если вы не возражаете, мэйстр Чесс, — улыбнулась я.

Он недоуменно моргнул.

— Что вы имеете в виду?

— Конечно, кухню.

— О! — просиял старик. — Разумеется! Простите, мэйс, мою невнимательность. Признаться, давненько граф не нанимал живых в услужение. Вас ведь предупредили об особенностях вашей работы?

— В общих чертах. — Я сглотнула комок в горле. Интересно, смогу я удержать лицо и не завизжать при виде ходячего трупа? Эта мысль немного поумерила мой аппетит. — Графу действительно служат мертвецы?

— Минутку, мэйс. — Дворецкий раскрыл дверцу, приложив ладонь к выемке на створке. — Я пройду вперед. Для постороннего путь опасен, а вам пока хозяин не выдал пропуск.

И он быстрым шагом направился по тускло освещенному и неширокому, шага три шириной, коридору — еле-еле разминуться двоим с подносами или поклажей. Служебный ход был отделан желтоватым светящимся камнем на высоту человеческого роста. Потолок был не такой высоченный, как в холле, всего лишь метра три — видимо, чтобы легче было убирать рабочие помещения. Но и тут всюду виднелись резные арабески и панно с нехитрыми пейзажами.

Мы шли довольно быстро, и создавалось ощущение, что панно сливаются в одну картину ромашкового поля с глубоким синим небом. Показалось даже, что лицо обдувает свежий ветерок и откуда-то доносятся птичьи трели. Кто бы ни создавал это чудо архитектуры и магии, но он подумал и о простых людях, чья жизнь проходит в этих стенах.

За поворотом ромашковые панно сменились цветущими кустами, похожими на шиповник, стены стали нежно-розовыми, и запах соответственным.

— Здесь каждое ответвление коридора имеет свой цвет и запах, чтобы проще было ориентироваться, — пояснял дворецкий. — И еще хитрость: здесь нет ни одной одинаковой двери — на каждой особый резной узор. Замок огромен, есть и подземные этажи, и без таких подсказок легко заблудиться.

— Даже не подозревала, что в мире существует такое чудо!

Старик улыбнулся с такой гордостью, словно был его создателем.

— Второго такого нет. А что касается вашего вопроса, мэйс, вы

должны помнить, что его сиятельство некромант. Более того, он — главный некромант королевства. Черный Ворон его величества. Разумеется, ему служат мертвецы. Но... Впрочем, вы сами увидите, что вокруг имени Орияров слишком много страшных сказок. Вы же понимаете, что держать трупы в доме негигиенично, они все равно гниют, несмотря на заклинания? — Дворецкий оглянулся в ожидании ответа, я поспешно кивнула, и старик продолжал: — Так почему вы считаете, что наш граф настолько глуп, чтобы этого не понимать?

— Я так не считаю! Но ведь скелеты уже не разлагаются?

— Ну какие из кучки костей и пустого черепа слуги? — фыркнул старик. — Да и сил уходит немерено, чтобы удержать костяк целым. Связок-то нет, кроме магических. Хозяин разве что в детстве баловался, горничных попугать. А теперь... некого уже пугать.

— Разбежались? — участливо спросила я.

— Кто как, — уклончиво ответил дворецкий, но у меня создалось впечатление, что он чего-то недоговаривает. — Вот мы и пришли.

Запах сдобы стал сильнее, смешавшись с малиновым ароматом коридора. Какое счастье, что у меня нет аллергии на запахи, иначе мой выигрыш на тотализаторе был бы под угрозой. Вспомнив о договоре с Кензом, я приуныла. Судя по пустоте и безлюдности замка, рассчитывать я могу только на карманы гарнизона. Но что, если весь гарнизон — это пятерка уже знакомых мне рыцарей? Эх...

Интересно, мэйстр Чесс азартен? Судя по его флегматичности, в этом омуте должны те еще черти водиться. И играть они должны на моей стороне.

Малиновый коридор вывел нас в небольшой холл прохладного лимонного цвета, двустворчатые двери в стене напротив были широко распахнуты, а в глубине идеально белого помещения виднелись столы с горами овощей и зелени, котлами и кастрюлями. Вокруг них суетилось с десяток женщин и поварят в колпаках и фартуках, а командовала ими высоченная бабища в полтора обхвата толщиной.

Лицо главной кухарки было грубым и непривлекательным, широкие брови нависали над маленькими, глубоко сидевшими глазками, нос выглядел огромной бордовой картофелиной, а толстые губы казались лепешками. Ее волосы были спрятаны под колпак, но на обнаженных плечах и локотях виднелись густые черные волосы. И я сразу заподозрила, что никакие это не волосы, а самые настоящие шипы: именно так изображали скальных айэ в справочнике разумных существ, который я видела в библиотеке Тиррины.

— Мэйстр Чесс, мне показалось, лорд Дэйтар не нанимает чистокровных айэ. Я ошиблась? — шепотом спросила я.

— А, вы про нашу Шой? Она не айэ, она полудемоница. Ее спас от казни отец лорда Дэйтара, наш старый граф, и Шой принесла клятву верности ему и его семье.

А рискованные парни эти Орияры — подпускать вчерашнего врага к собственной кухне. Кто же не знает, что демоны с такой же легкостью дают клятвы, с какой их нарушают.

Аппетит совсем пропал, поэтому, когда Шой заметила нас, скромно переминавшихся в холле, и громовым басом велела зайти немедленно под страхом отлучения от обеда и ужина за промедление, я даже смотреть не могла на горку маслянисто поблескивавшей румяной сдобы. Похоже, я еще больший параноик, чем даже Ворон.

Впрочем, стоило Шой заговорить со мной, как все опасения выветрились: существо с такой добротой в голосе и взгляде просто не может оказаться вероломным отравителем.

— Темные Небеса! — всплеснула она мощными руками, когда дворецкий представил нас друг другу. — Такая молоденькая — и в экономки такого чудовищного — да-да, чудовищного замка? О чем только думал наш хозяин?! Небось у него ум от злости помутился, что невесту похитили треклятые мои сородичи, чтоб им до конца ночей икалось! Иди сюда, милая мэйс. Ох, до чего худенькая-то! Ну ничего, тетушка Шой это дело поправит. А вы чего рты разинули? — напустилась она на кухонную челядь, забывшую о работе. — А ну, за дело, изверги ушастые, а то я вам такое проклятие нашлю, сорок дней из сортира не выйдете!

Видимо, слов на ветер Шой не бросала. Поварята тут же с визгом разбежались, женщины сразу отвернулись к столам и взялись за ножи и поварешки. А грозная шеф-повариха, наведя порядок, взяла тарелку, шлепнула туда черпак каши и скомандовала:

— А вы, госпожа экономка, садитесь-ка за тот стол! — И она показала на длинный стол у самой двери, отгороженный легкой решетчатой перегородкой от кухни.

— Мне бы только умыться с дороги, мэйстрес Шой.

— Да какая же из меня мэйстрес! — фыркнула демоница. — Меня тут все кличут тетушка Шой, и вы не побрезгуйте, госпожа экономка. Сейчас покажут вам, где можно умыться и все прочее, — понимающе подмигнула кухарка, вогнав меня в краску. Это только в дамских романах девицы в уборные не ходят, а меня уже давно поджимало. Шой обвела орлиным взором свое царство, гаркнула: — Белинка, поди сюда!

На зов подбежала невысокая девчушка лет пятнадцати, небрежно поклонившись, подняла веснушчатую мордашку и с обожанием уставилась в некрасивое лицо поварихи.

— Проводи госпожу экономку к уборным да прислужи как следует, не опозорь нас, — приказала ей Шой. — Из самой столицы мэйс Вирт приехала!

— А туда — из глухой приграничной деревни, — не дала я сделать из себя столичную штучку. А то я не знаю, с каким подозрением на периферии относятся к столичным! Это универсальный социальный закон вселенной.

Шой одобрительно кивнула, и я вдруг почувствовала, как изменилась атмосфера на кухне: стала мягче, душевнее и свободнее. Исчезла нервная неловкость движений помощниц кухарки, а улыбка на некрасивом лице Шой из вежливой стала радушной. Интересно, за кого они меня приняли?

— Идемте, мэйс, — пискнула Белинка и понеслась не к той двери, через которую мы вошли, а на другой конец огромного помещения. Я едва поспевала за этой прыткой козой.

В уборной порадовало подобие унитаза и водопровода. В фамильном особняке Тиррины удобства были более скромные, словно и не маги там жили несколько поколений.

— Позвольте спросить, госпожа, — замялась девчушка, когда подавала мне полотенце.

— Спрашивай, Белинка.

Служанка сделала глубокий вдох, но замерла, часто-часто моргая рыжими ресницами, а потом резко выдохнула:

— Нет, не могу. Не могу выбрать, что спросить! У меня тысячи вопросов, как иголки язык колют. Простите, госпожа!

— Например, каких? — Я тянула время и неспешно вытирала каждый палец, с подозрением осматривая каждый ноготок.

— Например, правда ли, что снаружи... ну там, в мире за стенами... небо голубое?

— А тут оно какое? — удивилась я и повернула голову к единственному узкому окну. Но оно было забрано цветным витражом, изображавшим скалу и водопад.

— Тут оно золотое. Мамка говорит, что наше небо выковано из чистого золота, а не падает потому, что его с той стороны держат улетевшие на Темные Небеса души всех Воронов Орияр-Дерта.

Странно, почему я ничего не заметила, попав внутрь второй крепостной стены? А ведь я разглядывала купола и шпили на фоне неба, и теперь не могла вспомнить, какого оно было цвета!

— Может быть, и так. — Я не стала подвергать сомнению сказки незнакомой женщины. — На самом деле небо в мире всегда разное. По утрам в безоблачную погоду оно тоже бывает золотистым и переливается, как шелк. На закате порой горит как самое настоящее красное золото. А поздним вечером оно становится темно-синим бархатом, усыпанным звездами.

— Как это, наверное, красиво! — вздохнула девочка. — А у нас совсем нет звезд, и небо ночью ужасное: темно-багровое, как свежий синяк.

Брр, ну и воображение у девчонки!

— Звезды есть всегда. Они тут просто невидимы, но они точно есть. Идем, Белинка, а то тетушка Шой рассердится. Я разрешаю тебе задавать мне любые вопросы, какие хочется, но с условием: вопрос на вопрос, а ответ на ответ. Идет?

— Идет! — заулыбалась девчушка.

А я оказалась в точности в ее положении: тысячи вопросов просились на язык, но я задала, как мне показалось, нейтральный:

— А тут всегда так пусто в замке? Я еще не видела ни одного слуги и ни одной горничной, только дворецкого, да вот вас на кухне.

Белинка помрачнела, поморщилась.

— Подождите, посмотрите еще. Дядюшка Энхем... ну, дворецкий наш, мэйстр Чесс, слуг по делам разогнал. А горничные... Те, что остались, — наверху ваши комнаты прибирают да покои пропавшей невесты чистят от венков свадебных, лент и цветов. Или уже свои каморки моют, а то без домоправительницы они совсем... Ну, не до того девушкам. Замок большой, работы много, устают, — смутилась девчонка, не желая ябедничать, но и сдерживаться, видимо, не в силах. — Граф-то в крыло прислуги ни разу не ступал, а мэйстр Чесс давно рукой махнул. Ему лишь бы в парадной и хозяйской части замка был порядок.

Очень ценный ребенок, хмыкнула я про себя. И видно, что хочет понравиться госпоже экономке, но зуб на кое-кого из женской прислуги имеет. Все как обычно в любой женской тусовке.

— А кто среди служанок главный, пока домоправительницы не было? — спросила я.

— Старшая горничная, конечно, — стрельнули на меня хмурые зеленые глазки. — По правде, и она сама, и мы все ждали, что лорд Дэйтар экономкой поставит мэйстрес Тимусию, но она уже старая и в цифрах путается.

А вот это плохо. Наверняка женщина ревновать будет.

— А кто неформальный лидер у девушек? То есть — заводила? Кого

тут побаиваются больше, чем старшую горничную?

— Лин Игви, — как-то сухо и тускло ответила Белинка.

Я не успела спросить, в какой должности служит эта Лин, — мы достигли дверей, хотя двигались просто черепашьям шагом.

Дворецкого в кухне уже не было. Зато за время моего отсутствия со стола исчезла тарелка с кашей и появились куда более аппетитные блюда: наваристый суп, ароматное мясо с овощами и целых три вида сладкого. Другое дело. Могут ведь! Вот только чем вызвана такая щедрость?

— Так вы из приграничной деревни, а в столице проездом, мэйс Вирт? — спросила кухарка, стоило мне взяться за ложку.

Я кивнула. Но попытка «видит око, да зуб неймет» продолжалась.

— И вы не родственница матушки Зим из особняка графини Барренс, бывшей невесты нашего хозяина? — продолжала задавать вопросы Шой.

Я со вздохом отложила ложку.

— Упаси Небеса! Кто вам такое сказал?

— Да вы кушайте, кушайте, госпожа экономка. Наши мальчики между собой говорили, а мы краем уха слышали.

Под мальчиками она явно имела в виду рыцарей, кого же еще. Вот болтуны!

— Уверяю вас, никакого родственного отношения к старушке Зим я не имею.

— Это хорошо, — расслабилась полудемоница. Она подперла рукой щеку, с умилением наблюдая, как я наворачиваю божественный печеночный суп. — Не к столу будь сказано, не любят у нас в замке эту ведьму Зим, ой как не любят! Из всех айэ она самая тихая да коварная. Вот и госпожу Тиррину она изурочила так, что девочку не узнать стало. Уж как мы переживали, что эта маленькая злодейка хозяйкой тут станет!

Злодейка? Интересные нюансы открываются...

— Я чуть не лопнула, когда узнала, кого король подсунул молодому лорду в жены! — громким шепотом сообщила толстуха. — И верите ли, мэйс, впервые порадовалась, что мои треклятые сородичи невесту похитили. Туда гадюке и дорога!

Закашлявшись, я отодвинула тарелку.

— Но я слышала, леди Тиррина очень изменилась после катастрофы, и память, и магию потеряла, — вступилась я сама за себя.

— И слава Темным Небесам, поделом ее наказали! Только не верю я в эти сказки. Притворилась лживая негодяйка, зуб даю.

— Да зачем это ей?

— Как зачем? Чтобы замуж за лорда Дэйтара выйти! Мы-то знаем, как она за ним сызмальства бегала, ни стыда ни совести. Семьи-то графские дружили, зловредная Тиррина тут ежегодно бывала, так после нее замок полгода в себя приходил. Ох, невзлюбил ее Лаори-Эрль! Я своими ушами слышала, как девчонка клялась его уничтожить! Так мыслимое ли дело — ее сюда хозяйкой?! Мы же тут с бабоньками уж было бунт затеяли, наш любимый дом покинуть хотели, только бы под одной крышей с людоедкой не жить. — Кухарка промокнула увлажнившиеся глаза уголком белоснежного фартука.

Еще и людоедка? Надеюсь, в переносном смысле? Ну какая из красивой пятнадцатилетней девчонки, какой была Тирра до катастрофы, гадюка и людоедка? Пусть даже девочка была сильной магичкой. Да кто бы ей позволил изувестовать? Мигом бы ограничители магии наложили.

Что-то очень уж ярая нелюбовь у Шой к юной аристократке. Уж не кухарка ли поспособствовала визиту своего сородича в мой особняк? Я задумалась, уплетая под ее причитания изумительно нежное мясо.

А полудемоница сердито воскликнула:

— Кого угодно хозяйкой примем, только не Тиррину Барренс!

И кухня согласно загудела, даже пламя в камине ярче стало.

— Представляете нашу радость, мэйс Вирт, когда мы узнали, что она исчезла, а хозяин расторг помолвку?

— Да чем же несчастная девушка так досадила вам, тетушка Шой?

— Разве только мне? Кому только эта высокомерная злючка не досадила. Такая большая сила у нее была — и такое черное сердце. Тварью конченной становилась — вот такая в ней пробуждалась сущность проклятой айэ, а старуха Зим эту тварь пестовала.

— И какая же сущность?

Очень интересно, что могло так напугать полудемоницу? Но толстуха ушла от ответа.

— Змеиная, вестимо. Не хочу даже вспоминать о ней, аппетит вам портить. Надеюсь, из Нижнего мира графиня Тиррина уже не вырвется, там змее самое место, среди моих родственничков, да простят меня Темные Небеса за такие недобрые мысли. — И Шой сделала ритуальный отвращающий жест.

«Вы всех любили, миледи. Ваше сердечко всегда было большим, добрым и открытым даже простым слугам», — снова вспомнила я льстивый голосок Лисси. И с горя умяла все три десерта: и творожный пудинг, и лесные ягоды со взбитыми сливками, и пирожное с вишневым кремом.

Где правда? Не спрашивать же лорда некроманта! И без того его отношение ко мне казалось подозрительным. С чего бы он вдруг затащил меня в свой Лаори-Эрль, если сам же дал мне право уйти, когда вздумается?

Да и нужна ли мне уже эта правда? Я же не собираюсь возвращаться ни в жизнь, ни в обличье Тиррины Барренс, пусть даже ее облик моложе моего нынешнего лица. У Тайры Вирт куда более интересная жизнь намечается!

— Вот мы и беспокоились, мэйс, что вы тоже окажетесь ученицей зловредной ведьмы Зим. — Полудемоница придвинула мне чашку с фруктовым соком. — Лаори-Эрль, хоть и проснулся глянуть на вас, но ничего не дал нам понять о том, кто вы и чего от вас ожидать. А мы теперь видим, что вы, госпожа экономка, девушка добрая и честная.

— Вот так прямо и видите? — фыркнула я.

— Белинка в этом никогда не ошибается, — улыбнулась Шой, бросив теплый взгляд на девчонку, подкладывавшую поленья в огромный камин у дальней стены кухни. Над огнем медленно вращался вертел с четырьмя поросячьими тушками. Значит, гарнизон еще не обедал из-за нападения.

Когда в трапезную явился дворецкий, я была уже до отвала перекормлена и обедом и сплетнями. Но ни слова не прозвучало о нападении демонов на Орияр-Дерт, как будто это просто рой мух прожужжал вдалеке. Впрочем, атаки не повторялись с тех пор, как граф умчался укорачивать рога обнаглевшим нижним соседям.

— Мэйс Вирт, лорд Орияр приказал вам ознакомиться с Лаори-Эрлем в моем сопровождении, — сообщил старик, — чтобы вы составили себе более полное представление о масштабах предстоящей работы еще до вечерней беседы, на которую вас пригласят, чтобы утвердить в должности и вручить ключи.

Я застонала про себя: никакой пощады моим бедным ножкам! После такого обильного обеда куда-то влачить разомлевшее и потяжелевшее тело — преступление против единственной на весь этот мир, включая Нижний, жительницы Земли.

Глава 9

КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ И ВСЕХ

Малиновый, фиолетовый, бирюзовый. Запах ягод, аромат фиалок, свежесть воды.

Золотистый, оранжевый, терракотовый. Солнышки одуванчиков, знойные апельсины, жаркая корица.

Цветная музыка, застывшая в камне. Поющие краски. Калейдоскоп оживающих, дышащих тихим ветром, дождем или даже грозой ландшафтов, иногда совсем не привычных глазу вроде раскаленной пустыни, словно мы шли не по коридорам и лестницам, а пересекали мир по подвесному стеклянному мосту.

В какой-то момент пейзажи сменились изысканной резьбой по разноцветному мерцающему камню и позолотой, и это означало, что мы вышли из служебных в парадные помещения.

— Сверху Лаори-Эрль выглядит как неровный пятиугольник с внутренним двором и башнями-лестницами по четырем углам, — сказал мой провожатый. — Рисунок напоминает пику, нацеленную на север, или очень схематичное изображение сердца. К вытянутому пятому углу пристроен порталный зал, вы его видели здесь первым.

— Это где огромные живые картины?

— Картины? Хм, это совсем не картины... Долго объяснять. — Старик смутился и махнул рукой. — Ну да, именно там. Постороннего защитная система уничтожит через несколько секунд, если проникший через портал к тому времени не получит приглашения хозяев. Я распорядился, чтобы вам сделали копию плана замка. Как только лорд утвердит вас в должности, вы получите свиток вместе с ключами.

— Спасибо, мэйстр Чесс.

А вот настоящий парадный холл, куда мы попали по прямому подземному ходу, выглядел уже более привычно, почти как земные дворцы. Разве что обилие и мастерство скульптур поражало. Самым впечатляющим был огромный атакующий дракон с разинутой пастью и полураспахнутыми крыльями, он царил над помещением, заполняя его чуть ли не на треть. Одно крыло было сломано и раскрошено. Или порвано по замыслу скульптора.

У его мощных лап, вспоровших плиты пола, как консервный нож,

застыли фигуры антропоедов с прекрасными тонкими чертами. Трое мужчин с мечами и какими-то странными трубками в руках и одна женщина. На Земле их назвали бы эльфами, если бы уши были поострее. Их позы и мимика были настолько реалистичными, а детали проработаны столь подробно, что у меня закралось нехорошее подозрение.

— Мэйстр Чесс, эти скульптуры...

— Это один из источников слухов о трупах на службе некромантов, мэйс Вирт. — Дворецкий остановился напротив фигуры воина с особенно яростным выражением каменного лица. — Все они айэ, если вы заметили. Тысячу лет назад они совершили преступление против Ворона, не подлежащее прощению и забвению. Хозяева оставили их тут в назидание наследникам и завещали хранить нетленными. Айэ десять веков пытаются вернуть своих мертвецов, но Орияры непреклонны. Теперь вы понимаете, почему у Воронов и айэ весьма сложные отношения?

Честно говоря, меня продрал озноб: с таким накалом ненависти и тысячелетней мстительности мне никогда не доводилось сталкиваться. Да и откуда? У нас разве что на уровне государств или кланов, к примеру, Ротшильдов да Рокфеллеров веками может тлеть враждебность, но у простых людей память короче, они всегда придут к взаимопониманию, потому что дети за отцов не отвечают.

— Понимаю. Каково же было преступление, если такое наказание? — прошептала я.

Дворецкий проигнорировал вопрос.

— А есть другие источники слухов?

— Есть и другие, — нехотя ответил старик и снова замолчал. Тянуть из него ответы клещами мне показалось неразумным в первый день знакомства. Вытяну еще, успеется.

Энхейм Чесс провел меня по парадной лестнице в залы второго этажа, показал тронный, он же бальный зал в черно-серебряных тонах, примыкавшую к нему огромную трапезную с длинным столом и еще с десятков помпезных разноцветных залов и маленьких уютных зальчиков непонятного назначения со столиками и диванчиками.

Все интерьеры были более роскошны и менее волшебны, хотя и тут изредка оживали картины, но куда более вяло, чем в подсобках, да и выглядели они тускло, как больные. Еще не смертельно, но хронически.

Лишь потом я поняла, что если бы мое знакомство с Лаори-Эрлем началось отсюда, я бы пришла в восторг. Воистину, все познается в сравнении.

В крыле по другую сторону тронного зала помещения приобретали

более деловой характер. Там располагалась малая гостиная, кабинет самого графа, его секретаря (место вакантно), управляющего (он же дворецкий) и библиотека.

Впрочем, в кабинеты меня не допустили, а в библиотеку разрешили заглянуть одним глазом, через приоткрытую дверь, рядом с которой красовался изящный, но совершенно неуместный тут столик. Над ним свисал позолоченный шнур.

— Вам нужно получить специальное разрешение на посещение библиотеки, мэйс, — просветил дворецкий. — Тут не основное хранилище, но им тоже распоряжается хранитель реликвий, мэйстр Арвин. Горничных он и на порог не пускает, ему хватает заклинаний чистоты. А обед прислуга ставит вон на тот столик и звонит в колокольчик.

— Он, наверное, очень умный ученый? — с сарказмом заметила я, обидевшись за всех горничных, лишенных источника знаний каким-то книжным червем.

В глубине библиотеки послышался подозрительный грохот, словно тот пресловутый и весьма увесистый червь от моего комплимента свалился со стула. Или с лестницы, судя по витиеватому громогласному проклятию. Дворецкий поспешил захлопнуть дверь и, ухватив меня за локоть, потащил прочь, на ходу сложив из пальцев отвращающий знак.

— Некроманты, ребро им в печень! — бурчал мой визави. — Сначала делают, потом думают, если остается чем думать. Швыряются проклятиями, безобразники, словно это безобидный букет незабудок! Не беспокойтесь, мэйс, я не дам и паутинке вас коснуться. В кои-то веки в Лаори-Эрле появилась домоправительница, да еще и молодая, полная сил!

На третий этаж мы буквально взлетели, и старик даже не запыхался, в отличие от меня, обремененной тремя порциями десерта и измученной бессонной ночью и сумасшедшим днем.

— Справа — хозяйское крыло, — махнул дворецкий рукой. — Покои графа и его будущей супруги, а также детские. От него идет крытый переход — оранжерея в гостевой флигель. Во флигель можно попасть также по подземному переходу через кухни. А здесь, — повернул он налево, — здесь покои старшей прислуги: ваши, мои, секретаря и еще несколько апартаментов, сейчас пустующих. Хозяева любят, чтобы мы всегда были под рукой. Так-то для прислуги выделен отдельный флигель, и за порядком там следит старшая горничная. Наше крыло и флигель соединяет подземный переход. Ваши комнаты...

Старик остановился у светлой двери с резным виноградом на створке, толкнул ее, и перед глазами предстала небольшая, скромно обставленная

комната в золотисто-бежевых тонах и с бежево-коричневым, изрядно вытертым ковром на полу. Напротив виднелась еще одна дверь, приоткрытая.

Скорее всего, комната совмещала функции гостиной и кабинета. Справа у арочного окна, задрапированного легкими шторами, стоял стол-бюро, закрытый на ключ стеллаж с толстенными фолиантами, переплетенными в темную кожу, и два мягких стула. Напротив окна расположился уютный диванчик с парой кресел и чайным столиком.

— Там ваша спальня. — Дворецкий показал на приоткрытую дверь.

И словно по его указке из глубины апартаментов донесся энергичный женский голос:

— Что ты делаешь, тварь безмозглая? Руки оторву!

И хлесткий звук пощечины.

Я решительно пересекла гостиную, рывком распахнула дверь в спальню и застыла на пороге, онемев при виде открывшейся картины.

Если я еще не декларировала, что ненавижу розовый цвет, то теперь самое время сказать. Ненавижу розовый. Особенно поросячьего оттенка. И да, мой давний школьный конфликт с парнем по фамилии Розов тут тоже сыграл свою гнусную роль. Каждый раз, когда я вижу розовую тряпку, то невольно вспоминаю подлого негодяя и злюсь. И никакие психологи, никакие тренинги не помогли разорвать эту устойчивую связь в моем сознании.

Так вот, комната была увешана шторами, балдахинами, лентами, ковриками всех оттенков розового. Даже обои на стенах были мерзкого поросячьего цвета с розочками. Причем было видно, что все эти ленты и тюль явно только что притащили из разоренных покоев невесты. Похоже, кто-то решил задобрить новую экономку?

Но не это главное.

На постели под темно-розовым балдахином, на нежно-розовом покрывале с рисунком из тех же розочек, развалилась роскошная полуголая блондинка, а рядом на коленях стояла девушка в чепце и глухом темном платье горничной, и левая щека у нее алела куда ярче правой.

Третья горничная поправляла складки розового тюля на окне и при моем появлении застыла в нелепой позе с поднятыми руками. Четвертая, склонившись, подметала темно-розовый ковер, да так и замерла, не поднимая головы. Все, кроме блондинки, были одеты в скромные черные платья с белыми воротничками, а их волосы были спрятаны под чепцы так старательно, что ни волосинки не выбивалось. Или они были лысыми,

подумала я, отметив нереально высокие лбы девушек.

— Что тут происходит? — выдавила я, борясь с накатившим вдруг приступом тошноты.

Лежавшая на моих подушках и одетая не по форме белокурая девица перевела на меня взгляд неожиданно жгучих черных глаз. Мне всегда нравилось такое эффектное сочетание, но сегодня и эта особенность вызывала отчего-то глухое раздражение.

— А ты кто такая? — Блондинка подняла изящную руку, зачем-то пару раз щелкнула пальцами. — Надо же, живая... Новая служанка? Вместе с экономкой приехала? В ее горничные метишь? Да кто тебя пустит, каторжанка! — Заметив мою вздернутую в удивлении бровь, болтливая нахалка добавила: — А кем еще ты можешь быть? Сюда из живых добровольно приходят либо проститутки, решившие отдохнуть от трудов, либо преступницы, осужденные на казнь или каторгу. Для борделя ты старовата, значит, каторжанка. Ишь, вырядилась, как на бал. Бери-ка ведро, тряпку и отмывай камин, да пошевеливайся!

Проследив за указующим перстом нахалки, я увидела небольшой, но чрезвычайно запущенный и грязный камин.

— А ты, значит, из проституток. — Усмехнулась я, перешагнув, наконец, порог. — Выглядишь вполне профессионально. И дай догадаюсь, из осужденных на казнь шлюх. Такие, как ты, просто так не бросят доходный промысел. Я права, Лин Игви?

Даже не сомневаюсь, что в ее имени я тоже не ошиблась.

Реакция оказалась неожиданной. Девка расхохоталась, соскочила с постели, поправила груди, едва не выскочившие из низкого декольте, и подошла ко мне почти вплотную:

— А, так ты еще не обломанная, в твои-то годы далеко за двадцать? Тем забавнее будет тебя дрессировать. — Она даже облизнулась в предвкушении, демонстративно оглядела свои чересчур длинные и острые, словно наращенные, ногти. — Если тебе уже известно мое имя, значит, должны были предупредить, что с Лин не стоит связываться, если шкура дорога. Я люблю и, главное, умею учить таких борзых сучек.

И эта ненормальная размахнулась, чтобы отвесить мне пощечину.

Я не стала ждать ни удара, ни когда куда-то пропавший дворецкий приструнит обнаглевшую горничную, или кем тут она была. Пока девица замахивалась, я коротко ударила ее кулаком в солнечное сплетение и отшвырнула согнувшееся от боли тело на ковер. Уж что-что, а я прекрасно знала: такие, как Лин, признают исключительно силу, их нельзя прощать. Дашь слабину один раз — вцепятся в горло, как бульдоги, и не отпустят,

пока не загрызут.

А драться я умела, хотя и не любила. В наше время дочка бизнесмена должна уметь постоять за себя и без телохранителей. И однажды мне спасло жизнь умение уйти от удара, вывернуться из захвата и выбить нож.

Стоявшая на коленях у кровати горничная вскочила и завизжала. А две других, у окна и на ковре, даже не пошевелились ни на волос, а ведь Лин едва не сшибла девушку, замершую с веником и совком в руках.

Блондинка, не поднимаясь, выбросила в мою сторону раскрытую ладонь, из которой мне в лицо плеснула тьма.

Вот и проверим, правда ли, что на меня не действует магия, мелькнула мрачная мысль. Портал-то на меня очень даже подействовал.

Я успела почувствовать, как впиваются в тело мириады острых игл, словно меня окунули в стекловату, как в глазах почернело, а в правом виске стало горячо, и жар мгновенно перекинулся на все лицо, спустился жадной черной лавой по венам, слизывая, вбирая в себя жалящую тьму.

Я пошатнулась, но устояла. Выдержала! Вот и «вьюнок» пригодился! И не он ли до сих пор защищал меня от враждебной магии? А порталы... Может, мое тайное украшение сочло, что угрозы для жизни они не несут, а просто до ужаса неприятны?

Но только порадовалась везению, как разъяренная неудачей Лин снова атаковала, на этот раз удушающе едким облаком тьмы. Кислота? Я ужаснулась, не успев даже моргнуть.

Спас дворецкий. Оттолкнув меня в сторону, он встретил атакующее заклинание россыпью серебристых искр, разорвавших тьму на мелкие, тут же исчезающие клочки.

— Вы с ума сошли, мэйс Игви?! — рявкнул он неожиданно мощным тенором. Впрочем, слуга такого ранга, все равно что командир полка, должен уметь строить подчиненных. — Я доложу хозяину о вашем поведении. Сегодня вы перешли все границы, напав на госпожу экономку! — Повернувшись ко мне, старик извинился: — Простите, мэйс Вирт. Отвлекся, чтобы выслушать распоряжения милорда. Как вы?

— Жива, — выдавила я, откашливаясь.

Взяв меня за плечи, старик внимательно взгляделся в мое лицо.

— Глаза не пострадали? Вам нужно показаться лекарю.

Я сморгнула плававшие черные точки. К лекарю мне совершенно ни к чему. Вдруг он как-то распознает мою личину?

— Не нужно. Я в порядке.

Мэйстр Чесс с облегчением вздохнул и, вынув из кармана большой клетчатый платок, промокнул лоб.

— Это чудо, что вас не задело. Не предполагал, что уборкой в ваших покоях руководит эта женщина. Ее тут быть не должно. Она будет наказана за нападение, а сейчас немедленно принесет извинения.

Лин Игви между тем поднялась, отряхнулась и фыркнула:

— Еще чего!

— Мэйс Игви! — Дворецкий еще прибавил громкости. — Не вынуждайте меня прибегнуть к крайним мерам!

Магичка скривилась и злобно прошипела:

— Да подавись! Прош-шу прощ-щения...

И зыркнула так, что меня обдало ледяным холодом. Нет, эта дрянь совсем не раскаивалась, наоборот, ее ненавидящий взгляд обещал мне скорую расправу. М-да, проблема. Крупная такая. Не всегда же кто-то будет за моей спиной.

— Плохо просишь, Лин Игви, — сухо сказала я, — но мы вернемся к этому позже. Сейчас займись камином. Лично! — перехватила я ее взгляд, брошенный на ближайшую горничную. — Берешь тряпку, ведро и чистишь до блеска. Остальные пусть уберут эти глупые ленты и заменят покрывало и шторы на бежевые. Тут спальня, а не будуар дешевого борделя.

И опять дернулась только девица с красной щекой. А Лин, уперев руки в боки, с усмешкой наблюдала, как растет мое недоумение при виде статуй, одетых горничными. Наконец я поняла, кого они мне напоминают: покрытые многовековой пылью трупы в парадном зале замка.

— Смотрю, ты повидала много дешевых борделей, деревенщина, есть с чем сравнивать, — оскалилась блондинка. — Нравится быть сверху? Попробуй! Для начала прикажи этимдохлым рыбам сама, если сможешь! Лично я палец о палец больше не ударю. Вижу, тебя еще не просветили, что ты не имеешь права мной командовать!

— Не «ты», а «вы», будь любезна соблюдать субординацию. — Я раздвинула губы в подобии улыбки. Наверняка оскал получился не менее угрожающий. — Я старше тебя и по возрасту, и по должности. И как экономка имею право распоряжаться всей женской прислугой в замке.

— Я не прислуга! — взвизгнула магичка. — А ты тут пока никто! Что-то я не вижу ключей домоправительницы на твоём поясе. А до вечера, когда — и если — ты их получишь и будешь официально представлена прислуге замка, еще куча времени, можешь и не дожидаться!

И наглая девка решительно прошла к выходу, едва не задев меня плечом. Мэйстр Энхем посторонился, пропуская ее, и мне это очень не понравилось. Кто, как не дворецкий, мог задержать и осадить зарвавшуюся служанку?

Едва она скрылась, я перевела взгляд на старика.
— Как это понимать, мэйстр?

Глава 10

КУКЛЫ И КУКЛОВОДЫ

Дворецкий развел руками.

— Я сам ничего не понимаю, мэйс Вирт. Лин, конечно, очень вспыльчива и агрессивна, но она никогда еще не нападала на людей столь... столь вопиющим образом. Так, больше пакостничала из-за угла, рукоприкладствовала да высмеивала. А тут словно обезумела.

— Я не о том. Почему вы ее не заставили исполнять свои обязанности? — Я кивнула на камин.

— Увы, уборка не входит в ее обязанности. Кроме того, Лин Игви подчиняется только милорду и после него — командиру гарнизона сэру Гринду. Я имею право лишь контролировать исполнение их приказов, если мне поручат это дело. Она и живет не во флигеле, а здесь же, в покоях напротив.

— И кто же она такая, чтобы позволять себе рукоприкладство и прочие безумства? Фаворитка милорда? — прямо спросила я.

— Если бы, — вздохнул старик. — Нет, даже тени подобных отношений нет, смею надеяться. Не так ли, Ания? Уж ты-то у нас все про всех знаешь! — обратился он к служаночке. Она единственная тут работала — снимала розовые накидки со стульев и отвязывала ленты с их спинок, но не забывала прислушиваться к разговору.

— Да что вы, бабушка Энхем! — разулыбалась она, и я заметила, что передний зуб у нее сломан. — Милорд ее ненавидит, какие уж тут шуры-муры! Да и мэйс Вирт сразу поняла, кто такая Лин — проститутка! Грязь!

— Ания, тебе не полагается говорить о таких вещах, и ты ничего не можешь доподлинно знать, чтобы бросаться нехорошими словами, — покачал головой старик, с кряхтением усевшись в кресло. — Ох, мои косточки... Я знаю только, что Лин — девица с самого дна, дитя столичных канав и подвалов. Кое-какими способностями к темной магии она обладала с рождения, достаточными, чтобы не пропасть на улицах. В школе магов не обучалась, конечно, — слишком слаба. Но неожиданно для всех ее способности оказались на несколько порядков выше и проявились в полную силу уже после восемнадцати. То есть ее магия нестабильна. Отсюда и вспышки агрессии. Впрочем, это только плюс для боевого мага.

— Боевого? Тогда что она делает здесь, если ее место в казармах?

— Женщине в казармах не место, мэйс. — Дворецкий бросил на меня укоризненный взгляд. — Все некроманты — боевые маги, ведь наша магия обладает сильным разрушительным действием, все мы подчинимся сэру Гринду в случае нападения, но не все обязаны жить в казармах. А что касается того, что Лин иногда командует горничными, то это потому, что у мэйстрес Тимусии Заримандрис чисто бытовая магия, и она частенько просит милорда, чтобы тот приказал Лин помочь ей управиться с нашими особенными слугами, хотя мэйс Игви не служанка. Но она и не гостья, и не родственница, поэтому вынуждена как-то отрабатывать хлеб. Признаюсь, у нее в замке положение, непонятное даже для меня.

— Говорят, она незаконнорожденная дочь старого графа, — громко шепнула Ания.

— Чушь! — отмахнулся дворецкий. — Мы, маги, можем установить родство с высочайшей точностью, целая наука этим занимается. Хотя к появлению мэйс Игви в замке прежний хозяин, лорд Армит, приложил руку. Четыре года назад, за год до смерти, он взял ее на поруки, заплатил за нее баснословную виру и спас от казни. Отсюда и слухи о ее происхождении. Мыслимое ли дело — отдать за чужачку, клейменую преступницу, такие деньги? Потом, поняв беспочвенность слухов, грешили и на любовную связь между ними, особенно некоторые розовощекие девушки, грезящие о любви с первого взгляда. Полная ерунда!

— То-то она выходила под утро из его покоев, — не преминула съязвить горничная.

— Ты и твоя матушка свечку над ними не держали! — Мэйстр Чесс раздраженно пристукнул ладонью по подлокотнику кресла. — Лорд Армит никогда себе такого не позволил бы. Он был аристократом до мозга костей! Больше того, он был Вороном! Графа Орияра-старшего интересовала только ее магия. Он обучал девушку, натаскивал на наших врагов. Она же ничего еще не знала и не понимала, сила пробудилась только в момент преступления.

— Убила кого-то? — резонно предположила я.

— Трех аристократов в элитном борделе. Очень высокопоставленных. Лин работала там охранницей. Темная история, — нахмурился старик. — Такая же темная, как сила этой женщины.

— Ха! Знаем мы, кем она там работала, — тихо буркнула Ани под нос.

— Ания, ты там не была и ничего знать не можешь. Или была и своими глазами видела? — прищурился мэйстр Чесс, глядя на девушку. Та, открыв рот от возмущения, не смогла выдать ни слова, только густо залилась краской. — То-то! Помалкивай, глупенькая. Так вот, с тех пор, как

его сиятельство граф Армит Орияр привез к нам Лин, она живет здесь безвыездно. Молодой лорд продолжил ее обучение. Он не стал выгонять ее после смерти отца, да ей и некуда идти, разве что в деревне при замке поселиться. Стоит ей без поручения и без сопровождения отъехать от стен Орияр-Дерта за пределы их видимости, как попадет на виселицу. Приговор-то не отменен, только отложен бессрочно, и любой королевский стражник может привести его в исполнение. Вот она и бесится: имея такую силу, бессильна что-то изменить в своей судьбе.

Да, серьезного врага я нажила.

И не она ли сживала со света невест лорда Дэйтара? Самый первый кандидат в подозреваемые. Впрочем, меня эти исчезнувшие невесты не должны волновать. А вот то, что Лин Игви вполне могла как-то приложить руку и к гибели семьи графа Барренса — вполне правдоподобная гипотеза, можно поработать в этом направлении. Если помогу матушке Зим узнать и отомстить убийцам семьи Барренс, она поможет мне вернуться в родной мир.

Только как я справлюсь без гребней и без Бобика? Бедняга, где-то он теперь?

Я отвлеклась, размышляя, и пропустила реплику мэтра Чесса. Между тем он говорил что-то интересное, жаль, теперь не узнать.

— ...вот мы и вынуждены ее терпеть, у нас слишком мало полноценно живой прислуги, мэйс Вирт.

— Так они действительно мертвы? — Скрывая неловкость, я подошла к девушке у окна и заглянула в бледное лицо, застывшее, словно маска. Ее глаза были закрыты.

— Нет, они не мертвы. Я же говорил вам насчет трупов. Держать их вместо слуг негигиенично и неразумно. Заклинания стазиса отнимают слишком много сил у мага, причем непрерывно. Поднятые трупы могут, подчиняясь воле некроманта, идти в атаку и рвать в клочья все, что встретят, но они неспособны выполнять мелкую работу. Замучаешься ими управлять. Никакой некромант не пойдет на такие жертвы ради ходячего трупа. Мы их тут держим только у входа, в качестве статуй и предупреждения... некоторым гостям. Эти девушки спят.

Я содрогнулась. Да эти некроманты хуже садистов! Бесчеловечно заставлять работать спящего человека!

— На них заклинание сомнамбул, — продолжал дворецкий. — Некромант может руководить ими, заставить их души видеть сны о реальности, но всегда только о том, что видит сам. Он может заставить сомнамбул в их снах исполнять несложную работу, но не в силах разбудить.

Чтобы руководить, нужно за ними непрерывно приглядывать, что и исполняла мэйс Игви по приказу милорда или просьбе старшей горничной.

Интересно, чем Тимусия расплачивается с более сильной некроманткой? Я посмотрела на единственную живую и здоровую горничную Ани, скрывавшую за суетливыми движениями, как внимательно она прислушивается к нашему разговору. Пора было избавляться от ее ушей.

— Мэйстр Чесс, вы говорили, что в этом крыле для приближенных к его сиятельству слуг есть еще пустующие апартаменты? — спросила я. — А можно мне вместо этой ужасной спальни занять одно из этих помещений? Надеюсь, они не такие розовые? Чья, кстати, была идея перетащить сюда ленты из покоев пропавшей новобрачной?

— О, понятия не имею! — Старик закашлялся.

— Это змеюка Лин придумала! — фыркнула горничная. — Она сказала, что вы — старая дева, а все старые девы обожают все розовое, этот цвет скрадывает старческую желтизну кожи. Да-да, так она и сказала.

А эта юная девушка недалеко ушла по части змеиного яда, — прищурилась я. Аж капает. Может, и была у Ании причина ненавидеть некромантку, но злость — плохой советчик. Я дала себе слово не прислушиваться к сплетням из ее уст: слишком явно Ани хотела оставить меня и Лин врагами.

— Думаю, никаких препятствий к переселению не будет, мэйс Вирт, надо только перенести архив. — Дворецкий поднялся с кресла. — Милорд распорядился выделить вам любые апартаменты в нашем крыле, какие пожелаете. Мэйстрес Тимусия вполне справедливо решила, что покои прежней домоправительницы вам вполне подойдут, но мы еще не знали ваши вкусы. Идемте, посмотрим другие комнаты. А вы, девочки, ступайте в распоряжение старшей горничной. — Мэйстр Чесс щелкнул пальцами левой руки, а правой сделал пару круговых движений.

Мне на миг показалось, что между фигурой старика и статуями двух девушек протянулись темные струны, как нити от кукловода к куклам. Это что? Я вижу заклинания? Так же, как в комнате матушки Зим видела сторожевые ловушки в виде змей?

Сомнамбулы дернулись, выпрямились и, механически переставляя ноги, двинулись к двери.

— А мне что делать? — пискнула Ания.

— А ты отнеси эти тряпки госпоже старшей горничной и передай, что здесь нужно вычистить камин. Даже если я не намерена занимать эти комнаты, грязь недопустима, — распорядилась я, пусть даже пока не имела

на это права.

— Да-да, исполняй, Ания! — Дворецкий запоздало подтвердил приказ. — И ни слова о том, что здесь произошло.

Девчушка, кивнув, схватила розовый ворох и помчалась на выход, опережая несчастных сомнамбул.

— Ания, — негромко окликнул ее маг. — Типун на язык навешу, если хоть слово обронишь! Месяц будешь носить.

Резко побледневшая девушка замотала головой:

— Да ни в жизнь не проболтаюсь! Даже матушке ни словечка не скажу!

— Ей — тем более. Мэйстрес Тимусия слишком болтлива.

Горничная удалилась уже не так резво. Мы тоже направились прочь из комнаты.

Дочь Тимусии, значит. И Лин ее за что-то потрепала. Светлые Небеса, а ведь мне как домоправительнице придется жить в этих дрязгах и как-то пресекать их! Ненавижу женские коллективы. Хотя, если они все будут тихими и смирными, как сомнамбулы...

— А кто наложил на девушек заклинание сна и зачем? — полюбопытствовала я. — Их наказал милорд?

— Нет, это происки врагов милорда. Должен признаться, мы до сих пор не вычислили злодея, насылающего проклятие сомнамбул, и не нашли способа излечить несчастных. Причем подвержена ему только женская половина населения Ориар-Дерта. Поэтому тут так пустынно. Семьи решили не рисковать и уехали кто куда. Остались лишь самые преданные и те, кому некуда деваться, кого ждет за пределами крепости казнь или каторга.

— Почему меня не предупредили? — возмутилась я, даже остановилась, намереваясь бежать назад и увольняться.

— О, вам не стоит беспокоиться, мэйс. Недуг поражает только девушек до двадцати пяти лет, а вы, к счастью, несколько старше.

— А почему вы не нанимаете служанок моего возраста?

— Пытаемся, но они все либо замужем и обременены кучей детишек, либо больны, и потому их замуж никто не берет. Ох, простите, мэйс, у вас совсем другой случай!

— Разумеется, прощаю, — кивнула я, скрипнув зубами.

— Благодарю, у вас доброе сердце, мэйс. — Старик слегка поклонился, и я не могла понять, это он так тонко издевался или говорил всерьез. — Так вот, редко кто согласится променять свою худо-бедно налаженную жизнь на сытую, но непредсказуемую службу в крепости на

границе миров. И мало кто из женщин верит, что здесь они будут в безопасности. Если бы вы не жили до недавнего времени в далекой глухомани, то обязательно услышали о нас самые ужасные и нелепые слухи. Как же, гнездо зловещих Воронов, цитадель Ордена некромантов! Да еще и демоны где-то рядом.

— И ведь слухи не совсем ложны, да?

— У вас тоже есть время передумать.

Я вдруг остро почувствовала, что дворецкий чего-то недоговаривает. Не может быть, чтобы причина опустошения огромной крепости крылась только в проклятии сомнамбул. В конце концов, не в каждой же семье были девушки до двадцати пяти.

— Подождите... — Я даже остановилась, настолько поразила меня еще одна догадка. — Так все жены лорда Дэйтара тоже стали сомнамбулами?

— Невесты, а не жены, — поправил дворецкий. — Ни один брак не был подтвержден должным образом, к нашему великому сожалению. Нет, ни одна невеста не пала жертвой проклятия, иначе были бы невозможны новые браки, пока не будет снято заклятие, а это погубило бы милорда и нас вместе с Ориар-Дертом. Но я умоляю вас, мэйс Вирт, ни слова больше. Не спрашивайте никого и никогда. Здесь это запретная тема... А вы неплохо умеете постоять за себя, — быстро перевел он разговор на другую тему, дабы избежать неловкого молчания.

— О, это мой отец... — Я осеклась, едва не проболтавшись. Это мой настоящий отец настоял, чтобы я тратила время не на спа-салоны, а на тренировки с его телохранителями. Он не хотел, чтобы я ходила в секцию боевых искусств, предпочитал только своих. А вот Тайра Вирт росла безотцовщиной. — Мне тетушка рассказывала, что ее брат завещал вырастить меня настоящим бойцом, и она не препятствовала моим потасовкам с мальчишками. Да и на границе все должны уметь защищаться. Место такое.

— Да, безусловно, — согласился старик. Миновав дверь с резными, хищно выглядевшими цветами незнакомого мне растения, похожего на остролист, мы остановились у дверей с вырезанным на них вьюнком. — Посмотрите эти комнаты, мэйс Вирт. Они декорированы и обставлены в нейтральных зеленых тонах.

В правый висок словно постучались изнутри. Снова ожил мой «ожог». С чего бы? Что он предвкушает? Свой портрет вылез посмотреть?

— А почему мы прошли мимо тех дверей? — Я указала за спину.

— Там мужские покои, они принадлежали бывшему секретарю

милорда. Вам вряд ли будет комфортно в мрачном темно-синем интерьере.

— Нет-нет, я обожаю синий цвет всех оттенков и сочетаний. И мрачность вполне в моем характере, я терпеть не могу легкомысленную обстановку! — И я решительно повернула назад.

Только не зеленые покои. Никаких вьюнков!

Но мы не успели даже открыть дверь, украшенную хищным остролистом. Ладонь дворецкого, протянутая к вырезанному в дереве листку, замерла и спешно отдернулась. Мужчина развернулся.

— Простите, мэйс Вирт, придется отложить осмотр. Граф приглашает вас на беседу.

— Но как вы узнали?

— О, тут никакого секрета. Все некроманты, даже не обладающие ментальной магией, могут общаться друг с другом через души умерших. Для этого достаточно связать душу с амулетом, а свой амулет — с хозяйским. — Старик тронул пальцем небольшую серьгу с похожим на агат черным камнем в прозрачных прожилках. — Видите? Чеер — первый признак, что вы имеете дело с некромантом.

Спасибо, что предупредили. В шкатулке Тиррины точно были серьги с таким же камнем, и Лисси убеждала меня, что я эти серьги терпеть не могла, потому что они выглядели слишком дешево и мне не шли.

Первая, кого я увидела в кабинете графа, кроме самого хозяина, — была Лин Игви, собственной персоной, и выглядела она на удивление прилично, когда только успела переодеться?

— Второе испытание вы провалили, мэйс Вирт, — равнодушно сказал лорд Дэйтар, едва я переступила порог.

Мэйстр Чесс, чуть отодвинув меня, прошел вперед.

— Ваше сиятельство, я готов свидетельствовать, что мэйс Игви превысила данные вами распоряжения и напала первая, применив боевую магию. Мэйс Вирт вынуждена была обороняться.

— Энхем, ты прекрасно знаешь, что главным испытанием было недопущение склоки. — Дэйтар, сидевший в кресле сбоку от стола, поигрывал каким-то амулетом на цепочке, то открывая его крышку, то защелкивая. — Вместо того чтобы погасить конфликт, мэйс Вирт раздула его до драки. Как она будет управляться с прислугой?

— Если позволите, я договорю, милорд, — поклонился дворецкий. — Мэйс Лин с первого мгновения использовала ментальное заклинание, увеличивающее раздражительность и агрессию, а ваша новая экономка еще не получила полноценной защиты, прописанной в контракте. Она даже не

осознала, что действовала под влиянием чужой воли.

Мои глаза стали огромными, когда я повернулась к торжествующей магичке.

— Я не давал такого разрешения Лин Игви, — бесстрастным тоном заметил граф.

— Это не все, милорд, — сказал старик. — Первое использованное ею заклинание было вполне безобидным, в точности по вашему приказанию. Но вторым она метнула полноценное боевое заклятие «лимонки». Девочке выжгло бы глаза, если бы я вовремя не вмешался.

Блондинка упрямо сжала губы и вздернула подбородок.

— На ней была чуждая магия, Дэйтар. Она не просто отразила первое заклинание, она его с легкостью впитала, как высший демон! Как я еще могла реагировать, видя, что передо мной — враг, хитростью проникший в крепость?

Некромант с интересом посмотрел на меня. С нехорошим таким интересом, даже огоньки в глазах зажглись.

— Тебе показалось, Лин. Мэйс Вирт не обладает магией и ни единого амулета не могла пронести с собой. Мы ей не оставили ни одного шанса. Последний амулет изъяли у ворот.

— А волосы? Ногти? Ты же понимаешь, что на них можно навесить сотни боевых заклятий?

Светлые Небеса! Неужели обреют? Я ужаснулась.

— Я уверена, что на ней личина, Дэйтар! Ты сам мне показывал, на что способны высшие демоны!

— Это невозможно, Лин, — отмахнулся некромант. — За мэйс Вирт поручилась айэни Зим как за спящую смеску айэ, а они лютые враги демонов.

— Так она айэ? В замке?! — еще сильнее взбесилась магичка, даже кулаки сжала.

— Заметь, в *моем* замке, — с усмешкой подчеркнул граф. Остро глянул на меня, полоснув холодным взглядом серых глаз. — Хорошо, мэйс Вирт, учитывая свидетельство мага Энхема Чесса, я дам вам еще шанс. А чтобы больше не было таких случаев, я дарую вам полную защиту.

Поднявшись с кресла, он с ленивой грацией крупного хищника подошел ко мне почти вплотную, раскачивая золотистый амулет в руке.

— Наклоните голову, мэйс.

Я послушно склонилась, и некромант надел на меня цепочку. В то же мгновение в висок словно выстрелило разрывной пулей, и я потеряла сознание.

Глава 11

ПО ОСТРИЮ НОЖА

Во всех романах, которые я почитывала когда-то по дороге в универ, героиня, очнувшись от обморока, умудрялась подслушивать важнейшие и интереснейшие разговоры. Так вот, авторы этих сцен явно никогда не были на месте своих героинь. Сначала возвращается не сознание, а рефлексy.

Такие, как чихание.

Единственное, что я успела услышать и осознать, — фраза дворецкого: — Ты перестарался, Дэйтар.

Я даже успела подумать, что прислуга не должна обращаться к хозяину по имени. Но тут я непроизвольно чихнула и открыла глаза.

По всей видимости, в обмороке я провалялась не так долго: падавшие из окна на ковер лучи солнца не успели переползти и на расстояние ладони.

— Девушка очнулась, — услышала я незнакомый голос, прозвучавший со стороны.

Повернув голову, я увидела седовласого мужчину в мантии мага, слегка потрепанной и испачканной реактивами на рукавах. Вот не понимаю я любви магов к балахонам. В них же неудобно работать.

— Отлично! — Граф, схватив резной стул, развернул его и по-мужицки уселся верхом, оперев руки о спинку. Никакого светского лоска! Его серые глаза налились темнотой. — Кто вы на самом деле, мэйс Вирт?

Твоя смерть! Бу-га-га!

Ясно. Будет допрос. Возможно, с пристрастием. Но, если я еще «мэйс Вирт», личина с меня не слетела. Интересно, волосы успели обрить?

— Пить... — начала я тянуть время. Потом в уборную попрошусь: мне срочно нужно зеркало.

Параноик ненормальный. Можно подумать, он нанимает экономку не в какой-то там средневековый замок, а в Белый дом на Капитолийском холме — пыль с «атомного чемоданчика» протирать.

Седовласый маг поднес мне бокал с водой, помог приподнять голову и дал сделать пару жадных глотков.

— Я жду, мэйс, — сказал кое-кто нетерпеливый.

Ну, держись, ворон драный!

— Что вы со мной сделали, милорд? Вы обещали, что я буду в безопасности под вашим покровительством! А на деле меня оскорбляют

ваши подданные, нападают и швыряются боевыми заклинаниями, а в довершение вы лично пытаетесь меня убить!

Хотела всхлипнуть, но удержалась. Папа всегда говорил: лучше недождать, чем переждать.

— Я? Вы обвиняете меня в попытке убийства? — возмутился некромант. — Да еще и неудачной? Достопочтенная мэйс, если бы я пытался, вы были бы уже на Небесах! Но к делу. Я задал вопрос. Отвечайте!

— Я — Тайра Вирт, дочь рыцаря из Счастливой Подковы.

— Вы лжете. В ваших краях никогда не разводили боевых петухов и беговых тараканов, никто даже не слышал.

Я расхохоталась до слез. Боже мой, как же наивны эти средневековые парни, даже если они грозные некроманты!

— Конечно, никто не слышал, ведь я их придумала, чтобы посмеяться над сэром Кензом, очень уж он меня разозлил с этим платьем из борделя.

— Мэйс, вы не поняли. У нас в королевстве, да и во всем мире, вообще никто никогда не слышал о тараканах. Что это такое?

— Это бабочки без крыльев, — выпалила я, не растерявшись, хотя внутри все заныло от нехорошего предчувствия. Уж бабочек-то я точно видела, когда прогуливалась от портала к замку. — У нас в Счастливой Подкове так их называли.

— Вот как... Лин, зайди! — громко приказал граф.

Дверь распахнулась, и в комнату вошла блондинка, опять сменившая наряд. На этот раз она была в алом атласном платье с совершенно бесстыдным декольте и разрезами, открывающими ножки до пупка. Насмешливо оскалившись, моя врагиня прошла мимо и протянула некроманту свиток.

— Благодарю. Свободна, Лин.

Когда некромантка развернулась, на ее холеной мордашке уже не было ни торжества, ни насмешки, а только выражение досады. Но она удалилась с достоинством, надо признать.

Граф развернул ленту свитка, расправил бумагу, мельком глянул на ее содержание.

— А что вы скажете на то, мэйс, что, по сведениям королевского военного архива... — Сделав театральную паузу, этот недоделанный актер свернул свиток и стукнул им по подлокотнику кресла. — То есть, по сведениям из самых надежных источников, северный приграничный форт Счастливая Подкова сгорел дотла вместе со всеми жителями не два месяца, а сто три года тому назад?

Седовласый маг, стоявший в стороне, присвистнул.

Доверчивый какой в его-то годы! Вот меня папа учил не верить никому, особенно партнерам по бизнесу и начальству. Они всегда попытаются надуть.

— Какая любопытная бумага, — заинтересованно протянула я. — Можно взглянуть?

— Вы мне не верите? Или, может, военному архиву?

— Как можно не верить вашему сиятельству! Конечно, верю. Но архивариусы так подслеповаты и падки на роскошные женские формы, что легко могли совсем ослепнуть и перепутать бумаги. Какого года, говорите, эта выписка?

Граф развернул свиток, усмехнулся:

— Текущего года, мэйс. Датирована сегодняшним числом.

— А за последующие сто три года неужто пограничный форт ни разу не пострадал ни от набегов, ни от черного мора, ни от пожаров? Да у нас каждый год не одно, так другое! Но Счастливая Подкова на таком стратегически выгодном и удобном месте стоит, что ее всегда заново отстраивают и заселяют. Под крепостью выход на поверхность скальных пород, и таких выходов всего четыре на сотни верст болот. Так что, милорд, либо ваша дамочка остальные-то листочки не донесла, либо архивариус военного архива продажен. Так он и родину продаст, не заметите.

Помрачнев, некромант коснулся серьги с черным чеером, потеревил, словно в раздумье. Интересно, кому он мысленные приказы отдает? Опять блондинке?

Но через минуту в кабинет влетел на всех парах сэр Гринд. Бросил удивленный взгляд на меня, расслабленно лежавшую на кабинетной кушетке, поклонился лорду.

— Сэр Гринд, выделите сопровождение мэйс Игви и отправьте ее на север порталами, — приказал упрямый как сто нераскаявшихся грешников молодой лорд, не сводя с меня непроницаемого взгляда. — Задание: разыскать благонадежных свидетелей в ближайшей к сгоревшему форту деревне. Желательно тех, кто знал дочь рыцаря Тайру Вирт и ее родственников. На операцию даю неделю.

— Слушаюсь, милорд, — поклонился рыцарь. — Позвольте вопрос?

— Говори.

— Кем мне прикажете заменить двух сильных некромантов в дозорах и на линии обороны при нападении демонов?

— Не обязательно отправлять с Лин некроманта, ей всего лишь нужно официальное сопровождение.

— Я и не собирался отправлять с ней мага. Я имел в виду, что мэйс Игви одна стоит двоих.

На высоком лбу графа пролегла сердитая складка.

— Значит, сам будешь стоять в дозорах!

— Слушаюсь! — вытянулся рыцарь и по кивку удалился.

Я держала лицо, стараясь ничем не выдать раздражения. Далась ему эта Счастливая Подкова! Не нравлюсь — выгнал бы из замка, и дело с концом!

— Я не прощаю, когда мне лгут, мэйс, — сказал некромант. — Через неделю я буду знать правду, так что лучше признайтесь сейчас.

О, как же я хотела воспользоваться шестым пунктом пятнадцатого параграфа нашего договора о найме! Как хотела плюнуть на все и хлопнуть дверью!

Но меня удерживали сразу несколько причин.

Первая — демон. Как спастись от его мести, я понятия не имела. Одна надежда была, что он не сможет найти меня под личиной, но где гарантия?

Вторая — я проиграю Кензу свои кровные пять золотых морального ущерба, которые, кстати, еще не получила. Остаться без гроша в отсталом мире, где закон — только сила и никаких тебе социальных гарантий, — это безумие.

Третья. Ворон меня достал. Реально достал. Так достал, что я не успокоюсь, пока не достану его точно так же, и даже хуже. Он первый вышел на тропу войны!

— Знаете, милорд... — Я с трудом села и расправила на коленях складки слегка помятого платья. Голова еще кружилась. Удивительно, как я еще могла соображать. — Если бы я отправляла гонца за свидетелем, то учла бы, что в предыдущий раз этот гонец добыл отнюдь не полные сведения, а то и фальшивку. Где гарантия, что эта ваша Лин не притащит подружку из своего родного борделя, а та напоеет, что ей взбредет в голову?

— Ее будет сопровождать рыцарь, он проследит.

— Мужчина? Проследит? Я вас умоляю! — Я обреченно закатила глаза к потолку. Красивая роспись, кстати: бой огромного черного ворона с чудовищным синеньким демоном.

— Они пройдут порталом, мэйс, минуя все подобные заведения.

— Да какая разница, кому ваша Лин может заплатить за фальшивый донос, шлюхе или нищенке? Для мэйс Игви нарушить ваш приказ оказалось так же легко, как выпить стакан воды. А ведь она наверняка давала вам клятву подчинения или присягу.

— Но почему вы так уверены, что Лин приведет свидетеля против вас?

Может, наоборот, подтвердит ваши слова?

— Потому что она мстительна. И еще она солгала вам на моих глазах, сказав, что заподозрила во мне высшего демона. Высшие синекожи, крылаты и с хвостами, некромант не может не знать об этом.

Граф переглянулся с молчаливым магом, не вмешивавшимся в беседу, улыбнулся снисходительно:

— Вы ошибаетесь, мэйс. Высшие демоны выглядят совсем как люди, но могут принять другую форму, и ее особенности зависят от клана. Кулон, надетый на вас, проверил версию Лин. Это амулет проявления, его использует храм Небес, выявляя замаскированных низших. Если бы вы оказались демоном, то перешли бы в форму своего клана и были бы убиты. Потому в кабинете и присутствовали три сильных мага. Но, к счастью для всех, вы человек. Хотя и не без сюрпризов. Магистр Нейсон, что скажешь?

Седовласый маг, обладавший пронизательным прищуром Шерлока Холмса, закинул ногу на ногу и переплел пальцы, обхватив колено.

— Скажу, что я такой сложной и изящной работы еще не видел, лорд Дэйтар. Насколько я мог разобрать, с мэйс Вирт работал, не побоюсь этого слова, великий маг. Такие уже не рождаются, а если и рождаются, их некому обучать, секреты утеряны.

— Даже так? — приподнял бровь некромант.

Магистр кивнул.

— Сам посуди. На девушке есть плетение, внешне похожее на накопитель, существует оно за счет поглощаемой магии и работает как щит. Думаю, оно с легкостью поглотило бы даже вашу атаку, не только «лимонку». Но тут-то и начинаются странности, дорогой друг. Щит одновременно запирает нечто и питается за счет внутреннего резерва мэйс Вирт. По сути, на ней стоит мощнейший блок.

— Так она маг? Человеческий маг? Это невозможно, смески айэ обладают нечеловеческой магией, а магия людей и нелюдей несовместима.

— В том-то и дело, Дэйтар. Поэтому я и говорю, что с ней поработал великий маг. Мы сталкивались раньше с редкими случаями, когда рождался двусильный ребенок — смесок мага и айэ. Но такие дети жили не более одного вдоха. Мэйс Вирт — уникальный случай, когда такой ребенок выжил. На ней два замка, запирающих друг друга. Две силы, переплетенные, как борцы на ринге. И напряжение такое, что если снять один замок, второй ее сразу уничтожит. Они уравнивают и блокируют силу друг друга.

Оба посмотрели на меня, как на препарированный труп. С профессиональным любопытством судмедэкспертов. А я только глазами

хлопала, глядя то на одного, то на другого. Ну что тут скажешь? Матушка Зим вполне могла оказаться тем великим магом и спасти Тиррину либо в момент рождения, либо в миг, когда в девчонке проявилась айэ. Это первая версия, пришедшая в голову. Потому что о других великих магах этот дядька наверняка бы знал.

Впрочем, версия наверняка неправильная: ведь Тиррина обучалась в магической Школе Ока и слыла сильной магичкой, значит, ее человеческая магия не была заблокирована до какого-то времени. Интересно, когда в ней начала пробуждаться айэ? Точно не в момент рождения!

У меня так закружилась голова от попытки разгадать загадку, что в глазах потемнело. Ну ее! Эх, почему я попала именно в это несчастное тело с какими-то блоками и тяжелым наследством в виде ненависти некроманта и притязаний ведьмы-айэни?

— Но картина еще интереснее, — продолжал Нейсон. — Пока ты не надел на мэйс Вирт проявляющий амулет демонов, я ничего не видел. Она выглядела как самая обыкновенная девушка, от рождения не знавшая магии, только застарелый рубец в области ее правого виска фонил, но это могло быть результатом магического лечения раны.

— Правого виска? — молодой граф подошел ко мне и, бесцеремонно взяв меня за подбородок, развернул голову. — Вот здесь?

Его большой палец, едва касаясь, прошелся по виску и скуле. Тут полагается в романах появиться толпе мурашек, но черта с два. Я впала в ледяную ярость. Даже «выюнок», потянувшийся было к его пальцу, как котенок за рыбкой, оцепенел и — беньк! — рассыпался льдинками. Надеюсь, навсегда.

— Что вы себе позволяете, лорд Ориар? — стальным голосом отчеканила я, отстраняясь. — Вы прикоснулись к даме без перчаток!

Магистр насмешливо фыркнул, а лорд поспешно убрал клешни.

— Да, именно тут, — кивнул седовласый.

— Благодарю, магистр. Останешься на ужин?

— Не могу, дела. Но я всегда готов прийти по первому зову, уж больно любопытный случай. Только умоляю тебя, ничего не трогай!

— Не буду, Нейсон. Я не убийца. Идем, провожу в порталный зал.

— Не стоит, мой друг. Пусть меня проводит Энхем, мы с ним давненько не виделись, так чтоб можно было перекинуться парой слов.

— Хорошо. — Граф прикоснулся к серьге, передавая приказание. Удобно устроились некроманты! Только они могли призвать души мертвых и заставить их служить себе.

Через пару минут магистр покинул кабинет, и мы остались тет-а-тет.

Лицо развернувшегося ко мне лорда Дэйтара сразу резко изменилось, потемнело, как и его глаза, скулы заострились. Смотрел он очень неприязненно.

— А ведь я давал тебе шанс быть честной хотя бы раз в жизни, — медленно и тихо, через силу, словно давил в себе взрыв ярости, сказал он. — Хватит ломать комедию, леди Тиррина, графиня Барренс!

Что-то подобное я подспудно ожидала после таких-то проверок, и даже не вздрогнула. Лишь опять мученически закатила глаза к потолку: ну и наградили же Небеса работодателем!

— Меня зовут Тайра, милорд. Тайра Вирт. И я не знаю, что такое комедия, потому никоим образом не могу ее сломать. Разве что нечаянно, по неведению.

— Издеваешься? — Граф ногой отшвырнул стоявший между нами стул и порывисто схватил меня за плечи, встряхнув и прижав к спинке дивана, наклонился к самому лицу. — Ты решила, что вместе со старой ведьмой сможешь обвести меня, Ворона, вокруг пальца?

Да хоть птерозавра!

— Не делайте мне больно! — спокойно, но строго сказала я, надеясь достучаться до его помутившегося рассудка. — Вы подписали договор и гарантировали мне безо...

— Демоны тебя задери, Тирра! — Некромант оттолкнул меня и отошел, отвернувшись.

Если бы я не сидела, точно бы упала от толчка. Да он псих, натуральный псих! Даже синегокожий демон не так страшен, как некрмант в ярости. Может, я зря боюсь рогатеньких?

— Ты всегда меня бесила, как никто другой! — Его кулак врезался в стену.

Ну а замок-то, бедненький, в чем виноват? Картина, висевшая выше, содрогнулась, а изображенный на ней бородатый дядька презрительно посмотрел на разбушевавшегося некрманта и отвернулся.

— Так бесила, что я терял самообладание, только минуту поговорив с тобой, а то и через пару секунд. Уже по этой примете я мог узнать тебя под любой маской на любом карнавале, измени ты даже голос и цвет волос, а ты меняла всегда, надеясь вывести меня из себя.

— Ваше сиятельство...

— Заткнись и слушай! — рявкнул этот ненормальный. — Ты почти добила своего: король решил, что, потеряв магию, ты стала безобидна, и поддержал просьбу твоего опекуна о нашей свадьбе. Ты всегда умела добиваться своего любыми способами. Я бы заподозрил тебя в

притворстве, если бы в лечебнице не убедился своими глазами, что ты действительно перегорела. Отказать королю я не мог.

— Милорд! — попыталась я прервать его откровения.

Но Остапа понесло.

— И вдруг ты решила отомстить за то, что я всегда вышвыривал тебя, вредную и злобную пигалицу, за дверь. Сбежала, не дойдя до алтаря! Опозорила. Что ж, у тебя получилось поднять меня на смех перед всем королевским двором, но я был счастлив от тебя избавиться. Вот только не надо держать меня за дурака, Тирра! Поисковое заклятие оборвалось у двери твоей наставницы Зим. Ладно, старая ведьма, при всем своем коварстве, довольно простодушна, как все айэ, потому они всегда проигрывают людям. Но ты никогда не была настолько наивной, чтобы верить в то, что я не смогу сложить два и два.

— Так там и схватил демон эту вашу Тиррину, еще бы следу не оборваться! — до последнего патрона защищалась я.

— Похищение было подставным, чтобы ввести меня в заблуждение, а ты просто спряталась у Паучихи.

— Я не могу отрицать, что пряталась, но я — не леди Тиррина, могу поклясться чем угодно. Я, как свидетельница, утверждаю, что похищение не было подставным. Смерть ундины была настоящей. Разве матушка Зим пошла бы на такие жертвы? Ради чего? Чтобы самой же отдать Тирру в ваши руки? Не слишком ли сложный план?

— Вот это я и хочу узнать, зачем?! — Глаза некроманта яростно сверкнули, как две молнии в тучах. Жуть какая. — Демоны клянутся, что их обманули, в ковре оказалось только платье. Ты переделалась и подбросила в ковер кольцо. Уж тебе ли не знать, что нюх у демона такой, что он сразу почует магию моего кольца. Лучший способ отвести его от себя, потому что далеко ты не смогла убежать.

Вау, какая я все-таки молодец! Но как, вот как он мог все это разнюхать за какие-то несколько часов, если он с теми демонами сражался? Или он, наоборот, мило беседовал за чашкой чая?

— А это наводит на интересные мысли, Тиррина, что ты знала о смерти ундины и вызове демона. Если даже не сама все это провернула.

— Неправда! — Я даже кулаки сжала от злости и отчаяния. — Откуда мне это знать, если я — Тайра Вирт, а не Тиррина? Мне просто не повезло оказаться не в то время и не в том месте!

Воистину, видит Небо, не повезло!

— То-то тебя больше никто не видел в том доме, пока ты, изменив внешность, не вышла из каморки Зим. Леди Тиррина исчезла, но тут же из

ниоткуда появилась мэйс Тайра. И вы наивно думали, что меня это не насторожит? Не понимаю только, зачем тебе этот фарс с экономкой, если ты могла приехать сюда женой, а не служанкой. Испугалась моей ненависти, маленькая ведьма? Но ты потеряла память, и вряд ли ее помнишь.

Как. Он. Мне. Надоел. Прощайте, мои денежки и сытая, хотя весьма беспокойная жизнь под приличной крышей! Я ухожу. С меня хватит.

Я поднялась, брезгливо отряхнула невидимую пылинку с рукава.

— Да, не зря меня тетушка учила: держись от благородных подальше. Милорд, зачем вы меня наняли, зачем подписали договор, если не верите ни одному моему слову? В таких условиях невозможно работать. Я расторгаю договор по своей воле. Отправьте меня обратно.

— Да кто тебе позволит? Кто отпустит? — с усмешкой поднял бровь граф Ориар. — Договор был подписан с девицей Тайрой Вирт, умершей, полагаю, сто три года назад. Ты не имеешь к ней никакого отношения. Если имя фальшивое, подписанные бумаги теряют законную силу. Нет между нами договора, графиня Барренс. И я не собираюсь упускать такой удачный момент, чтобы вырвать тебя из-под влияния ведьмы Зим, раз уж она сама имела такую глупость отдать свою ученицу в мои руки. Ты не вернешься, пока не будешь избавлена от ее наследия полностью.

Мне стало плохо. Что он имеет в виду?

— А если я докажу, что вы жестоко заблуждаетесь, ваше сиятельство? Если Лин, вопреки всему, окажется честной и найдет того, кто подтвердит, что я — Тайра Вирт?

— Перечисли мне города, через которые проходит Северный тракт, ведущий в столицу. В своем путешествии Тайра Вирт не могла их миновать.

Я молчала, вспоминая карту королевства, висевшую в кабинете столичного особняка. Бесполезно. Я помнила флажки — метки крупных городов, но не могла вспомнить их названия и не понимала символику гербов.

— Не можешь! — торжествующе припечатал этот упертый баран. Простите, Ворон. — У тебя всегда было плохо с географией, Тирра, именно поэтому и порталы тебе редко когда удавалось построить так, чтобы они работали, а не вытворяли что попало. Твою легенду где ни копни, там и развалится.

— И опять вы подгоняете факты под те выводы, какие хочется услышать! — Я в бессилии стиснула руки. Они так и чесались залепить болвану пару пощечин. Может, в голове у него прояснилось бы. — Вы

слишком жестоки к той, что потеряла все: семью, друзей, дом, имущество. Я едва выжила, едва могла видеть мир вокруг, мой разум был как в тумане, а вы требуете, чтобы я запомнила названия. Мне было все равно.

Я вложила в свои слова всю боль, какую испытывала в первые дни и месяцы пребывания в этом мире. Но бессердечный Ворон методично обрезал все пути к отступлению.

— Да-да, больная, несчастная сирота, очень удобно, — безжалостно фыркнул он. — Но набор трав, которые мы извлекли из твоей шкатулки, используется актерами и преступниками для надежной смены личины, когда нужно обойтись без магии. И твои руки так нежны, что вряд ли когда-нибудь знали грубую сельскую работу. Надо еще раз припереть тебя к стенке или признаешься?

— Травы дала мне айэни Зим для выращивания боевых петухов! — выпалила я. — Петухи от них мутируют.

— Что? — обомлел граф.

Уфф... Главное — ошарашить. Правильно учил папа, с психами, как с детьми, — если они впадут в истерику, нужно отвлечь их чем-то неожиданным. И у меня открылось второе дыхание.

— Я решила заработать на петушиных боях. Надо же мне было как-то жить, раз опоздала на отбор в Королевский приют для благородных девиц. За травами я к матушке Зим и пришла, а тут вся эта история приключилась. Вот Зим и предложила в экономки к вам меня пристроить. Петухов-то без разницы где выращивать, одно другому не мешает.

Гаф рухнул в кресло, прикрыл в изнеможении глаза ладонью, словно ему было стыдно даже смотреть на меня.

— Тиррина, — глухо выдавил он. Вот заладил! — Тирра, остановись. Я развлекался с прошлого вечера, когда Зим пришла устраивать подозрительную девушку в экономки, но теперь мне уже не весело. Я устал смеяться. Устал ждать от тебя правды. В этом ты не изменилась совсем: твоя ложь, как всегда, бессмысленная и беспощадная, ложь ради лжи. Хватит. Я сегодня получил последнее доказательство.

Я молчала, с вопросительным ожиданием глядя на некроманта. Вот когда он так спокоен и не орет и стены не крушит, то очень даже мил.

— Не хотел говорить, но ты вынудила, — поморщился он и тяжело вздохнул. — Магистр Нейсон говорил о двух блоках, запирающих в тебе две взаиморазрушающие силы. У Тиррины Барренс тоже стоят блоки с такими же функциями, и поставил их я. — Он сделал паузу, ожидая, наверное, моей вспышки возмущения, но я молчала. Понятия не имею, что такое эти блоки, хотя в книгах Тиррины что-то о них читала. Не

дождавшись никакой реакции, Дэйтар сказал: — Как ты понимаешь, точно такой изъян у девушки, оказавшейся в том же доме, — совпадение за гранью возможного.

Надо же. Передо мной — величайший маг мира, а я не падаю ниц. Безобразие. Но нужно что-то сказать, а то он решит, что я от шока дар речи потеряла.

— Милорд, боюсь вас огорчить, но это никак не могли быть вы. Вы родились намного позже меня, лет на пять-шесть, и в наших краях никогда не были, мы бы запомнили такую важную птицу, как Ворон. Эти замки, о которых вы тут говорили... это мне в младенчестве родничок закрывали, повитуха рассказывала. Я с открытым родилась, да еще и мертвой. Так и схоронили бы меня вместе с матерью. Она, бедняжка, родами-то померла. Да, на мое счастье, в ту ночь какой-то маг у папеньки как раз гостил, так он мою душу вернул и на замок посадил, да крепко еще так замуровал словно бы блоками, вот и...

Дэйтар, не отнимая руки от лица, затрясся. Мелко так, беззвучно. Я даже испугалась за него, сердешного. А он откинул голову и заржал во весь голос.

Отсмеявшись, этот припадочный подошел к столу, выдвинул ящик и вытащил шкатулку. Коснулся серьги и приказал:

— Энхем, если ты освободился, собери прислугу в малом зале. Да, спящих тоже.

Затем граф открыл крышку шкатулки и достал амулет и связку ключей на украшенном чеканкой кольце. Криво усмехнулся.

— Что ж, продолжим игру, маленькая лживая графиня. Неделя у нас еще есть на это развлечение. Пока не вернутся мои гонцы, будем считать, что разговора у нас не было. Но ты можешь в любое время прийти ко мне и чистосердечно покаяться, не забыв рассказать, зачем тебе нужны эти ключи. Не в них ли все дело? — Он подбросил на ладони тяжелую связку. — Я даже сравнил ключи домоправительницы с оригиналами, которые должна носить моя жена и хозяйка Орияр-Дерта. Отличие было только в трех ключах. Их ты не получишь. Ну а остальные, пожалуй, я могу тебе вручить вместе с амулетами защиты и власти над сомнамбулами. Но, Тирра, за тобой будут следить несколько пар глаз. И когда вернется Лин, а я так и не услышу правды, игры закончатся.

— Я не Тирра, милорд, — упрямо вскинула я подбородок.

— Пока будем считать так. Подойди. Вот ваши пять золотых... мэйс Вирт.

Аллилуйя! Слава Небесам! Я снова мэйс Вирт!

Но лорд Дэйтар отсчитал куда больше монет. Не умеет считать до пяти?

— Плюс еще десять золотых руний моральной компенсации за нападение на вас мэйс Игви, — пояснил граф, подвигая ко мне горсть драгметалла.

Он решил отделаться золотом? А за свое нападение и издевательство чем заплатит? Отодвинув второй столбик, я взяла ровно пять кругляшей с чеканным профилем нашего короля, чтоб ему на деревянных рублях красоваться за такую подставу, как моя «свадьба» с психом и некромантом!

— Боюсь, милорд, нападение вашей магички — не тот случай, когда можно откупиться деньгами, — сказала я.

— Что же вы хотите? — поинтересовался некромант.

Я взглянула в прищуренные серые глаза. Решительно не понимаю, что в нем нашла Тирра, чтобы втрескаться без памяти? И зачем ей добиваться всеми способами любви человека, который так ее ненавидит? Вроде бы неглупая девчонка была. Да-а, любовь зла. Или дело не в ее чувствах, а в чем-то другом?

— Я хочу, чтобы вы не расшатывали нервную систему Лин схватками с демонами, которых она втайне боится, а потратили эти несчастные золотые на ее лечение.

— С чего вы взяли, что она их боится?

— Если бы не боялась, то не атаковала бы меня таким сильным заклинанием. По-честному, я не думаю, что она хотела нарушить ваш приказ и вызвать ваше недовольство. Вам-то, наверное, некогда было заметить, милорд, но у Лин проблемы с психикой. Мы насмотрелись на таких в Счастливой Подкове. Близость границы и болота сказывается, постоянное ожидание атаки, смерти. Она может подвести всех в самый критический момент, а в реальном бою совсем съехать с катушек.

— С какой стати такая забота?

— Из чувства самосохранения, милорд, и... мне ее по-человечески жаль.

Мне удалось его удивить. Он так долго и пристально глядел в мои глаза, что я даже могла пересчитать черные крапинки на радужке. Попутно отметила, насколько устал Ворон и как тщательно это скрывает. Мне даже стыдно стало за представление, которое я тут устроила. Вот нет чтоб чистосердечно признаться: мол, инопланетянка я, — и на костер пойти, как одержимая чужеродной душой. Ведь никто не скажет, что в тело Тиррины вселился ангел. Наверняка за подселенного демона сочтут. Начнут изгонять какими-нибудь амулетами. И убьют. Нет уж.

Наконец, некромант проговорил:

— Странно, но ты говоришь искренне.

Я пожала плечами. И наконец поняла, какую тактику мне следует избрать.

Судя по всему, Тиррина Барренс была отъявленной змеей, не испытывающей ни жалости, ни сострадания.

И как мне еще доказать этому чересчур умному Ворону, что я — не она? Только демонстрируя противоположные качества.

Я — другая, лорд Дэйтар. Совсем другая.

Глава 12

ВНЕДРЕНИЕ

Странные у нас установились отношения с хозяином Орияр-Дерта. Несмотря на все подозрения, он, казалось, приблизил меня к своей особе. Во-первых, ежеутренние задания, если таковые были, мне передавались не через дворецкого, а лично, в малом графском кабинете, примыкавшем к его спальне. К месту раздачи я обязана являться вместе с дворецким. Во-вторых, отчеты принимались точно так же.

В-третьих, его вороншество развлекалось на совместных трапезах.

По своему статусу экономка должна принимать пищу вместе со старшими слугами: дворецким, главным конюшим и секретарем его светлости, если бы он был. Но хозяин дома объявил, что distinguished дама и дочь рыцаря не может быть приравнена к обычным слугам, и потому я приглашалась к столу самого графа вместе с высокородными магами — командиром гарнизона, главным лекарем и архивариусом, если бы он соизволил выйти за порог своей пыльной библиотечки.

Испытаний мне и без архивариуса хватало. Кусок в горло не шел во время замаскированных под куртуазные беседы допросов со стороны магов и самого графа.

Всю неделю, пока ждали возвращения Лин Игви, некромант не спускал с меня глаз, наблюдая либо лично, либо через его соглядатаев. Я ни на миг не оставалась одна.

В качестве личной помощницы и гида по замку я вытребовала с кухни маленькую Белинку. Девчонка была просто счастлива получить такую непыльную работу, а главная кухарка хоть и поворчала, но не сильно рассердилась, что я отняла у нее такие проворные и умелые руки, как у Белинки.

Но это была единственная моя маленькая победа. В качестве личной горничной и камеристки, полагающейся distinguished даме, ко мне приставили — о ужас! — сплетницу Анию. Дочка старшей горничной помогала с прической и одеждой и прибирала покои.

Ради справедливости стоит заметить, это назначение не обрадовало девушку точно так же, как и меня, но вовсе не из-за моего характера. И даже не из-за последнего гребешка матушки Зим, оставленного мне по щедрости графа, как безобидный предмет, но неизменно кусавшего

пальчики Ании электрическим разрядом. Что поделать, разница потенциалов.

Ания ненавидела свое новое назначение из-за интерьера моих покоев, когда-то принадлежавших графскому секретарю, сбежавшему с женой несчастного сэра Гринда.

О, что это были за покои! Мечта вампира! Дворецкий проводил меня туда после беседы с графом и представления слугам. А когда он снял печати и распахнул дверь с хищным рисунком на створке, я попала в жуткие и глухие, как заколоченный гроб, помещения с плотно задернутыми черными шторами.

Здесь явно жил шизофреник, любивший не просто синий, а очень темный, почти черный его оттенок с редкими лиловыми вкраплениями. Даже постельное белье в спальне было черным и лишь слегка искрило фиолетовым.

Этот секретарь, сбежавший с молодой женой сэра Гринда, случайно, не упырем был? Но спрашивать я, разумеется, не стала. В этом мире не существовало вампиров. По крайней мере, в справочнике Тирры эти твари не значились. Да и с чего бы, если справочник описывал только живые разумные формы, а не умертвий.

Зато комнат было три: маленькая гостиная, спальня и настоящий кабинет в готическом стиле, с резьбой на черной мебели и стенных панелях и вставками из черных и фиолетовых камней.

И еще тревожили совершенно черные матовые прямоугольники на стенах гостиной, забранные в вычурные рамы, словно тут когда-то висели картины. Теперь они выглядели затянутыми плотной тканью провалами. Я даже потыкала пальчиком, чтобы убедиться, что там есть стена. На пальце остался след, как от сажи. Опустив глаза, я заметила горстку пепла у самого плинтуса.

— Беглый секретарь тоже был некромантом? — догадалась я, пройдя в спальню и оценив инкрустированные агатом резные скелеты на столбиках балдахина.

— Не только. Он еще обладал силой стихии земли.

— Удобно могилы раскапывать, — брякнула я.

Дворецкий еле сдержал улыбку.

— Если вам тут не понравилось, госпожа экономка, в этом крыле свободны еще красные и белые покои, а наверху пустует целый этаж.

Ну уж нет. Одной на этаже свихнуться можно. В красном интерьере я буду чувствовать себя как на живодерне, а на безжизненный белый я

насмотрелась в лечебнице, пока знахари залечивали ожоги и пытались вернуть память Тиррине Барренс.

— Меня и здесь все устраивает, я непривередлива.

И отвернулась, сделав вид, что не заметила легкую усмешку старика. Быстренько прошла в кабинет. Тут царил беспорядок.

Секретарь явно торопился при бегстве: створки книжного шкафа были распахнуты, книги беспорядочно разбросаны по полу, ящики стола наполовину выдвинуты, ворох бумаг просыпался на ковер, а на столешнице между пресс-папье и чернильницей валялась россыпь оплавленных амулетов.

— Почему тут такой бардак?

— Руки не дошли ни у кого. Ничего важного в кабинете уже не осталось, милорд осмотрел. А рук для уборки не хватает.

— А ваши покои какого цвета, мэйстр Чесс? — Я провела пальцем по столу черного дерева. Его украшала изумительно красивая резьба в готическом стиле.

— Светло-желтые, мэйс Вирт. Чем старше я становлюсь, тем больше душа тянется к цвету солнца. Вы уверены, что вам хочется жить тут, как в гробу?

Совсем не уверена, но...

— Да, — кивнула. — Тут спокойно, ни единого проблеска не раздражает, мебель изысканная, как у господ, дорогая, черепушки миленькие...

— Как вам будет угодно. Я передам мэйстрес Тимусии, чтобы тут прибрали.

— Нет-нет! Они опять каких-нибудь ужасных лент натащат! Я и сама не белоручка, приберусь.

— Примите мой совет, госпожа экономка, — нахмурился дворецкий. — Негоже вам заниматься работой горничных, не роняйте свой престиж. Если уж убираться, то с помощью магии, это не зазорно. Сам граф так убирает свой кабинет и спальню, поскольку запретил туда входить кому-либо из слуг, даже старшей горничной.

— Но я не маг. — Приподняв одним пальцем цепочку с каким-то амулетом, я качнула ее и бросила обратно в кучку.

— Ничего страшного, я помогу, и это останется между нами.

Пять минут понадобилось дворецкому, чтобы, не двинувшись с места, отправить куда-то мини-порталами испорченные амулеты, запихнуть мятые и рваные клочья в корзину у камина, собрать бумаги в аккуратные стопки, поставить книги обратно на полки, и в завершение всего одним

заклинанием убрать отовсюду слой пыли и паутину с потолка и углов. И пусть после у старика тряслись руки от напряжения и стекала капелька пота со лба, но я тоже так хочу!

Увы, что не дано, то не дано. Я лишь завистливо вздохнула и поблагодарила за помощь.

— Мэйстр Чесс, того, что я не владею магией, никак не скрыть, — сказала я чуть позже, когда мы расположились на отдых в кожаных креслах у холодного невычищенного камина, сложенного из черного камня, структурой и мерцанием напоминавшего гранит. Пепла и золы в нем было так много, что все высыпалось на каменные плиты пола. — Как я буду справляться с сомнамбулами, если даже мэйстрес Зан... Заг...

— Не мучайтесь, мы все зовем старшую горничную по имени, — улыбнулся мой собеседник.

— Если даже Тимусия не способна командовать всеми? Вы же понимаете, что Лин не будет меня слушаться?

— Будет, если ей прикажет милорд, а он в случае необходимости отдаст такой приказ, я даже не сомневаюсь. Кроме того, у вас будут специальные артефакты для управления сомнамбулами.

— Но я не маг, как я смогу ими пользоваться?

— Для этого не нужно быть магом, все сделает заклинание, вложенное в артефакт. В том-то и заключается его ценность как артефакта. Вам нужно будет лишь механически привести его в действие. Вам покажут и расскажут. Хотя, конечно, учитывая сегодняшний конфликт, вам будет нелегко в замке. Но, дорогая мэйс Вирт, если бы вы знали, как я рад, что хоть кто-то поставил на место нахалку Лин! — Старик наклонился вперед и, поймав мою руку, горячо пожал ее. — Вы можете во всем рассчитывать на мою помощь, мэйс!

— Вы можете звать меня Тайра, мэйстр Чесс, — поспешила я закрепить наш союз.

— Благодарю за честь, — привстав, поклонился старик. — А вы можете звать меня дедушка Энхем. Жаль, что в силу моего возраста я могу быть для такой чудесной мэйс только кем-то вроде дедушки.

Такими темпами я обзаведусь здесь целым букетом родственников! Я усмехнулась про себя. Матушка Зим, тетушка Шой, теперь вот дедушка Энхем. Что ж... Лучше чем никого. Я так слаба в этом мире магов, что мне не хватит никаких денег купить одновременно жизнь и свободу, и опираться я могу только на тех, кто может тут больше, чем я. В конце концов, король на шахматной доске почти такая же слабая фигура, как пешка.

До вечера мы успели осмотреть заброшенный третий этаж, где когда-то жила обширная семья Воронов, спуститься в кладовые, попить чаю с тетушкой Шой. От поросят на вертеле уже ни косточки не осталось, что меня порадовало: все-таки тут есть обитатели, а значит, тотализатор запущен не зря.

Напоследок дворецкий вывел меня в пустынный внутренний двор с заглохшими фонтанами и сухими клумбами: в замке не осталось ни садовника, ни садовниц, а остальным было не до красоты.

— Он умирает, мэйс, — печально молвил дедушка Энхем, оборвав сухую головку цветка.

— Кто?

— Наш драгоценный замок. Сердце Ориар-Дерта бьется все реже.

— Но почему?

— Никто не знает причины, даже хозяин. Может быть, потому, что здесь нет ни одного айэ. Известно, что теневой народ хранит дома и земли, если они им полюбятся. Здесь же... Может быть, молодому лорду что-то известно, но он никому не говорит, носит в себе. Но мы-то видим, его что-то гнетет. И не королевские дела тому причиной. Вне Ориар-Дерта молодой граф совсем другой. Ох, простите старика, совсем вас заболтал. Просто я очень не хочу, чтобы вы покинули нас, не успев узнать и полюбить.

Ну это вряд ли. Сдаваться я не собираюсь. До приезда Лин точно. Хотя жаль, что теневой народ мне не поможет.

— Что еще важного я должна узнать, дедушка Энхем, прежде чем окончится мой испытательный срок? — улыбнулась я.

Старик на миг задумался.

— Простите за прямоту, Тайра, но совет один: не пытайтесь соблазнить молодого графа. С остальным вы справитесь.

— Соблазнить?! — возмутилась я. — У меня обет! Мужчины меня не интересуют. Но даже если бы интересовали, я — старуха для милорда, старше его на шесть лет с хвостиком.

— С хвостиком, — фыркнул Энхем и, улыбнувшись, махнул рукой. — Ох уж эта молодость! В таком случае сформулирую иначе: не поддавайтесь на обаяние нашего молодого хозяина. Не влюбляйтесь. Тогда вы будете в безопасности.

Хм... Неужели замок особо опасен для юных девушек, положивших глаз на Ворона? И особенно если им не исполнилось двадцати пяти? И чем вызвано ограничение в двадцать пять лет?

Последний вопрос я нечаянно произнесла вслух, и старик, уже шагавший к выходу, ответил:

— А, вы все о загадке сомнамбул? Я тоже задумывался об этом, но не нашел ответа. В магии нет никаких возрастных ограничений.

— Почему же? Даже мне известно, что полное раскрытие потенциала и, следовательно, инициация мага наступает в двадцать один год, как у мужчин, так и у женщин.

— Нет, это никак не связано, — отмахнулся дворецкий. — Некоторым жертвам не исполнилось и восемнадцати, а большинство пострадавших девушек простые люди без зачатков магии. Никакой закономерности. Даже верхнюю возрастную планку мы установили наугад, исходя из того, что все жертвы младше, но никакой гарантии... — Он осекся и закашлялся. Вот и проговорился. Старик тяжело вздохнул, признаваясь: — Точнее, есть небольшая вероятность, что проклятие не имеет ограничений по возрасту, просто мы не понимаем, с чем имеем дело. Но хозяин уверен, что вы не пострадаете.

— Почему?

— Потому что вы — смесок айэ, пусть с очень сильно разбавленной и спящей кровью. На айэ проклятия не действуют.

Ну, хоть такая сомнительная радость за весь этот бесконечно долгий день, а то я весьма обеспокоилась — ведь моему телу, унаследованному от Тиррины Барренс, далеко до двадцати пяти. И вновь я вспомнила справочник разумных магических существ.

— Мэйстр Чесс, а проклятие не может быть связано с возрастом силы у демонов?

Старик покачулся, едва успев схватиться за спинку кресла, обернул побледневшее лицо. Губы у него тряслись.

— Вы... вы слишком умны и проницательны, мэйс Тайра. Даже не верится, что вы только недавно приехали из какой-то северной деревни. Не говорите никому о своей догадке, кроме милорда.

— Ничего особо умного я не сказала. Возраст силы у демонов, или по-нашему совершеннолетие, известен почти каждому, кто умеет читать, он даже в сказках упоминается. Это первое, что пришло в голову, учитывая близость Нижнего мира.

— Ох, мэйс... Возможно, проклятие и демоны никак не связаны, пока нет тому никаких доказательств. Но если это так... Если демоны сумели атаковать нас даже в этих древних стенах, то твердыня Ория-Дерта впервые с времен основания дала трещину. Или наш господин, что одно и то же, — почти беззвучно договорил Энхем, после чего ни звука не проронил во время нашего пути к замковому крылу, где находились кабинеты.

Лишь там он снова повернул ко мне посеревшее от переживаний лицо.

— Вы смелая и неординарная девушка, мэйс Вирт. Как бы мне ни хотелось, чтобы вы остались у нас, но вынужден честно признать: тут слишком опасно. Лучше вам уехать, пока не поздно, ведь даже кровь айэ может не защитить вас. Проклятие обходит все наши защиты, как мы ни стараемся. Кто знает, как его усовершенствуют враги? Я прибавлю пять золотых к сумме, которую обещал вам господин, чтобы вы не жалели об упущенной якобы выгоде, и похлопочу о том, чтобы вы получили самое достойное место в столице. У нас, дворецких, свой тайный клуб. Вы получите зарплату больше, чем здесь, и, самое главное, будете в безопасности.

Как дочь своего отца, я бы согласилась с таким коммерчески выгодным предложением. Но вот в чем беда: мне нужна была защита от демонов, и, по иронии судьбы, именно здесь, в опасной к ним близости, я могла ее получить. Какое-то там проклятие может не дотянуться, а вот если я уеду, то натравленный именно на меня и разозленный неудачей демон вполне дотянется.

Ну и еще. Не могла я теперь позволить, чтобы какая-то Лин восторжествовала и по-прежнему царила здесь и доводила до слез маленькую Белинку.

И третья причина: мне не понравилась столь разительная перемена в поведении дворецкого, то страстно желавшего, чтобы я осталась, то готового на какие угодно обещания, лишь бы я уехала. «Убийца — дворецкий», — вспомнила я земную шутку. И он тоже маг, наверняка сильный, если его непонятной для меня угрозы даже Лин испугалась.

Нет, так быстро я не сдамся. Если и уеду, то не сегодня и даже не завтра. Сначала получу ключи от замка, компенсацию от графа и деньги от тотализатора. И к черту проклятия!

Казалось, после всех передряг и хлопот я буду спать как убитая и заколоченная в самом глухом гробу, но я ворочалась на простынях — к счастью, их заменили белыми — и не могла глаз сомкнуть от усталости и множества мыслей, которые безостановочно кружились в голове.

Это была плохая идея — выбрать покои сбежавшего некроманта.

Комната казалась живой. В крошечной темноте моргали крохотные глаза скелетиков на столбиках кровати, мерцали руны и арабески узоров, проступивших на тяжелых занавесах, подмигивали амулеты, вставленные в пустые рамы мертвых картин. Как ни был слаб этот зыбкий свет, он отражался на свежем белье, и кровать казалась серым картоном, упавшим в лужу чернил.

Но хуже всего было слышать подозрительные шорохи в глубине комнат, иногда к ним добавлялись неразборчиво бубнящие голоса.

В первую ночь я попыталась отдернуть тяжелые портьеры и впустить хотя бы свет звезд в комнату, но звезд не было. Как и говорила Белинка, ночное небо Ориар-Дерта своим темно-багровым цветом напоминало освеженный труп. С тех пор я не трогала шторы и зажигала свечи. Самые обычные, потому что управлять магическими светильниками могли только маги или специальные амулеты, которые мне никто не догадался выдать.

Глава 13

ДЕЛО ОБ АМУЛТЕ

А в первое утро, наступившее для меня по милости графа не так уж и рано, за дверью вместе с Белинкой поджидал сэр Кенз.

— Госпожа экономка, уделите мне минуту, — заговорщицки подмигнул зеленоглазый рыцарь.

Тотализатор!

Я оглянулась на свои покои, на дверь спальни, за которой уже возилась Ания, прибирая постель, и решительно ступила в коридор, закрыв за собой дверь.

— К вашим услугам, сэр Кенз, — кивнула я, устремляясь к эркеру в конце коридора. Там нас точно никто не подслушает. — Белинка, подожди меня тут.

Девчонка наблюдала за нами, вытянув цыплячью шею, но потом, покраснев, резко отвернулась — как раз в тот миг, когда Кенз, склонившись к самому уху, прошептал мне:

— Тридцать золотых наши, мэйс Вирт! Вчера ставили на то, что не видать вам ключей от замка.

— Ого! — Я резко зауважала зеленоглазого балбеса. — Как тебе удалось?

— Я бы сам столько игроков не раскочегарил бы, но взял в долю тетушку Шой, и она еще за обедом убедила всех, что вы сбежите. А потом ваши ставки упали ниже Нижнего мира после стычки с Лин. Вот сегодня мы и поделили выигрыш на четверых.

— То есть как это на четверых? — нахмурилась я.

— Вы, я, Шой, Энхем. — Рыцарь загнул четыре пальца, оставив большой таким намеком на лайк.

— Мэйстр Чесс ставил на меня? — хмыкнула я.

Так вот почему дворецкий так добр и ласков! Дедушка, тоже мне. Игрок! И кухарка туда же.

— И где мое золото? — сощурилась я.

— Вот! — Парень вытащил из кармана тощий кошель, звякнувший металлом. — Ваши десять.

— У тебя плохо со счетом, сэр Кенз.

— Все хорошо у меня со счетом, — оскалился этот скупой рыцарь. —

Я одолжил вам пять руний для ставки? Одолжил. Без залога причем. Тридцать пополам минус пять. Твоих десять.

— Э, нет... Держатель ставок не имеет права ставить сам. Забыл? По моей душевной доброте я согласилась принять тебя на внештатную работу с выплатой зарплаты треть от выигрыша. Так? Это десять руний плюс мой долг пять золотых. Итого — твоих пятнадцать, и ни рунией больше.

— А мои проценты с этих пяти руний? — возмутился гнусный ростовщик.

— Сто процентов накрутки за сутки? Это грабеж! — яростно зашипела я. — Такого условия не было оговорено в момент сделки, следовательно, твои требования бесчестны! Так, значит, да? Ну, тогда ты уволен. Я найму на эту работу кого-нибудь другого. Ту же матушку Шой, например.

— С ума сошла? — ласково осведомился грабитель. — Она наш лучший подсадной игрок!

— Тогда Белинку! Она честная девушка, лишнего не возьмет.

— Тогда та же Шой тебя придушит, если узнает. За растление малолетних. Ладно, так и быть, проценты брать не буду. Держи свои пятнадцать руний, жадюга.

И нахал сунул в мою руку тот же кошель. Я развязала мешочек, высыпала на ладонь, пересчитала. Пятнадцать. Моя месячная зарплата.

— Ты говорил, тут было десять.

— Врал, — широко улыбнулся Кенз. — Попытаться-то стоило. Интересно было посмотреть, как ты будешь трепыхаться.

— Трепыхаться?! Да я обломала тебя по всем статьям! — Гордо вздернув голову, я вернула парню свой кошель со всем выигрышем. За время нашей болтовни я уже продумала следующий ход. Формулировка должна быть обтекаемой, чтобы не упоминать Лин и тем более не проболтаться о подозрениях против меня. — Держи, тотализаторщик. Это моя ставка на то, что я останусь в должности и через неделю.

— Принимается! — Подбросив брякнувший мешочек на ладони, Кенз спрятал его обратно. — Слушай, может, я тебе еще одолжу столько же для ставки?

— Ты так уверен во мне?

— Ну-у... — протянул он. — На твоей стороне две очень влиятельные фигуры: Энхем и Шой. Да и ты сама же говорила: кто не рискует, тот не живет, а существует.

— Нет, Кенз. На этот раз я не так уверена в себе, чтобы брать в долг. В любом риске главное вовремя остановиться.

И я поспешила к ожидавшей меня Белинке. Эх, с кем-то бы поспорить,

что на этот раз Кенз поставит против меня. Все равно он получит свою треть, если я выиграю. Не много ли я ему отстегнула? Много. Но для меня важнее, чтобы этот пройдоха, невзирая на махинации, делал все, чтобы я продержалась в замке как можно дольше.

Это было единственное утро, когда мне дали выспаться. А потом началось обучение. После трех лет безделья на меня свалилось так много работы, что я чувствовала себя муравьем, на которого упал кирпич.

Я вставала до рассвета, чтобы открыть кладовые и выдать кухаркам продукты, полотенца и утварь. Затем шел черед горничных: распределение работ между живыми и спящими. Последних оказалась целая армия, почти полсотни. Когда меня окружили бесстрастные расслабленные лица с полузакрытыми бессмысленными глазами, я изрядно струхнула. Вся эта толпа снова шла в кладовые, где женщины получали белье, полотенца, щетки, метелки и всевозможный скарб — от мебельных чехлов до драгоценных ваз.

Весь день я моталась по замку от подвалов до крыши, контролируя ход работ. После ужина, когда горничные прибирали трапезную и готовили спальни, уже поздним вечером я принимала инвентарь и закрывала кладовые. А ведь надо было еще внести записи в гроссбухи, сделать заказы на инвентарь, ткани и белье и проверить счета. Спать я ложилась последней из слуг. Так что мне было уже все равно, какого цвета стены в моих покоях.

Я чувствовала себя директором клининговой компании. Если вернусь, запросто открою свою фирму. Вот папа обрадуется, что его дочь войдет в бизнес самостоятельно, без его помощи.

Распределение работ я спихнула на старшую горничную, решив, что она лучше знает способности подчиненных, пределы их аккуратности и систему наказаний. К тому же мэйстрес Тимусия умело обращалась с амулетом управления сомнамбулами, в отличие от меня. Кто же знал, что именно тут меня поджидает засада?

Требовалось, взяв артефакт управления снами, сосредоточиться и представить работающую сомнамбулу. С воображением у меня всегда было неплохо, но держать картинку перед открытыми глазами, в то время как девушка с мертвым лицом стоит перед тобой истуканом, у меня долгое время не получалось. А если закрыть глаза, было еще хуже: я не могла представить и девушку, и фронт работы.

Обучала меня сначала старшая горничная. Знакомство со старой гримзой вышло не менее фееричным, чем с молодой, только с обратным

знаком.

— Это правда, что вы оттащали Лин за волосы? — спросила эта немолодая женщина с постным, как засохшая церковная облатка, лицом. И недовольно поджала тонкие губы.

— Что вы, мэйстрес Заримандрис, я всего лишь задела ее один раз рукой, — подняла я руку и задумчиво оглядела тоненькие пальчики.

Челюсть гримзы отвисла, но она тут же опомнилась и закрыла рот.

— Что ж, мэйс Вирт, не скажу, что полностью одобряю ваши методы, но... думаю, мэйс Игви заслужила, — злорадно сузились ее глаза мышинного цвета. — Я полностью в вашем распоряжении и готова рассказать вам все, что пожелаете. Вы можете рассчитывать на мою помощь в любом вопросе.

Какая щедрость!

— Разумеется, мэйстрес Заримандрис. — Я опять, к собственной гордости, выговорила ее зубодробительную фамилию без запинки. — Я ценю ваше рвение и желание безукоризненно выполнять приказ милорда.

После ее провала как учительницы за мое обучение управлению сомнамбулами взялся дворецкий. Но и тут мы недалеко продвинулись, хотя старик пытался помочь искренне, а не просто делал вид.

— Дедушка Энхем, кажется, я догадываюсь, почему вас не понимаю, — не выдержала я. — Вы все маги, для вас странно пользоваться артефактом там, где вы используете собственную магическую силу. Вам он непривычен так же, как мне. Может, будет лучше, если за дело возьмется не маг, а человек, умеющий пользоваться этой дурацкой фиговиной?

— Это мысль! — обрадовался старик и с облегчением меня оставил.

Увы, простых людей, обученных управлению артефактом, во всем Орияр-Дерте не нашлось. Ни к чему было кого-то обучать, не требовалось этого раньше.

Тогда привлекли сэра Гринда, после него — сэра Кенза и даже мастера Дэниша, того самого, который встречал наших с Кензом осликов на въезде в крепость. У него я невинно так поинтересовалась:

— А что, мастер Дэниш, сигнализация больше не сбоила?

— Что значит — сбоила? Она и была, и есть в полном порядке.

— Да что вы говорите? А почему вела себя как сломанная?

— Потому что с вами, мэйс Вирт, попытался проникнуть подарочек от вашей знакомой.

— Как интересно! И что за подарочек?

— Не знаю, его выловил милорд, мне не довелось увидеть.

Бедный Бобик. Мне стало совсем грустно. Все-таки у меня оставалась

надежда заполучить подарок айэни Зим и понять наконец, зачем она его мне всучила.

Кстати, у Дэниша тоже ничего не вышло с моим обучением. Еще бы, он ведь тоже некросдвинутый. Причем этот тип так громогласно возмущался моей тупостью, что на шум явился сам Ворон. На такие вопли и стая демонов слетелась бы, не только хозяин замка.

— Что происходит?

— Вашу экономку невозможно обучить, милорд, уж простите, — возмущенно пробасил Дэниш. — Она не может повторить простейших упражнений! Или артефакт отказывается работать в ее руках.

Печалька и грустяшка.

— Дай-ка мне этого саботажника! — Граф протянул руку, и в его широкую ладонь уютно улегся плоский и гладкий, как голыш, камень в дизайнерской оправе из кожаных ремешков и серебряных проволочек. Ворон покрутил его, подбросил в ладони. — Ты потерял дар, Дэниш? Камень совсем пустой. Из него такой же артефакт, как из речной гальки.

— Но милорд, я только что демонстрировал мэйс Вирт его действие, и уровень силы был в норме, как у полного!

Ворон, нахмурившись, еще раз осмотрел камень, провел длинным пальцем по жилкам оправы. Хмыкнул:

— М-да... Кто-то ловко перемкнул заклинание вот тут, почти незаметно на первый взгляд. Теперь видишь?

Маг-привратник склонился над ладонью графа, присвистнул:

— Ого, как интересно! Получается, это я сам подпитывал камень, а получал эхо, будто артефакт полон! Естественно, в руках простого человека камень не работал. Простите, мэйс Вирт, беру все свои упреки обратно.

— Как у вас все просто, — проворчала я. — Хочу — оскорбляю, хочу — обратно оскорбления беру. Обида как камень, брошенный в глину. Даже если вытащить камень, след останется.

— Но вы же не глина.

— Вот именно! Я человек, и забыть обиду куда сложнее, чем засыпать ямку в глине.

— Не старайся, Дэниш. Мейс Вирт предпочитает засыпать ямки не словами, а золотом. Не так ли? — с легким презрением сказал граф.

Я вспыхнула. Это он не может простить мне пяти золотых, которые я вытрясла в первый же вечер?

— А если и так? — Я гордо вскинула голову. — Разве это более позорно, чем обижать тех, кто не может защититься и ответить?

Серые глаза некроманта потемнели. Отлично. Значит, задело.

— Ступай, Дэниш, — приказал граф. — Узнай, кто дал мэйстрес Тимусии этот камень. Я сам объясню мэйс Вирт, как пользоваться артефактом.

Но об артефакте даже речи не зашло. Едва за привратником закрылась дверь, некромант, сузив в негодовании глаза, спросил:

— Вас обижает правда, мэйс?

— В чем правда, милорд? В том, что вы необоснованно обвинили меня в жадности?

— А разве вы не алчны, как обычная простолюдinka?

— Вы считаете, что простые люди алчны только потому, что родились не в семье аристократов? Или вы хотите сказать, что среди знати не бывает жадных до потери разума людей? — Тут я хотела напомнить об опекуне Тиррины, но вовремя прикусила язык. — По-вашему, благородство происхождения равно благородству души? И среди лордов не бывает мелочных скупердяев, готовых удавить за пять золотых? — Опомнившись, я опустила глаза и присела в реверансе. — Простите, милорд.

— Кто бы знал, как вы бесите меня, мэйс Вирт! — прорычал некромант.

О да. Я бесила его с самого первого момента знакомства. Взаимно.

— Так зачем нанимали, если я вас так раздражаю, милорд?

— И ваше занудство бесит! — повторил некромант и рухнул в соседнее кресло. — Послушайте, мэйс, не пытайтесь меня разозлить. Поверьте, злой некромант — это не пастушонок со свирелью. Это тварь хуже демона.

— Что может быть хуже? — содрогнулась я, вспомнив лоснящиеся рога и хвост потусторонней, нечеловечески красивой твари.

— Неужели вы когда-нибудь видели демона? — прищурился некромант. — Где?

— Видела, и совсем близко. В особняке графини Тиррины Барренс.

— Ах да, я и забыл... И как он вам? Понравился?

— До обморока. А вы нашли тех, кто его вызвал, милорд?

— Вычислил, — досадливо поморщился некромант, и я поняла, что ничего он с виновником сделать не смог, и тот остался безнаказанным. Жаль.

— А убийцу ундины?

— Это те же маги-заклинатели, и они вне досягаемости. А вы слишком любопытны мэйс.

Я распахнула глаза пошире.

— Но как же не любопытствовать, ваше сиятельство! Для меня

столкнуться с такими ужасами — настоящее приключение!

— И это я слышу от дамы, с рождения жившей по соседству с порождениями северной нечисти, от дамы, в одиночку пересекшей почти всю страну с севера на юг? Да, кстати... Может быть, вы все-таки ответите на вопрос, кто вы на самом деле, мэйс?

Я закатила глаза. Опять он за свое!

Но ответить не успела — вернулся Дэниш.

— Милорд, амулет для госпожи экономки мэйстрис Тимусия взяла у мэйс Игви. Именно Лин работала с восстановлением магического резерва амулетов. Я принес новый.

— Понятно. Благодарю, Дэниш, можешь идти.

Но после ухода мага граф не торопился передать мне новый амулет.

— Я достаточно изучил вас за эти дни, — сказал он. — Вы хваткая девица, не теряетесь ни в какой сложной ситуации и совсем не похожи на деревенщину. К тому же вы не просто грамотная, а образованная.

Льстец. Ну какое особое образование нужно, чтобы уметь умножать и делить? Тут даже косинусы с тангенсами применить некуда.

— Знаете, в чем разница? — Некромант улыбнулся уголками губ. Эта полуулыбка очень шла сероглазому, как луч солнца пасмурному небу.

— А она есть? — спросила я.

— Безусловно, — кивнул лорд. — Разница не только в умении задавать нужные вопросы и находить нужные сведения, но систематизировать знания так, что ответы приходят сами. Грамотный потребляет, а образованный возвращает больше, чем взял, он воссоздает мир, как вы за какую-то неделю сумели вернуть в замок что-то большее, чем чистота и порядок. Дом дышит иначе.

— Еще бы, столько вековой пыли накопилось! — фыркнула я. — И проветривать надо почаще!

— Будь в вас хоть крупица магии, — невозмутимо продолжал некромант, — наша Школа Ока вцепилась бы в вас, сожрала с потрохами и срыгнула бы уже идеального бойца. Я потому и удалил мэйс Игви, что испугался за ее красивые глаза и локоны. Не ей с вами тягаться. — Ворон подбросил артефакт, сверкнувший в лучах солнца, поймал и крепко стиснул в кулаке. Серые глаза предвкушающе прищурились. — Но она вернулась. Со свидетелем. И через полчаса я получу от нее полный доклад. Я еще не знаю, с чем приехала Лин, но решил дать вам последний шанс признаться. Это же так просто — сказать правду, Тиррина Барренс.

— Вы мне льстите, ваше сиятельство. Из меня такая же графиня, как суп из сапога.

Выражение глаз некроманта неуловимо изменилось, и взгляд стал задумчиво-оценивающим. Эй! Не надо на меня так смотреть! Не знаю, что за мысль у него шевелится, но она очень, очень плохая! Опасная!

Я состроила самую тупую гримасу, подсмотренную в «Доме-2», чихнула и вытерла нос рукавом. Поковыряться ногтем в зубах, что ли?

— В конце концов, король все равно заставит меня... и еще неизвестно, какую дрянь подсунет... — пробормотал граф себе под нос, не спуская с меня хищного взгляда. — А вы хотели бы стать графиней, мэйс Вирт?

— *Нет!* — шарахнулась я. — Свят-свят! Ни за что!

— Хм... — опешил наш красивый и богатый. — И почему?

Я взяла себя в руки.

— Во-первых, у меня обет. Во-вторых, это пожизненная каторга, милорд. Хотя графини-то у вас долго не живут, говорят. А так я отработаю полгода — год, скоплю денежек на свой домик да на петушков еще и уволюсь. Так что не надо мне ваших милостей, премного благодарна. Хороши жемчуга, да не в коня корм.

Ворон поскрежетал зубами, но тоже взял себя в вороньи когти. Резко поднялся, отшвырнул стул.

— На петушков? Графскую корону променять на петушиный гребень?!

— Так на боевых же, не простых, — дрожащим шепотом поправила я.

— Подумать только! — прошипел он сущей змеей, хотя пернатый же. — Мне, графу Ориару, потомственному некроманту в двадцать пятом поколении, Черному Ворону его величества, отказала какая-то... селянка безродная, старая дева!

Я потупилась, нервно теребя край фартука.

— Так вы еще и не предложили толком, ваше сиятельство. — Где цветы? Где конфеты? Где преклоненные колена и страстный взгляд? — Это же просто так у вас было, подразнить деревенскую девку. Вам, господам, скучно, вот и тешитесь. Я-то свое место знаю, милорд. И еще... — Я вскинула голову и с вызовом посмотрела в лицо этому спесивому аристократишке. — Если я и выйду когда-нибудь замуж, то уж точно не по чьему-то приказу, и не за титул, а только по велению сердца — за любимого.

И тебе это не грозит, некромантик, договорила я дерзким взглядом. Ух! Если выберусь из этого гребаного мира, подамся в актрисы. Правда, папа не одобрит.

— Ступайте в свои комнаты и никуда не выходите. Вас пригласят для беседы, мэйс Вирт, — с трудом сдерживая ярость, отчеканил лорд Дэйтар и

покинул поле боя.

Глава 14

СВИДЕТЕЛЬ

В зале малых приемов стоял слабый запах навоза и болота, хотя блистательная Лин Игви успела освежиться с дороги, надеть одно из своих роскошных порноплатьев и уложить волосы, еще темные от влаги, — видимо на бытовое заклинание сушки уже не хватило времени. Красавица стояла в пяти шагах от графского кресла, гордо подняв голову, и в ее глазах светилось торжество.

Я была спокойна как удав. Моя вера в силу и знания матушки Зим была достаточно велика. Если уж она вложила в мою голову массу сведений за несколько часов, если я как наяву видела край, в котором никогда не была, слава Небесам, то вряд ли эти сведения на сто лет расходились с действительностью. Хотя кто ее знает, эту древнюю айэни.

Но не могла же колдунья не знать, с кем имеет дело. Не могла же она предположить, что левая рука короля не обладает даже костным мозгом и что некромант-параноик не начнет шерстить мою легенду вдоль и поперек!

В любом случае изменить что-либо я не в силах, так зачем нервничать?

Моя невозмутимость была вознаграждена зрелищем прикушенной губы красотки.

За ее спиной возвышался незнакомый мне рыцарь, тоже свежeweымытый, сиявший чистейшими льняными волосами, перетянутыми кожаным ремешком. На запястье левой руки, положенной на оголовье меча, виднелись глубокие следы чьих-то когтей, явно не безобидной киски. На них весьма неодобрительно поглядывал лекарь, пристроившийся за конторкой секретаря.

Сам лорд Ориар, развалившись в кресле за столом, поигрывал чертовым амулетом.

— Рассказывай, Лин, — кивнул некромант.

— Вот план местности, милорд. — Магичка положила на край стола свиток пергамента.

Ну, этим меня не взять. Благодаря гребешкам матушки Зим карта с ориентирами всплывала перед моими глазами как живая при одной только мысли о ней.

— Я ценю твой труд, но лазутчика всегда готовят перед забросом в лагерь противника, поэтому вряд ли это нам что-то даст. — Граф не

прикоснулся к свитку, на котором виднелись следы торфа или чего похуже. — Сразу со свидетеля начнем или тебе еще есть что сказать? Что там с деревней Счастливая Подкова?

— Форпост это. Деревень у северной границы не бывает, только крепости с мощными стенами. Но там четыре Счастливые Подковы, милорд. Четыре! И все погибли этой весной, тут ваша экономка не врала. И насчет неизвестного мора не врала. Но она не могла выжить. Там никто не выжил.

— Такая крупная брешь в обороне Севера? — изумился граф. Даже вскочил, швырнув амулет на стол, и начал мерить шагами кабинет. И лицо его стало очень мрачным. Таким же, как бывало у моего отца, когда он узнавал о неожиданном банкротстве очередного делового партнера.

А ведь Ворон, как рука (или крылья) короля, обязан был знать о таких вещах. Он не генералиссимус, конечно, но, насколько я знаю его роль в кабинете королевских министров и советников, он — щит от темных сил Нижнего мира. Значит ли его неведение немилость? Как интересно!

К чести некроманта, он быстро справился со своим удивлением.

— Мэйс Вирт, так в какой Подкове вы жили?

— В Счастливой, милорд.

— Но их четыре.

— Остальные три Несчастливые, — дернула я плечом. Что тут, мол, непонятного?

— Но мэйс Игви утверждает, что они все назывались одинаково.

Я посмотрела на них с жалостью.

— Ну сами посудите, милорд. Как бы их различали? Они трапецией стояли, узкой стороной к северу, но наша была самой дальней, потому и Счастливая. До нее волны набегов обычно не добирались.

— А на карте королевства указан единственный форпост с таким названием. — Граф взял с полки большой рулон карты, расстелил на столе. Рядом, не прикасаясь руками, одним только взглядом развернул загвазданную схему, полученную от Лин. Нахмурился, поглаживая идеально выбритый подбородок. — Не понимаю. Такого просто быть не может! На карте нет трех крепостей! Они точно существуют?

— Мы видели развалины, — сказала Лин. — Четыре штуки.

А ее спутник, прочистив горло гулким кашлем, добавил:

— Они стояли близко друг к другу, рукой подать, потому и выкосило там всех. И это наведенная порча, милорд. А Подкова — это комплекс из четырех приграничных оборонительных сооружений, немудрено, что одно название. И, ваше сиятельство, мне показалось, когда-то внутри комплекса

что-то было, крепости охраняли не только границу, потому и нужда была именно в такой конфигурации. Но сейчас в центре между сгоревшими форпостами пустошь. А с названием — это как башни Орияр-Дерта начали бы спорить, какая из них Орияр-Дерт. Местные заморочки. Спор, у кого жизнь в Подкове счастливее. Я так полагаю.

— Благодарю, сэр Арчи. Мэйс Вирт, а вы что скажете? Что было в центре?

— Там всегда было болото, — ответила я без запинки, словно мне прямо в мозг кто-то диктовал. — Небольшое, но гиблое. Мы туда даже за клюквой не ходили. Проклятое место.

Знания всплывали в моей голове по мере надобности. Разворачивались, как свернутая пружина. Хочу такую шпаргалку в универ.

— Значит, именно ваша крепость была Счастливой?

Ну какая тебе разница?

— Конечно! — Я гордо вздернула подбородок.

Граф свернул свитки, снова не прикасаясь, одним задумчивым взглядом. А я подумала: зачем матушка Зим подбросила ему такую странную задачку? Ведь она могла придать мне внешность любой бродяжки. Но почему-то воспользовалась именно трагедией двухмесячной давности на далеком Севере и именем Тайры Вирт. И почему нельзя было сказать графу прямо: мол, чувак, обрати внимание на эту дыру? Зачем эти заморочки? Ой, как мне не нравится, когда меня используют не просто вслепую, а еще и так изощренно!

— Зовите свидетеля! — Граф кивнул слуге, ожидавшему у двери, и тот шустро сорвался с места.

Через минуту в сопровождении дворецкого в кабинет вошла моя мечта.

Выглядела она как высоченный, на полголовы выше Ворона, мужчина в военном мундире с эполетами, с коротко стриженными темными волосами, выдававшими человека, далекого от кулуарной жизни двора, где царила мода на длинные волосы. Подтянутый, стройный, не перекачанный, но с широким разворотом плеч, узкой талией, сильными руками. Это что касается фигуры. На вид мечте было лет тридцать. Лицо супергероя — мужественное, с живым взглядом карих глаз, волевым квадратным подбородком и высокими скулами. Губы жесткие. Такие решительно берут в плен. Даже я дрогнула от его быстрой улыбки, а Лин, судя по ее жадному взгляду и шустрому язычку, облизавшему губы, готова была накинуться на военного тут же, в кабинете.

— Генерал Шармель, лорд Норис, барон Артейский, — представил его

дворецкий.

Сколько имен у одного человека, надо же. Теперь я понимаю, почему мой опекун не позволял мне и носа высунуть из особняка. Если тут такие бравые красавцы служат в самой дыре, то каковы же придворные щеголи? Ворона не считаем, он, как и король, вне конкуренции.

— Счастлив знакомству, ваше сиятельство! — Генерал наклонил голову и по-военному щелкнул каблуками сапог со снятыми шпорами.

Граф пригласил гостя присесть (мы не удостоились такой милости), и они еще минут пять разводили церемонии: как служба, не утомил ли портал, не изволите ли эля... Ох уж это Средневековье! Если бы папа так вел деловые переговоры, он бы разорился.

Наконец выяснив, что генерал ежегодно объезжал с инспекцией все приграничные крепости и знал в лицо их гарнизоны, вельможные паны подошли к сути дела.

— Лорд Норис, знакомо ли вам имя достопочтенной дамы Тайры Вирт? — спросил некромант, причем он даже глаз не скосил в мою сторону за все время прелюдии с генералом.

— О да, разумеется. И не только имя. Я имел честь быть представленным дочери знаменитого в наших краях рыцаря! — воскликнул гость. И, одарив меня такой же стремительной, как весенний ручей, улыбкой, лорд-барон-генерал говорил уже мне: — Вы не представляете, мэйс, как я был счастлив, когда узнал от магессы Лин, что вам каким-то чудом удалось спастись от этого ужаса!

Тут, наверное, мне стоило выразить ответное восхищение или даже броситься на шею мечте. Но в моей флэш-памяти, полученной от колдовских гребешков, не было ни проблеска, связанного с такой примечательной фигурой, как генерал Норис Шармель. Значило ли это, что настоящая Тайра была так мало знакома с самим генералом, что не сохранила ни единого воспоминания? Или тут какая-то другая причина?

О том, почему и как айэни Зим смогла принять, сохранить и передать память погибшей девушки, я потом подумаю. А сейчас мне нужно как-то отреагировать, потому что пауза неумолимо разрасталась, и Ворон мрачнел и посматривал уж очень подозрительно.

— Я не помню вас, господин генерал! — решительно заявила я и, приняв независимый вид, отвернулась, успев заметить торжествующий оскал Лин.

Бравый красавец слегка покраснел, а в карих глазах появились растерянность и какая-то обида.

— Я понимаю, — тихим задушевым голосом произнес генерал

Шармель, но по стиснутым кулакам видно было, какое удивительное и странное напряжение он испытывает. — Вы пережили страшную катастрофу, потерю всех родных. Я боюсь даже представить, что вам довелось испытать и каково было добираться до столицы. Но почему вы не обратились ко мне? Вы же наверняка проезжали Хольгред, где находится мой штаб.

— Я вас знать не знаю, ваше превосходительство.

— Но вы не можете меня не помнить! Вы же... Тайра, посмотри на меня. Это я, все тот же Норис. Десять лет прошло, а ты простить не можешь. Это не я приказал пустить на суп твоих проклятых петухов-мутантов! Чем мне еще поклясться?

Петухи — мое изобретение, в этом я была уверена. Это не воспоминания настоящей Тайры Вирт, а затянувшаяся шутка. Вся моя интуиция орала: тут что-то не так. На чем меня пытаются поймать?

Мой взгляд скользнул по моей восхитительной мечте. Генерал как раз потянулся поправить воротник, и я обратила внимание на кисти его рук. Длинные ухоженные пальцы с подпиленными ногтями, кожа как у женщины, даже на вид мягкая и нежная. Руки человека, не привыкшего ни к тяжелой работе, ни к оружию. Руки художника, музыканта, актера. Мегере Лин очень далеко до матушки Зим по части подлогов.

— Не знаю, кто вы такой, мэйстр, — сказала я, глядя в глаза моей мечты. — Но вы не генерал Шармель. Вы самозванец. Но сыграно хорошо.

Лорд Дэйтар изумленно вскинул бровь. Лин в досаде прикусила губу. Мой прекрасный шатен криво усмехнулся и развел руками, бросив иронический взгляд на магичку.

— Это был самый ужасающий провал в моей карьере.

— Объяснись, Лин, — совершенно мертвым голосом сказал Ворон.

— С радостью, милорд. — Моя персональная гадюка мгновенно оправилась и улыбнулась. — Ваше задание было привезти свидетеля, знавшего в лицо мэйс Вирт, но не выжил никто в этих четырех крепостях. Деревень близлежащих там нет. Гарнизоны снабжались централизованно, да еще скот держали. Но мы не могли вернуться ни с чем. Тогда сэр Арчи подал идею... Арчи, давай ты, не все же мне отдуваться.

Снова гулко прочистив горло, светловолосый рыцарь пробасил:

— Идея простая: если форпосты находились в ведении армии, кто-то должен ими командовать из высшего руководства, инспектировать. Я предложил найти любого командира, бывавшего в Подкове, и мы отправились в Хольгред. Там мы проверили слухи и сплетни и узнали, что нам нужен генерал Норис Шармель. Но он занимался очисткой

приграничных территорий и поисками следов порчи, чтобы исключить рецидив. Короче, он послал нас, милорд. Сказал, что Тайра мертва и невозможно, чтобы кто-то уцелел. И тратить время на опознание самозванки он не будет. И тогда Лин...

Магичка перехватила инициативу:

— Я предложила нанять актера, который сыграл бы эту важную шишку, и мой друг маэстро Виэль любезно согласился. Я надеялась, что поддельная Тайра купится на сходство маэстро Виэля с лордом Норисом, усиленное особенными травами, и проколется на мелочах, подтвердив то, чего быть не могло. Ну, не вышло, так не вышло. — Лин передернула плечами и едва не выскочила из платья с глубоким декольте. — Зато она заявила, что вообще знать не знает генерала, а это ложь. Настоящая Тайра его отлично знает, и забыть такого эффектного красавчика невозможно.

— Это косвенные улики и совсем не то, что я ожидал, Лин, — вынес вердикт некромант и вытащил из ящика стола увесистый кошель. — Расплатись с маэстро и проводи в порталный зал.

— Но маэстро желал бы посмотреть Орияр-Дерт.

— Абсолютно исключено. Это военный объект, а не театр. Простите, маэстро Виэль. Надеюсь, вы меня поймете. Оплата ваших услуг и беспокойства более чем достаточна, чтобы компенсировать вам мой отказ. Благодарю вас.

Граф поднялся, давая понять, что аудиенция окончена.

Лин Игви под руку с поддельной моей мечтой ретировалась, а я едва сдержала облегченный вздох, и мое лицо было абсолютно непроницаемым, как и положено строгой старой деве. Но я зря радовалась. Лорд подвинул к себе чистый лист бумаги, магическое стило и, что-то быстро начертав, приложил печать. И некромантская предвкушающая улыбочка мне очень не понравилась, когда он сказал, свернув лист в рулон и протянув рыцарю:

— Сэр Арчи, немедленно разыщите настоящего генерала Шармеля и передайте ему мое послание.

— Будет сделано!

Когда рыцарь ушел, мы остались, как я думала, тет-а-тет с задумчивым некромантом, и я напряглась, — уже усвоила, что ничего хорошего из нашего пребывания наедине никогда не выходит. И амулетом он опять игрался якобы в задумчивости, пропуская шнур через пальцы. Может, это вовсе не беспроводной пульт управления сомнамбулами, а какая-нибудь неведомая гадость? От этих магов всего можно ожидать. Боже, как хорошо, что в моем родном мире все просто и понятно, никакой магии, сплошные законы природы!

— Что связывает вас с лордом Норисом, мэйс Вирт?

Достал!

— Ничего. У меня обет, милорд. Меня ничего не может связывать с мужчинами, кроме чисто деловых отношений.

— Он правда так красив?

Тут мой мозг отключился, и моим языком заговорили гребни матушки Зим.

— Да. И его это бесит. Потому что все заморожены его внешностью, и ему постоянно приходится доказывать свой ум. Я никогда не приняла бы этого напыщенного болвана, накапавшего в глаза биалты, за лорда Нориса. — Что такое биалта, я понятия не имела, но гребни не дремали, внушив мне, что это местный аналог белладонны.

— Так вот в чем дело, — понимающе хмыкнул некромант и, к его счастью, не стал комментировать.

Скажи он хоть слово, я бы взорвалась от ярости и страха. Потому что только сейчас, когда моим языком говорила чужая память, я до озноба, до ужаса осознала, зачем я понадобилась мерзкой колдунье Зим, в чьи паучьи лапы я так глупо и наивно попала.

— Что случилось, мэйс Вирт? Что с вами? — Ворон заметил мой остановившийся взгляд. — Вам плохо? Эмилус, воды!

Притихший за конторкой лекарь, о котором все забыли, кроме графа, бросился ко мне с серебряным бокалом. Я взяла его дрожащей рукой и еле-еле сумела сделать глоток.

Господи... Старая ведьма решила, раз уж ей не удалось вернуть к жизни одну айэ — Тиррину, чья душа покинула это тело, вернуть другую. Чего добру пропадать? И внедрила в меня душу Тайры. Не просто чужую память — полноценное сознание. И только что я сама была оттеснена на задворки разума и не контролировала собственную речь.

Я схожу с ума. Привет, шиза. Боже, верни меня домой, к папе. Он всегда меня спасал от всего мира. Но от чужого мира я должна спасти себя сама.

— Простите, мэйс, все это разбредило вашу душу, — с непритворным сочувствием сказал молодой лорд. Сейчас, ярко освещенный добравшимися до стола слегка пыльными веерами света, он казался чуть ли не двадцатилетним, юным и растерянным. Его неаристократически загорелая кожа зазолотилась, а взгляд стал мягким, обволакивающим.

Я хочу признаться вам во всем, милорд. Помогите мне. Я хотела так сказать. И не смогла. Язык как приклеился к небу.

— Отдохните сегодня, — снизошел граф. — Мэйстрес Тимусия

вполне справится с работой по замку.

— Благодарю, милорд.

Так, кажется, я снова контролирую свою речь. Надо этим воспользоваться.

— Прошу вас заменить мэйс Анию на Белинку.

— Ания не справляется с обязанностями вашей личной горничной?

— Вполне справляется, и не только с ними. Она очень интересуется бумагами вашего бывшего секретаря. Я застала ее копающейся в столе. И, кстати, куда мне девать эти бумаги?

— Я скажу архивариусу, пусть заберет.

— И еще одна просьба, милорд. Я бы хотела получить разрешение посещать библиотеку.

— Вас интересует что-то конкретное?

Не спросил, где я буду брать время на книги, и то хорошо. И наверняка ему будут докладывать, что меня заинтересует, потому я не стала скрывать.

— Я хотела узнать побольше об айэ. Хотелось бы знать, что случается со смесками. В моем доме было мало книг.

Прости, Тиррина. В твоей родовой библиотеке, частично сохранившейся в особняке, наверняка было много книг о волшебном народе. Просто я не знала, что именно они мне понадобятся.

— Конечно, вы получите все, что просите. Еще что-то? Может быть, хотите сменить покои? — смешливо блеснули серые глаза.

На чьи, интересно? Чуть не спросила я. Но мне показалось, лорд ждал именно такого вопроса, и я спешно помотала головой.

— Спасибо, имеющиеся вполне меня устраивают.

— Жду вас за ужином, мэйс. — Граф кивком отпустил меня.

В полном раздрае я вышла из кабинета, стараясь не шататься и держать голову прямо. Ту самую, которую с таким тщанием расчесывала трижды в день последним оставшимся гребнем из подарков Зим. А ведь некромант сказал, что он безобидный. Какими же мощными артефактами были остальные?

Спасибо тебе, Ворон.

Если не считать первого месяца моего пребывания в теле Тирры, за три года моего существования в мире магии я еще никогда не была так близка к срыву. Я могла примириться с чужим миром, с чужой внешностью, но не с чужим сознанием в голове, которую за три года уже привыкла считать собственной.

Да, сомнений не осталось: айэни Зим пыталась возродить любую айэ,

какую получится. Или Тирру, или Тайру. У них даже имена похожи! Так, может, и магия была одинаковой, так нужной ведьме Зим?

Белинка ждала меня, тихой мышкой спрятавшись за гардиной окна в коридоре, и на ее ресницах дрожали слезы.

— Что произошло? — спросила я, взяв в руки протянутую ладошку.

Девчонка дернула острым плечиком.

— Эта вреднюга Лин сказала, что вы сегодня уедете. Вместе с этим... в эполетах.

— Не уеду.

— Или вас уволят и выкинут из замка с позором.

— Не уволят и не выкинут.

— Или вы сами убежите сломя голову.

— Не убегу.

— Правда?

— Правда! — Я вытерла девочке сбежавшую по щеке слезинку, обняла и поцеловала в макушку. — И не плачь на радость всяким Лин. Ты теперь моя личная горничная, должна держать марку.

— Я? — Девчонка вспыхнула радостью. Суший ребенок. — Правда-правда? А что значит держать марку?

— Это у нас в Счастливой Подкове так штандарт называли. Его нужно держать высоко и не опускать ни в коем случае. Опустить штандарт перед врагом — значит сдаться.

— А-а-а... Это я понимаю. У нас сэр Эйрик — штандартносец графа, ох и важный! А это правда, что вы согласились стать внучкой дедушки Эйхема?

Моя обостренная интуиция взвыла пожарной сиреной.

— Это же не по-настоящему, — осторожно сказала я, наблюдая за реакцией Белинки.

— Как это? — расширились зеленые глазищи. — Вы же его называете дедушкой.

— У нас на Севере это просто почтительное обращение к старшему. Но мы же не стали родственниками.

— Да нет же! — Белинка даже руками всплеснула от расстройства. — Значит, вы ничего не поняли! Это означает, что он вас принял в свою семью и оказывает покровительство старшего, а вы можете прийти к нему в любое время за помощью и советом, и он не сможет вам отказать, он за вас взял ответственность перед Небесами. А еще это означает, что вы признали себя младшей, и обязаны помочь по первому его слову. А еще, — тут Белинка улыбнулась с робкой надеждой, — еще это означает, что вы можете

называть меня младшей сестрой, если захотите и сочтете меня достойной, потому что я тоже названная внучка дедушки Энхема.

Как все сложно в этом их магическом мире! Вроде бы похож на наш, а как все вывернуто по-изуверски! Стоп. Граф Орияр называл айэни Зим матушкой, как почти все, и хозяева, и слуги в особняке Барренса. Получается, он признал ее чуть ли не родительницей? Как мне разобраться в этом ужасном мире, в его иерархии и силах?

— А нельзя отказаться от такого названного родства и выйти из семьи?

— А зачем? — удивилась Белинка. — Это же союзная сила! Так целые кланы создаются, чтобы копить силу. А, вы же не маг, вам не понять... — И столько жалости было в ее взгляде, что я поежилась. Деликатная Белинка сразу перевела разговор на другое: — А я теперь в ваших покоях ночевать буду, а не в общей комнате? А можно я за сундучком сбегая и маменьке скажу, что я теперь ваша горничная?

— Беги, конечно. И не торопись. Придешь после ужина.

И пострижешь меня. Может быть, это поможет избавиться от последствий колдовства. А ведь старуха говорила, что ее магия ко мне не пристает. Врала? Усыпляла бдительность?

Взвизгнув от счастья, девчонка умчалась. Светлые Небеса, хоть кому-то сегодня хорошо.

А мне было так плохо, что я не рискнула усугублять шоковое состояние депрессивным интерьером моих апартаментов и решила забиться в какую-нибудь тихую щель, где никто не побеспокоит.

Глава 15

ЗАМОК ВСТУПАЕТ В ИГРУ

Сначала я решила отправиться в кладовые — там ни у кого не вызовет подозрений мое присутствие, но у винного погреба заметила дворецкого, который распоряжался насчет ужина. Винные запасы — это его епархия. Мужчины не подпускали женщин к своим сокровищам и в этом мире.

Развернувшись, я потопала на пустующий третий этаж. Там-то точно никого не будет.

Встречаться с «дедушкой» не хотелось, хотя я понимала, что ему и в голову не могло прийти предупредить меня, что я не понимаю культурных тонкостей их мира. А ведь мне казалось, за три года затворничества я изучила, куда же меня занесло. По крайней мере, самое основное.

Земля — Айэра, как называли ее айэ. Континентов — три. Королевство, в котором я оказалась — Риртон, король — Артан Седьмой, советники — десяток обладателей королевского Ока по цветам радуги плюс черный, белый и серый. Ворон был обладателем Черного королевского Ока. Религия во всем мире — дуальное божество Небес. Мир возник из единства и борьбы противоположностей — Светлых Небес и Темных. Они не враждебны, хотя и соперничают. Их антагонисты — Нижний мир, который хочет перевернуть мироздание и занять место Небес.

Что еще... Аристократия в этом мире формировалась не из военных, а из магов, и это одно и то же. Причем и духовенство тоже из магов, но, к счастью, идеи теократии непопулярны, хотя высшая духовная власть — всегда отражение Небес на земле.

Маги враждуют друг с другом, но всегда объединятся против айэ. Истинный народ айэ забудет междоусобные распри и объединится против магов. Но и айэ, и маги встанут плечом к плечу против демонов Нижнего мира, тварей Изнанки. Именно эта угроза не дает окончательно уничтожить друг друга жителям мира Верхнего.

Но мои представления о мире оказались чересчур общими, а дьявол, как известно, кроется в деталях. И теперь, когда я выбралась из заточения в особняке и попала в заточение в Орияр-Дерте, каждый день приносил мне сюрпризы.

Этот мир настойчиво давал мне понять, что я чужачка и должна отдать то, что принадлежит не мне. Чужое тело, в котором таилась кровь айэ. Если

в нем и должна быть душа, то не моя, а родная для неба Айэры.

Так я же не против, только верните меня туда, откуда взяли, — в мое родное тело и мир Тамары Коршуновой.

Вспоминая и размышляя, я не заметила, как прошла мимо третьего этажа и поднялась по черной лестнице для прислуги на четвертый. Дверь оказалась открыта.

Та самая дверь, ключ к которой граф у меня забрал, как я вычислила путем исключения. Еще мне недоступна была дверь в подzemелья и в главный порталный зал Лаори-Эрля. Это если не считать потайных входов, закрытых магическими печатями.

Именно открытая дверь и сбита с толку, заставив пребывать в заблуждении, что я вошла на пустующий третий этаж, но с лестницы, которой прежде не пользовалась. Она была проложена в толстенной стене башни, и в ее поворотах несложно запутаться.

Дверь вела в служебный же коридор с яркими неземными пейзажами. И это тоже заставило пребывать в уверенности, что я на заброшенном хозяйском этаже, его мне показывал дворецкий, так как там требовалось поддерживать порядок — именно тут будет жить граф, когда женится.

Заблуждение развеялось, когда я толкнула одну из дверей в коридоре и оказалась в незнакомом порталном зале. Не таком большом, как парадный, но узнаваемом по светящемуся контуру на полу и по воинственным охранным картинам на стенах, готовым в любой момент ожить и наброситься на непрошеного гостя. Изображения птиц с человеческими лицами были так прекрасны, что я не удержалась от искушения и безбоязненно прошла вдоль стен, глядя блестящие крылья с острыми, как заточенные кинжалы, перьями.

Резная дверь, ведущая вглубь апартаментов, тоже была распахнута, и я бросила туда любопытный взгляд. Роскошь интерьеров, исполненных в бело-ало-черных тонах, поражала. Золото, парча, инкрустированные полудрагоценными камнями стены и мебель. Пейзажи в золоченых рамах выглядели как космические и были слепяще яркими. Так вот как бывает, когда Лаори-Эрль разбужен и смотрит во все глаза!

Как замороженная я прошла пару смежных комнат и замерла, когда до меня долетел незнакомый голос, произнесший знакомое имя.

— Все сроки истекли, Дэй. Я не могу больше ждать, когда ты разыщешь Тиррину Барренс.

— Но остался еще один способ найти ее.

— Самому спуститься в Нижний мир? Нет. Уже бесполезно ее спасать, если демоны солгали тебе и она все-таки оказалась у них. Неделя это

слишком долго, и ты прекрасно это знаешь.

— Я обещал, Ари.

— Теперь уже срок не имеет значения, на пару дней позже или на месяц. У тебя более важный долг не выполнен. Ты должен жениться как можно быстрее, и мне уже совсем не важно, кем будет твоя невеста, хоть старой безродной нищенкой. Лишь бы ты успел консумировать брак до осени. У тебя осталась пара месяцев. Может быть, Лин Игви? Лаори-Эрль к ней терпим, ваша магия, благодаря твоему отцу, вполне адаптирована, и осложнений при консумации не возникнет.

— Никогда! Ари, за кого ты меня принимаешь? Я пальцем к ней не прикоснусь! Да я лучше на кухарке Шой женюсь!

— Исключено. Она полудемоница. И это мне не нравится, Дэй.

— Шой проверена всеми мыслимыми способами. Она абсолютно лояльна.

— Я сказал — нет. Я даже не буду говорить, что она толстая и старая. Но твоя кухарка великолепно готовит, ты не можешь лишиться ни себя, ни меня ее стряпни. Подумай еще раз о Лин. Если ты, в свою очередь, не выдвинешь кандидатуру до завтрашнего вечера, я женю тебя на ней указом, и уже не буду учитывать твою антипатию. У нас больше нет времени, граф Орияр.

Я попятилась к выходу. О Небеса, это король! Сам король Артан Седьмой в замке! Так вот почему эти апартаменты всегда заперты, и даже у будущей хозяйки замка не должно быть к ним ключа! А я гадала, почему экономке в теории было позволено больше, чем жене графа! И мне не все равно, кто ею станет. Если некромант женится на Лин, плакал мой тотализатор. Сразу уволюсь и подамся в актрисы бродячего театра.

— Причем, Дэйтар, твоя кандидатура должна быть проверена так же тщательно, как предыдущие, — твердо сказал король. — Ни капли демонической крови!

— Я помню, Артан, — подавленно ответил некромант. — Проклятье! Уж лучше Тиррина. Мне докладывали, она изменилась после катастрофы. И еще я обещал достать ее даже из-под земли!

— Кому? Дай угадаю, кому еще есть дело до несчастной девчонки. Зим? Если ты обещал айэни Зим, то я сам с ней поговорю. Она тоже кое-что мне обещала: что оставит ее в покое. В Тиррине сгорела кровь айэ. Но если девочка так нужна старухе, значит, Зим лжет.

— У меня такие же подозрения. Еще и поэтому я должен найти Тирру.

— После твоего обручения, Дэйтар. Только тогда я разрешу тебе посещение Нижнего мира. Но поскольку сроки подходят, а демоны только

того и добиваются, чтобы заманить тебя на свою территорию под любым предлогом, не обижайся, если на тебя наложат все возможные вериги. Ты слишком ценен для нашего мира.

— Я понимаю. — Голос Ворона прозвучал очень странно. То ли он сдерживал ярость, то ли мучение.

— А еще лучше — после женитьбы. Тогда и вериги не потребуются. И покажи мне свою новую экономку, Дэй. Что с ней за проблема?

— Тройное эхо, Ари. Такого я еще не видел. И она не та, за кого себя выдает. В этом я уверен, но не могу раскусить.

— Мой Ворон теряет хватку? — хохотнул король. — Что ж, давай на нее посмотрим.

Опасность! Я на цыпочках рванула к выходу.

И по закону подлости подол моего длинного платья за что-то зацепился — полное ощущение, что его схватили невидимые зубы! Я дернула ткань. Раздался треск, материя разъехалась полосками. Точно зубы!

И они тут же разжались. Освобождение было таким внезапным, что я пошатнулась и взмахнула руками, чтобы удержаться на ногах. Подлый замок подсунул под мою ладонь столик с вазой, и та с удовольствием покончила с жизнью букета — разлетелась на мелкие осколки с таким мстительным грохотом, словно под крышей Лаори-Эрля разразилась гроза.

Приоткрытая дверь, за которой разговаривали двое, мгновенно распахнулась, и на пороге возник Ворон с готовым пульсаром в левой руке и обнаженным кинжалом в правой.

— Вы? — Изумленные серые глаза стали просто огромными, а черные брови взлетели чуть ли не к середине высокого лба. — Как вы сюда попали, мэйс Вирт?

— П-простите, — пролепетала я, заикаясь, бледнея и шаря по проклятому предательскому столику рукой, чтобы не упасть от ужаса.

— О, к нам в гости девушка? — Королевский баритон стал таким задумчивым, что я чуть в обморок не грохнулась.

А обладатель баритона появился за плечом лорда Дэйтара. Король оказался на ладонь ниже Ворона, гораздо изящнее, и подозрительно смахивал на эльфа утонченностью черт и светлыми, почти белыми льняными волосами, перехваченными золотым обручем и свободно падавшими на плечи. Этаким Леголас, кинолюбовь моего детства. Даже генерал Шармель в исполнении красавчика-актера проигрывал этому потрясающему мужчине.

Светлые Небеса, какой у него взгляд! Звериные светло-карие глаза с

янтарным отблеском смотрели пронзительно и хищно, словно венценосец сам был смеском айэ. Но из летописей в библиотеке Тиррины я знала, что кровь королевской династии — чистейшая, в ней нет ни следа чужеродцев. И за ее чистотой тщательно следили все десять королевских Очей — советников.

Потому Артан Седьмой до сих пор не женат, хотя ему уже двадцать семь лет и королевство заждалось наследника. Но найти чистокровную и магически одаренную принцессу становилось сложнее с каждым поколением. Да что там жена! Ему и фавориток с чистой кровью и высоким происхождением подыскивали с трудом, дабы ни тени не легло на генеалогию королевского дома.

Граф погасил пульсар, вложил длинный кинжал в ножны и сделал шаг в сторону, открывая меня королевскому взгляду.

— Позвольте представить, ваше величество, это и есть моя домоправительница, достопочтенная дама Тайра, дочь безземельного рыцаря Симмерса Вирта. По словам айэни Зим и ее собственным.

Последнее было сказано с изрядной доли иронии.

Я судорожно изобразила что-то среднее между поклоном и книксеном. Янтарный взгляд скользнул по моему лицу, скромному декольте и задержался на рваном подоле. Уголок мягких губ дернулся вверх.

— А скажи-ка, лорд Дэйтар, правильно ли я понимаю, что никто без моего или твоего разрешения не мог войти в эти опечатанные *двойным охранным контуром*, — подчеркнул голосом король, — апартаменты, которые принадлежат королю как часть государства Риртон?

— Я не разрешал, мой король. И я запер двери и восстановил контур, когда пришел приветствовать вас. Сюда никто не мог войти без моего ведома!

— Верю, Ворон, верю, — кивнул король и обошел вокруг меня, пристально разглядывая со всех сторон. Словно питон обернулся кольцом, но еще не сжал смертельную удавку. — Так как же вы вошли, мэйс?

— По лестнице для слуг. Простите, сир... Я не считала витки лестницы и не заметила, а дверь была открыта.

— Открыта? — вздернулась светлая королевская бровь, а янтарный глаз скопился на некроманта. Усмешка стала шире.

— Да, сир. — Я старалась не смотреть в звериные глаза, но и не опускать взгляд. Пусть видит, что мне скрывать нечего. Почти. — Как же иначе я вошла бы? У меня и ключа-то нет.

— А вазу зачем разбила? Чтобы сообщить нам о том, что подслушиваешь?

Я почувствовала, что лицо мое вспыхнуло жаром.

— Я не хотела, ваше величество. Я пыталась уйти, но... меня что-то удержало. Невидимое. Зубами в подол вцепилось. Платье вот порвало. А вазу я нечаянно разбила, когда боролась с невидимкой.

Ворон побледнел, а король, наоборот, окончательно развеселился.

— С невидимкой, значит? Прелестно, прелестно... Что ж, лорд Дэйтар, могу вас поздравить. Похоже, защита Лаори-Эрля пала, не сопротивляясь. Подумать только! А вы замужем, мэйс Вирт?

Теперь побледнела я.

— Нет, сир. Но я... у меня...

И я не смогла произнести слово «обет». Но на этот раз не по чужой воле, внедрившейся в мое сознание и тело. Нет. Просто я вспомнила, что прямая ложь королю приравнивается к государственной измене, и если ложь будет доказана, то преступника казнят на месте. Конечно, вряд ли взбредет кому-то в голову доказывать, что никакого обета безбрачия я не давала, но одно дело водить за нос Ворона, а другое — самого короля. Ему лгать мне почему-то не хотелось.

Я потупила глаза и замолчала.

— У вас есть жених? — спросил король.

— Нет.

— Кхм, — кашлянул в кулак слишком умный и догадливый некромантище. — Как интересно. Осмелюсь посоветовать, сир: спросите у мэйс Вирт, давала ли она какие-нибудь обеты.

Король понимающе прищурился.

— А что, она говорила о каких-то обетах? Итак, мэйс, что вы на это скажете? Кому и какие обеты вы принесли?

Черт. Черт! Надо же так вляпаться! И зачем меня понесло сюда? И ведь правда понесло! Ноги сами привели. Тихое место захотела найти. Чтобы о моих проблемах подумать, решить, как дальше быть. И вот результат. Штирлиц, как же так?

— Никому и никакие, сир. Я выдумала обет, чтобы защитить свою девичью честь.

— Что ж, это простительный обман. Сколько вам лет?

Вот как тут ответить? Телу Тиррины — восемнадцать. Легенде Тайры — тридцать. Лицу Тайры — лет двадцать пять. Сознанию Тамары Коршуновой — двадцать три. Среднеарифметическое — двадцать четыре. Но тогда граф мигом вычислит, что я — не Тайра. Потому я ответила максимально кокетливо:

— Я знаю, что выгляжу на двадцать пять, но это не истинный мой

возраст.

— А точнее? — Ворон почуял добычу и расправил перья.

Ему-то я спокойно могла соврать для того, чтобы выжить. Но не при короле. «При короле не лгут», — известная пословица в Риртоне. Почему не лгут? Может, правящая династия обладает особой магией? Эх, не попадалось мне ничего на глаза в книгах, а память Тиррины молчит, и в памяти Тайры ничего нет об этом.

— Прошу вас, сир, вам она не сможет солгать, она не маг, — решил дожать некромант. — Спросите у мэйс, не она ли пропавшая леди Тиррина, графиня Барренс?

— О, даже так? — удивился король. — У тебя такие серьезные подозрения, лорд Орияр?

— Уже не такие, как неделю назад. Вряд ли Тиррина смогла бы притворяться доброй и отзывчивой девушкой. Но ваше слово исключит эту версию.

— Хорошо! — Король снова кинул на меня пронзительный взгляд. — Вы слышали вопрос, мэйс. Отвечайте.

Ну, тут я могу и правду сказать без страха:

— Я не леди Тиррина, не графиня Барренс, ваше величество.

Сейчас он спросит: «А кто?» Вот и все. Допрыгалась ты, Тамара Коршунова. Сказать, что ли, что я — агент земной разведки, заброшенный в мир Айэры для кражи магических технологий?

Меня спас дворецкий. Точнее, его голос, явственно донесшийся из черной серьги некроманта:

— Лорд Дэйтар, по вашему приглашению прибыл генерал Шармель.

— Проводи его в кабинет, Энхем, и распорядись подать два прибора, вино и закуски.

— Четыре прибора, Дэйтар, — поправил король. — Я с радостью повидаю старину Нориса, а мэйс Вирт разбавит нашу мужскую компанию. Я еще не решил, что с ней делать.

— Четыре прибора, Энхем, — повторил Ворон и одарил меня ехидной улыбкой.

На негнущихся ногах я последовала за королем и графом. В горле пересохло, а в груди разливался смертельный холод. Вот так чувствуют себя приговоренные к казни преступники. Ну, спасибо тебе, Лаори-Эрль, ну, удружил, предатель! А ведь ты мне так понравился с первого взгляда!

Пребывая в полнейшем расстройстве и панике, я едва осознавала окружающую действительность. Король, тихо беседовавший с графом,

приотстал.

— Ступайте в кабинет, мэйс, — махнул рукой государь. — Мы подойдем через минуту.

Дворецкий, встречавший нас у дверей графского кабинета, распахнул передо мной двери. Едва я переступила порог, меня снесло вихрем, пахнувшим степью, костром и болотом.

— Тайра, это правда ты! — Мужчина, поразительно похожий на актера, игравшего генерала Шармеля, налетел на меня, закружил и обнял так крепко, что я едва не задохнулась, уткнувшись носом в нагретую солнцем кожу дублета. — Светлые Небеса, жива! А я не поверил, дурак.

В прошлом мире я грезила бы об объятиях такого обалденного самца. Все-таки мечта. Но в этом внимание к моей персоне уже сидело в печенках.

— Пустите! — потребовала я ледяным тоном.

Лорд Норис отстранился, но все еще держал меня за плечи и, счастливо улыбаясь, всматривался в мое лицо. А я краем глаза заметила, с каким изумлением за этой картиной наблюдают король и Ворон, которых генерал еще не видел, поскольку стоял к ним спиной.

— Если бы ты знала, как я оплакивал тебя и твоих родных! Был в рейде и поздно узнал об эпидемии мора. Приехал уже на остывшее пожарище, когда маги и тела уничтожили, и купол поставили, чтобы зараза не ушла вглубь королевства. Мне докладывали, что никто не уцелел, как раз праздник был, и все собрались в Подкове. Как тебе удалось спастись, душа моя?

И тут опять включилось чужое сознание. Даже голос слегка изменился, стал чуть глуше, бархатистее:

— Ты же знаешь, как я ненавижу эти праздники, сэр Норис. Ушла проводить нянюшку.

Интересно. Получается, душа мертвой Тайры вполне может лгать? Ведь девушка погибла вместе со всеми, значит, она оставалась в крепости!

— Так и говори — ведьму Ран. Опять? — Генерал сжал губы в недовольную и очень жесткую прямую линию, которая сразу изуродовала его безупречное лицо. — Она сбежала, знаешь ли. Поняла, что на нее падет подозрение: маги доказали, что мор был вызван порчей, а твою бывшую няньку давно подозревали в связях с нечистью. Ты понимаешь, что теперь тебя, как единственную выжившую, могут из свидетельницы превратить в обвиняемую вместе с Ран? Даже мое покровительство не поможет.

— Мне не нужно твое покровительство! — вздернулся мой подбородок.

Тут свидетели решили, что пора вмешаться.

— Кхм, — откашлялся король. Наверняка заразился от Ворона. — Ты прав, Дэйтар, тройное эхо. И динамичное эхо. Явление очень необычное, наши магистры будут в восторге.

Генерал сразу отпустил мои плечи, развернулся и склонился в поклоне:

— Ваше величество! Ваше сиятельство!

— Никаких магистров! Не отдам, самому интересно! — Ворон посмел перечить даже королю. Кивнул генералу. — Рад видеть на этот раз настоящего лорда Нориса.

Пока граф и генерал раскланивались и рассаживались в стоящие в глубине кабинета кресла, уступив мне одно из них, я боролась за контроль над телом и за память Тамары Коршуновой.

— Давно же я тут не был, лорд Орияр. — Король прошелся вдоль книжных стеллажей, любовно провел ладонью по золоченым корешкам фолиантов. Остановился у большого стола, покрутил самопишущее магическое стило и отложил в сторону. — Последний раз в этом кресле сидел твой отец и отчитывал меня, как мальчишку, за то, что я пытался посмотреть на демонов поближе во время их атаки на Орияр-Дерт. Рвался в бой. И получил... не тот бой, какой хотелось бы. Впрочем, у кого из рыцарей не было ошибок в юности. А это что такое? Раньше этого не было. Ты занялся разведением цветов?

Король остановился у дальнего окна, отодвинул портьеру, и я увидела глиняный горшок под светящимся колпаком. В земле сидело совершенно уродливое бледно-коричневое растение высотой с пол-ладони. В висок тут же кольнуло: ожил приувядший «вьюнок».

— Подарок айрани Зим, тайно путешествовавший с мэйс Вирт, — ответил Ворон.

— Он так ценен, что ты его закрыл коконом защиты даже в собственном кабинете?

— Он так опасен, мой король.

А нежный бархатистый голос Тайры сам собой исторгся из моего горла:

— Святые Небеса! Это же *маргисса*. Она совсем неопасна, ваше величество!

Ни для кого, кроме Тамары Коршуновой.

Уж не потому ли именно в кабинете графа усиливалось присутствие настоящей Тайры в моем, точнее, в Тиррином теле? Не из-за проклятого ли Бобика, которого я сама протащила в замок, Тамара Коршунова может совсем исчезнуть? Не похоже, что моя душа вернется в мой мир, потому что иначе вместе с картинами памяти Тайры я видела бы картины своего

дома. То есть сознание раздвоилось бы на две равноценные личности (да-да, привет, шиза, давно не виделись), а сейчас я лишь наблюдаю за чужой жизнью в чужом теле.

Я оказалась пленницей в кошмарной ловушке, хуже не бывает.

И есть только один способ если не избавиться, то хотя бы ее ослабить: уничтожить боб, постричься наголо и найти способ вернуться в родной мир. Там есть экзорцисты на выбор: и в белых халатах, и в черных рясах.

Где ты, спасительный обморок? Мне душно! Мне страшно! Я жить хочу!

Впрочем, где угодно можно падать в обморок, только не по соседству с *маргиссой*, усиливающей, как резонатор, все мои внутренние проблемы.

И почему, почему этот светящийся купол, так называемая магическая защита, меня не защищает? И не знаю откуда, но ко мне пришла догадка: потому что кокон — человеческая магия, а *маргисса* — создание айэ, и никакой кокон ей не помешает.

Глава 16

ПЛЕННИЦА

Мне повезло в одном: все три мага были так потрясены волшебным словом «маргисса», что временно отложили допрос о жизни и смерти дочери рыцаря и ее отношениях с сэром Норисом. Король, прищутив янтарный глаз, спросил:

— Где вы взяли маргиссу, мэйс? Это... существо давно исчезло!

— У нянюшки Ран. — Тайра вышла на передний план моего сознания. Собственно, она его и не покидала, пока я паниковала на задворках. А то я бы наверняка призналась, что видела кучу зародышей маргисс на подоконнике в комнате матушки Зим.

— Не вынуждайте меня вытаскивать из вас каждое слово! — прозвучала пока еще тихая угроза.

— Сир, я смеска айэ, потому меня обучала нянюшка Ран. Она охраняла древнее гнездо маргисс, но оно погибло при наведенной порче в те же дни, когда погибли четыре форпоста Подковы. Может быть, эта порча была направлена не на гарнизоны крепостей, а на болото в их центре.

— Вы говорили, там ничего нет, — сощурился Ворон.

— Я не могла открыть посторонним эту тайну, — возразил мой голос, которым я не управляла. — Мы с няней пытались спасти хоть что-нибудь. Точнее, айэни Ран пыталась. Я тоже заразилась и была обречена. На третий день я умерла. И тогда Ран объединила мою душу с единственным уцелевшим зародышем маргиссы и отправилась в столицу. Вы знаете, только айэни помнят изначальную магию, но Ран уже очень стара. Она могла сохранить меня, но не возродить. Для этого одного желания мало. Я провела всю дорогу в ее кошеле, в виде боба маргиссы, ваше сиятельство, поэтому даже не знаю, какими дорогами и через какие города шла Ран.

Сказать, что Ворон был ошеломлен, — ничего не сказать. Лорд Норис хотел что-то сказать, но король его остановил жестом, а мне кивнул:

— Продолжайте, мэйс Вирт.

— В столице нянюшка отдала айэни Зим зародыш маргиссы с заключенной в ней моей душой. Зим тоже очень старая, но у нее больше возможностей, и она очень хитра. Возродить меня из маргиссы можно было только с помощью темной магии некроманта. И это должен быть очень сильный маг. Но вы никогда не пошли бы на такое, лорд Ориар. Поэтому...

поэтому матушка Зим пошла на хитрость. Она воспользовалась тем, что ваша невеста бежала, перехватила ее и замаскировала внешность Тиррины Барренс, наделив ее тем лицом, которое носила я, и...

— Носила? — мгновенно ухватился некромант. Очень злой, кстати. Его просто взбесила мысль, что Зим пыталась использовать его втемную. — То есть вас знали не под настоящей внешностью?

— Не перебивай, Дэйтар, — нахмурился король. — Я и так с трудом понимаю логику событий.

— Больше не буду, мой король. Но пусть ответит.

— Я изменила свой облик, милорд, — ответила Тайра. — Мы с нянюшкой скрывали, насколько близко мое пробуждение как айэ. Я выглядела слишком юной для тридцатилетней. А мои родственники, а за ними и все люди крепости не жаловали айэ. Они считали, что тварей Севера на нас посылает именно изначальная раса. Поэтому я с двадцати лет пользовалась специальными травами, чтобы маги не заметили искаженный облик.

— И этими же травами вы спрятали лицо графини? А что с ее разумом?

Я надеялась, что настоящая Тайра, захватившая контроль над телом, признается, что Тиррина тоже мертва, а в ее теле три года жил разум Тамары Коршуновой, но хитрая зараза вывернулась:

— Та, которую вы знали как Тиррину Барренс, и я, Тайра Вирт, — сейчас одно существо, ваше величество. Разум графини подавлен, но не уничтожен.

— Выходит, демоны не лгали: графини Барренс у них нет, — сказал король. — Но это же убийство, мэйс Вирт.

— Это похищение, — улыбнулись мои губы. — Нас с леди Тирриной можно разделить, если такой сильный некромант, как граф Орияр, вырастит мне новое тело из зародыша маргиссы и перенесет в него мое сознание. Тиррина Барренс будет освобождена.

Король и граф переглянулись. А вот лорд Норис сидел тише воды. Похоже, он был убит известием, что Тайра — почти убийца и наверняка похитительница графини. И прекрасно понимал, что Тайру казнят сразу после того, как возродят. Даже я это понимала.

— Похищение, шантаж, покушение на убийство, — загибал пальцы король. — Подозрение в наведении порчи и убийстве тысячи человек в крепостях Подковы и в нанесении ущерба движимому и недвижимому имуществу, который даже трудно посчитать. Мэйс, это уже с десятков смертных казней изоощренными способами. Вы не боитесь возрождения?

Наше с девочками тело тяжело вздохнуло:

— Боюсь, сир. Но я могу согласиться только с первыми двумя обвинениями — в похищении тела леди Тиррины и, увы, в шантаже, если это правильное слово для той ситуации, в какой мы оказались. Но вы возродите не только меня. Вы возродите само мастерство возрождения. Вы получите бессмертие. Разве это плохая цена за тайны, считавшиеся утерянными?

Это был нокаут.

Полная победа Тайры, судя по вспыхнувшим янтарным глазам короля. Даже его изумительные волосы, казалось, осветились солнечными бликами. Все-таки он потрясающе красив.

И это была могила для меня, Тамары Коршуновой.

Могила, похоронившая возможность признаться и искать помощь для возвращения домой. Потому что после откровений Тайры, вздумай я признаться, что тоже заняла чужое тело, меня казнят без малейшего сомнения. Ведь я не смогу доказать, что душа Тиррины покинула тело три года назад, и я не смогу предложить такую цену, как бессмертие, а мои скромные навыки недоучившейся переводчицы с английского вряд ли тут кого-то заинтересуют.

И тут генерал Шармель очнулся от шока, выступил вперед и опустился на колено перед королем:

— Сир! Прошу у вас пощады для Тайры Вирт! Если она и виновна, то только в том, что не могла сопротивляться злодейским замыслам айэни.

И правда. Как душа умершей девушки, запертая в зародыш маргиссы, могла сопротивляться двум ведьмам? Они же с ней что хотели, то и творили. Захотели — сунули в маргиссу. Захотели — переселили в тело бывшей невесты Ворона, чтобы заставить его выполнить их замысел.

Артан Седьмой задумчиво посмотрел на сэра Нориса, потер подбородок точно таким жестом, как это делал Ворон, словно они близнецы-братья, и усмехнулся:

— Неожиданно, Норис. Я вижу, тебе небезразлична эта мэйс?

— Она моя невеста, мой король.

— Неправда! — возразила Тайра моим голосом. Вскинула взгляд на короля: — Наша помолвка давно разорвана, сир. С тех пор, как вы наградили Нориса титулом за боевые заслуги. Его отец решил, что нищая сирота, дочь безземельного рыцаря, перестала быть парой его сыну.

— Это так, мой король. — Сэр Норис даже головы в мою сторону не повернул, но я видела, как заалела его щека. — Но я никогда не отказывался от Тайры, и другая жена мне не нужна. Я любил ее и

продолжаю любить. Но она мне отказывает, хотя так и не вышла ни за кого замуж.

Ну и дура эта Тайра. Такой мужик! Светлые Небеса, почему мне так не везет? Мало того что попала в тело некромантки и злодейки, как выяснилось, так теперь в это же тело попала злопамятная дура! Боже, как жить? Как выжить? Так, спокойно, Тамара. Главное — выбраться из этого кабинета и держаться подальше от резонатора — маргиссы.

Некромант, кстати, тоже что-то заподозрил, судя по тому, как испытующе поглядывает то на меня, то на горшок с маргиссой.

— Мы установим степень вины мэйс Вирт, генерал, — сказал король. — Встаньте. Для вас будет задание: обследовать еще раз дом сбежавшей айэни Ран и болото, в котором она прятала гнездо маргисс. Может быть, вам повезет найти могилу с телом Тайры Вирт. Займетесь этим вместе с королевским магом-дознавателем и некромантом из ведомства Черного Ворона. Дэйтар, ты слышал.

Лорд Орияр кивнул и дотронулся до серьги с чеером, явно отдавая кому-то мысленный приказ.

— Ступай, Норис, — продолжал государь. — Я помню нашу дружбу и твои заслуги. Если можно что-то сделать для твоей возлюбленной, не нарушая при этом природных и человеческих законов, мы это сделаем.

— Благодарю, мой король. Будет сделано, мой король! — Генерал поклонился по-военному, коротко кивнув головой, и вышел за дверь, где его приветствовал поклоном дворецкий, за спиной которого маячили два рыцаря из свиты Ворона.

— Теперь ты, Дэйтар, — повернул голову король. — Я понял, что ты выделил сопровождение Норису, и это хорошо. Займись этой маргиссой в своей лаборатории. Буду благодарен, если ты позволишь мне иногда присутствовать...

— Исключено, — отрицательно качнул головой некромант. — Во-первых, эта тварь опасна, и всех ее сюрпризов мы не знаем. Айэни так коварны, что все, о чем мы узнали здесь, может оказаться частью еще более масштабного плана. Я не имею права рисковать твоей жизнью или разумом. Во-вторых, твоя магия безобразно фонит и сбивает мне настройки. Так что прости, мой король, но тебе придется ограничиться чтением отчетов.

— Ежедневных, — мстительно вставил Артан, и Ворон поморщился. — И допроси айэни Зим еще раз, учитывая откровения мэйс Вирт. И я даю тебе на этот раз все полномочия. Абсолютно все, Дэйтар.

Не знаю, что имел в виду монарх, но даже мне стало страшно, а Тайра и вовсе впала в панику.

— Что касается девушки... — сказал его величество, и пристальный взгляд янтарных глаз просветил меня рентгеном. — Если она — леди Тиррина, то ей небезопасно оставаться в твоём замке. Тирре всего восемнадцать, и если её коснется проклятие сомнамбулы...

— Не думаю, что ведьма Зим не учла этот момент, отправляя её сюда, — усмехнулся Ворон. — Не отдам, мой король, даже не надейся. Я не хочу снова остаться без экономки.

— Графиня в экономках? — фыркнул король.

— И не какая-нибудь графиня, а Тиррина. Всю жизнь мечтал! — И развеселившийся некромант мечтательно закатил глаза.

Арган прищурился, глядя на меня, застывшую, как скала, с окаменело-невозмутимым лицом.

— А вы, мэйс, что скажете?

Хочу домой. К папе. К маме. К подружкам. И даже к экзаменам!

— Сир, — дрогнули мои губы. — Пока моя маргисса остается в Ориар-Дерте, мне нужно быть поблизости.

Подальше! Как можно дальше!

— Знаете, мэйс, открою вам один секрет, — скупно улыбнулся Арган Седьмой уголками губ. — Вас спасло от моих палачей не заступничество Нориса. И не обещание якобы бессмертия, которое окажется в паучьих лапках айэни и они смогут манипулировать мной, как сейчас вами. Нет. И даже не хозяйственные интересы лорда Ориара, хотя, видит Небо, второе лицо королевства пользуется моим особым благоволением, имейте в виду, кстати. Мы с моим другом Дэйтаром можем ошибиться, мы всего лишь люди, хотя и не последние из людей. Но сердце Ориар-Дерта не ошибается никогда. Только поэтому я позволяю вам оставаться здесь, под наблюдением замка и его хозяина.

Я смотрела на него в немом изумлении. Бывают же такие мужчины, Светлые Небеса! Он даже не купился на бессмертие!

— Ну и, кроме того, нам надо разобраться, мэйс, кому из ваших сущностей откликнулся Лаори-Эрль. — Король поднялся с кресла, и мы вслед за ним. — От этого будет зависеть дальнейшее. А пока вам запрещено выходить из замка. Дэйтар, я, пожалуй, подожду с указом о твоей женитьбе. Неделью-другую еще не смертельно. А сейчас мне пора.

— А ужин? — протестующе воскликнул граф. — Шой расстроится.

— Передай Шой мои извинения и приглашение перейти на работу в мой дворец.

— Извинения передам, — усмехнулся лорд Дэйтар, и я поняла, что это старая дружеская пикировка короля и его Ворона. Лорд остановился передо

мной. — Мэйс Вирт, ступайте к себе. Надеюсь, на этот раз вы не заблудитесь.

С каждым шагом, отдалявшим меня от графского кабинета, я чувствовала, как слабеет захватившая мое тело воля. Удивительно еще, что Тайра позволила увести себя от ее обожаемой маргиссы. Я боялась, что упаду в истерику и потребую посадить себя в горшок рядом с чудовищным существом, но обошлось.

Только у дверей в черные покои я почувствовала, что стала сама собой. Но тут поджидал меня сэр Кенз.

— Мэйс Вирт! Наконец-то! — воскликнул парень, сияя, как начищенный медный газ. — Сэр Гринд отправил меня к вам напомнить, что в казарме закончилось свежее белье, а прачки отказываются выдавать без вашего приказа.

— А как они обходились раньше без моего приказа?

— Посыльные ставили крестики по числу взятых комплектов, а выдавала старшая прачка, мэйстрес Лэйза.

— Она грамотная?

— Не очень, но цифры знает.

— Тогда я напишу ей записку. Зайди, сэр Кенз.

Я распахнула дверь в покои, и первое, что увидела в холле, — огромный букет белых цветов, похожих на лилии. Они стояли в вазе на столике у дивана. Очень интересно, кто сподобился? Белинка? Но у девчонки еще нет ключа. Его должна передать Ания в моем присутствии. Кстати, где она? На зов Ания не откликнулась, ну и ладно.

Мы прошли в кабинет, я села за стол, оторвала клочок бумаги и взяла карандаш, чтобы написать, сколько комплектов белья должна выдать Лэйза, но тут Кенз бухнул на столешницу солидный и тугой мешочек, звякнувший металлом.

— Держи выигрыш, хитроумная мэйс!

— Ого! — Придвинув кошель, я развязала его и полюбовалась на блеск золота. — Сколько тут?

— Сто пятьдесят! — гордо выпалил рыцарь. — Никто не ставил на вас, кроме Шой и Энхема.

«Вот почему Белинка так плакала», — подумала я. Все были уверены, что к вечеру меня в замке не будет.

— И еще десять я взял на закупку петухов и на корм для них. Я столько же вложил. Договорился, что пока держать их будем в деревне поблизости от замка.

— Не годится. За ними особый уход нужен и наблюдение. И я хочу травы кое-какие подмешивать в корм, а это тайна.

— Но мне-то можно сказать!

— Может быть, когда-нибудь, — усмехнулась я. Шустрый какой. Я еще понятия не имею, чем этих боевых петухов откармливать. — По идее, мне бы самой съездить на закупку, но я невыездная.

— Как это?

— Не отпустит меня граф. Работы много, а опыта мало.

— А-а-а... — протянул рыцарь.

И тут послышался холодный до озноба графский голос:

— Что ты делаешь в покоях мэйс Вирт, Кенз?

Он стоял в дверях, подпирая плечом косяк. Быстро же он от короля избавился. Интересно, много удалось ему подслушать? И как он так беззвучно подкрался, что даже натренированный воин Кенз его не услышал?

— Не в покоях, а в *кабинете*, — сказала я, осмелев на радостях, что тело, как и голос, у меня никто не отбирает. Схватив карандаш, я быстро черкнула пару слов и цифр, стараясь второй рукой незаметно спихнуть кошель в ящик. — Сэр Кенз пришел за запиской для прачек. Вот, готово.

Я протянула записку рыцарю. Тот взял и постарался побыстрее ретироваться, протиснувшись бочком мимо лорда.

— Кенз! — окликнул его граф. И показал на букет: — Это ты обокрал мою оранжерею?

— Нет, милорд! Вы что, как можно!

— Тогда ступай. Потом с тобой разберусь.

Лицо рыцаря по бледности стало соперничать с лилиями, и в открытую дверь он не вписался, грохнувшись лбом о косяк. И закрыть забыл, но створка сама с грохотом захлопнулась, и резьба на ней осветилась голубоватым светом — какое-то заклинание сработало.

Лорд Дэйтар прошел в комнату, уселся в кресло, и серые глаза выжидательно уставились на меня. Ну что еще? Недавно виделись.

Кошель, тихонько сдвигаемый к краю стола, брякнулся мне на колени, и я едва не взвыла — удар получился ощутимым. Теперь синяки будут. Самое досадное, что тихий металлический лязг долетел до ушей некроманта. И этот предвкушающий прищур ничего хорошего мне не обещал.

— Что там у вас?

— Деньги, милорд, — честно ответила я. — Я давала в долг сэру Кензу, и он вернул с процентами.

— Потрясающе. Сто пятьдесят золотых? Откуда? При вас ни полушки медной не было, и здесь вы получили от меня всего пять золотых неделю назад. У вас такие астрономические проценты?

— Что делать... Жить-то надо, петушков вот покупать. Вы же позволите мне разводить петушков где-нибудь на задворках? Они против демонов очень даже...

— Мэйс, — перебил граф, — не утруждайте себя очередным фантастическим враньем. Я все слышал, от первого до последнего слова, из вашей беседы с Кензом. В принципе, я и без этого все знаю о запущенном вами тотализаторе. Не скажу, что буду покровительствовать ограблению моих вассалов, но они сами виноваты. Вмешиваться тоже не буду.

— Спасибо, милорд. Я могу оставить эти деньги себе?

— Ну не грабить же мне вас! — возмущенно сверкнули серые глаза. — Оставляйте. Это дело вашей совести — играть на человеческих пороках. Я знаю почти все, что происходит в стенах Лаори-Эрля. Но я не знаю, кто посмел срезать королевские лилии и притащить их сюда. Впрочем, это пока не важно. Я пришел к вам прояснить момент, который в нашем разговоре с королем остался в тени. Обещайте ответить честно.

Я мученически вздохнула. Спасибо хоть деньги не отбирают. Это же целое состояние! Годовая зарплата! Теперь я точно не пропаду, если не казнят.

— Обещаю, милорд.

— Я слышу в вас три магических эха. Одно — печать Тиррины, второе эхо — от пробуждающейся магии Тайры, сегодня оно особенно сильно. Но что третье?

Ну все. Теперь эквилибристика под цирковым куполом без страховки.

Как понять, что ему можно сказать, а что нельзя? Выдержит он еще один удар от Тайры, оказавшейся Тиррой, оказавшейся мной? Как тут вообще к инопланетянам относятся?

— Не знаю, милорд, — утомленно сказала я. — Знаю только, что я — не маг.

Молодой лорд посмотрел слегка укоризненно. Мол, просил же не врать.

— Давайте немного отложим этот разговор, мэйс, вы еще не готовы. Наверное, я тоже должен быть откровенным, если требую откровенности от вас. Я хочу показать вам кое-что. То, что ни мой отец, ни я стараемся не показывать никому из слуг, кроме Энхема. Идемте, хотя я вижу, что вы устали. Что-то не получается у вас сегодня с отдыхом.

Я действительно безумно устала, но не собиралась упускать такой

шанс. Впервые Ворон показал человеческое лицо — не надменного аристократа, не важного хозяина, не насмешливого некроманта, не равнодушного мага, а просто человека. Нормального парня с соседнего курса, с которым можно дружески поболтать за мороженым и обменяться плейлистами. Я просто встала и улыбнулась этому сероглазому парню.

— Ведите.

Мы поднялись по лестнице на третий этаж, потом свернули вправо, спустились, потом свернули влево в темные коридоры. Хотя я старалась держать в голове план замка, который заставил меня выучить Энхем, но все равно запуталась. Одна обратно точно не выйду.

— Этой башни нет даже в вашем рабочем плане, — словно в ответ на мои мысли сказал лорд Дэйтар и толкнул тяжелую дверь, предварительно погасив на ней слабо светившийся рисунок печати.

Заунывно заскрипели петли, в нос ударил запах плесени, затхлости и еще чего-то мерзкого, вроде крысиного помета. Граф поднял руку, пошевелил пальцами, и от их кончиков выстрелили голубоватые, как молнии, стрелы. Унеслись под своды и вспыхнули там, словно лампочки. И я едва сдержала крик ужаса.

Перед нами была лестница с оплывшими, деформированными ступенями. Справа от лестницы виднелся дверной проем в холл, где можно было разглядеть останки мебели. Именно останки. Она не была сломана. Она была нечеловечески *искажена*. Как рисунки шизофреников. На серых стенах виднелись безобразные, склизкие на вид коричневые и зеленые потеки и наросты.

— Что это? — выдохнула я. — Что здесь произошло?

— Не что, а кто. Последний раз в этой башне побывала Тиррина Барренс. То, что вы видите, — ее месть Лаори-Эрлю. Мне удалось локализовать удар, но пока не удалось излечить.

Поверить невозможно, что Тиррина была таким чудовищем.

Я даже притронуться боялась к жутким, сочащимся слизью стенам. Шагу внутрь ступить не могла. Но мне стало жутко и больно. До слез. Так же больно, как самому замку, в котором гноилась целая башня. Я вспомнила прекрасные блистающие апартаменты, отведенные для короля. Вот таким должен быть Лаори-Эрль. А еще вспомнила тусклые по сравнению даже со служебными коридорами картины парадных залов.

— А в парадных залах что произошло, милорд? Там тоже... месть?

Он кивнул:

— Тот же яд. Но там его удалось нейтрализовать, хотя замок еще не

оправился. Это как некроз тканей. Нужно время, чтобы не только остановить процесс, но излечить и нарастить новые.

Граф с усилием закрыл дверь, подержал, мучительно морщась, ладони на ее створках, восстанавливая охранный светящийся узор. И мы двинулись прочь. Кажется, куда-то в подземелья, куда он сам же запрещал мне соваться.

— Если бы душа Тиррины Барренс не изменилась после катастрофы, вы не смогли бы и шагу ступить в мой замок, — говорил граф, помогая мне спускаться по крутым лестницам. — Он бы не смог вас уничтожить, но попытался бы. Именно поэтому, заподозрив, что Тиррина пытается проникнуть в Орияр-Дерт под маской, я вывел портал под стены. На всякий случай, вдруг король не прав. Я наблюдал, мэйс, я все время наблюдал за вами. Тиррина, даже лишенная магии, не могла так измениться. И я признаю свою ошибку, вы — абсолютно другой человек. Боюсь, слишком другой. Никто из знакомых мне девушек не додумался бы до того, чтобы принимать ставки на самих себя и поставить это на такую широкую ногу за какую-то неделю.

— Просто я не аристократка.

— Нет, — улыбнулся лорд. — Но и не селянка. И даже не дочь рыцаря. Сегодня я сравнивал вас... с вами же. В моем кабинете вы менялись. Даже голос у вас становился другим. Вы становились больше айэ, чем человеком, в вас пробуждалась их древняя сила. И мой замок был недоволен этим. Но сейчас вы опять другая.

— Я не...

Вот честно — хотела признаться. Сказать, что я не принадлежу этому миру. Не маг и не айэ, а самый простой человек, но некромант опять перебил:

— Подождите. Я еще не все вам показал, вам будет легче сказать мне даже самую невероятную правду, когда вы увидите еще одну тайну Орияр-Дерта.

Глава 17

ТАЙНЫ И ОТКРОВЕНИЯ

Я была так заинтригована, что хвостиком бежала за графом — не оторвать, даже если захочет. Хотя три последних года моей жизни научили меня, что любая тайна это опасность, но все еще сильны были уроки папы: любая тайна — это информация, а информация — это власть.

После того как граф открыл тяжелую двустворчатую дверь, выглядевшую неприступно, как врата в гномье царство, путь все время вел вниз. Лестницы становились круче, коридоры сумрачнее, кладка стен грубее. Украшения и картины исчезли, лишь магические светильники вспыхивали под низкими сводами, освещая грубо выбитые на камне орнаменты, и гасли, стоило пройти под ними.

Мы углублялись в запретную часть замка. Воздух здесь был сухой и теплый, и мне казалось, откуда-то доносится гул и лязг, как от огромного цеха с работающими машинами. Граф замолчал, прислушиваясь к гулу, но меня снедало жгучее любопытство.

— Милорд, а почему Тиррина так поступила с башней? За что она мстила?

— Я отказался жениться на ней. Она была еще ребенком. Маленьким, кошмарным, безумно прекрасным чудовищем.

Мне показалось, что он произнес это с горечью. То есть, если бы не характер, он купился бы на красивенькое личико? Самое невероятное за этот безумный день, — я почувствовала укол ревности. Да ну, не может быть! Это не я. Это кто-то из моих девочек, точно.

— Но вы же потом согласились жениться!

Мы спускались по крутой лестнице, и я удерживала подол платья одной рукой, а другой цеплялась за перила.

— Только потому, что Тиррина полностью лишилась магии и навредить уже не могла. И только по приказу короля. Я тоже хотел отомстить. — Шедший впереди некромант резко остановился и развернулся, и я оказалась на пару ступенек выше его, мои глаза встретились с острым, как кинжал, стальным взглядом. Мне даже явственно послышался лязг оружия. — Я хотел запереть Тиррину в Безумной башне. Я хотел, чтобы она каждой частицей когда-то прекрасного тела почувствовала, что натворила. И чтобы ее черное сердце дрогнуло и

раскаялось.

Я содрогнулась. Безумная башня — очень точное название. Светлые Небеса, как хорошо, что я сбежала! Разве он стал бы разбираться, что в теле его невесты — другой человек? Я бы с ума сошла в *такой* тюрьме.

— Но я... но вы же со мной такого не сделаете, милорд? — непроизвольным умоляющим жестом я сложила ладони лодочкой.

— Вы — не Тиррина, — дрогнули в улыбке его губы. — Хотя, признаюсь, в первый день я с трудом удерживался, чтобы не поселить вас в Безумной башне. Но, к моему изумлению, вас приняло сердце Орияр-Дерта, вас приняли люди, маги и полукровки Орияр-Дерта, и это настолько расходилось с моими подозрениями, что я не мог не заинтересоваться феноменом. С Лаори-Эрлем не спорит даже его хозяин.

Он продолжил путь со словами:

— Ну вот, мы почти пришли.

А я, все еще ошеломленная его намерением, пусть неосуществленным, сунуть меня в кошмарную башню, сделала шаг вперед, забыв и о подоле, и о перилах. И, конечно, по закону подлости наступила на край платья и свалилась, ударившись правым виском о перила.

Если бы не «вьюнок», в тот момент все мои проблемы закончились бы вместе с жизнью. Но мне показалось, мое невидимое украшение выставило все листики, лапки, или что там у него было, и создало амортизационную подушку, не дав моей голове коснуться металла. Но треск явственно послышался, и висок взорвался болью.

— Осторожно! Почему с вами вечно что-нибудь случается, мэйс? — рыкнул некромант и, подхватив меня на руки, пронес по лестнице, прислонил к стене и, ухватив пальцами за подбородок, приподнял голову. — Сильно ударились? Вроде целая...

Мою голову покрутили вправо-влево. Граф нахмурился:

— Плохо. Блок треснул!

— Какой блок?

— Который я ставил Тиррине, когда Зим разбудила ее сущность айэ.

Я вспомнила разговор между некромантом и менталистом: «На ней два замка, запирающих друг друга. Две силы, переплетенные, как борцы на ринге. И напряжение такое, что если снять один замок, второй ее сразу уничтожит. Они уравнивают и блокируют силу друг друга».

Что ж они такие хрупкие замки ставят?!

— И что теперь будет? — спросила я. — Я умру?

— Кто из вас? — фыркнул Ворон. — В вас оказалось даже не две, а три силы, мэйс. И третья, появившаяся недавно, подтачивала мой блок,

пока он не стал хрупким. Это наверняка сила айэ Тайры. Я не мог ее учесть, как вы понимаете. Стойте спокойно, я попытаюсь укрепить.

Он наклонил мою голову так, что она уперлась в его плечо, а обе ладони положил на волосы, чтобы крепко удерживать затылок и массировать большими пальцами мои виски, словно ввинчивая в них что-то невидимое.

— Что-то не сходится, — нахмурилась я, чувствуя себя все более странно. — Если две силы были в Тиррине, одна в Тайре, то как же я?

— Не разговаривайте, мэйс, вы мне мешаете.

Но меня что-то тянуло за язык:

— А почему вы за последнюю пару часов ни разу не называли меня по имени?

— Потому что я не знаю, с кем последнюю пару часов разговариваю.

— Я сошла с ума? Да?

— Нет, такое раздвоение сил и даже сознаний случается у магов, особенно у менталистов, но меня вы сейчас точно с ума сведете, если не замолчите.

— Я почему-то не могу молчать. Мне кажется, если я замолчу, то забуду ваш язык. Я его три года учила, старалась, когда попала в ваш мир и изображала потерю памяти. На самом деле моя память никогда не терялась. Только Тайра пыталась ее заменить своей. Ведь личность — это и есть память, так ведь? А вы можете называть меня Тамара. Это мое настоящее имя. Или Тома.

В страхе, что чертов блок треснул и меня опять захлестнет чужая воля и память, сметая и стирая мою личность, мою жизнь, я говорила и говорила, захлебываясь словами и чувствами.

О том, как очнулась от жуткой боли в чужом мире, чужом доме, чужом теле; о том, как боялась, что сошла с ума; как задыхалась от отчаяния и бессилия что-либо изменить, от невозможности вернуться домой.

О том, как до истерики боялась магов, как ненавидела опекуна, барона Гинбиса, его сальные взгляды, его потные руки на своем плече и горле, его мамашу, топтавшую мое достоинство и гордость каждый день.

И о том, как каждую ночь просыпалась от кошмара, что настоящая хозяйка этого тела Тиррина Барренс пришла, чтобы вытряхнуть из него мою душу, как мусор из корзины. О том, как ненавидела чужое лицо в зеркале и понимала, что ничего, ничего не исправить и никому невозможно рассказать и тысячной доли того, что я пережила за эти годы.

А теперь еще Тайра Вирт, как будто мало мне леди Тиррины.

Рассказывая, я не заметила, что лорд давно обнял меня и прижал к

своему плечу, а второй рукой просто поглаживал мои волосы, успокаивая.

Наконец я устала говорить, отстранилась от такого твердого, надежного, располагающего к рыданиям плеча, нашарила в кармане платок, вытерла слезы и высморкалась.

— Простите, милорд. Я не лгала вам, я действительно не графиня. Но получается, моя душа каким-то образом вселилась в ее тело, и меня теперь казнят.

— Если узнают.

Я подняла на него глаза и попятилась бы, если б не стена, оказавшаяся за спиной. Его лицо было смертельно бледным, глаза — грозowymi, почти черными, а желваки на скулах ходили ходуном. Но это была не ярость, а какая-то сумасшедшая боль, словно ему хотелось крикнуть, но он не мог.

— Вы мне верите, милорд?

Он прикрыл глаза, глухо выдавил:

— Да. Верю.

Некромант, отступив назад, вдруг сел прямо на каменный пол, не боясь испачкать роскошный графский наряд, и оперся спиной о стену. Потом вытянул руку, и под его ладонью образовалось темное облачко, уплотнявшееся с каждым мгновением, пока не превратилось в шелковую диванную подушку с кисточками по углам.

— Присядьте. Мне нужно подумать, да и вам прийти в себя, прежде чем мы попадемся кому-то на глаза... Вы ни в чем не виноваты, Тома. Это я. Только я виноват. Судя по вашему рассказу, это я убил Тиррину.

И тут я окончательно успокоилась, хотя, наоборот, бежать надо подальше от маньяка!

— Я слышала, Тиррина задохнулась при пожаре, как и вся ее семья, — сказала я. — Разве это вы подожгли дом?

Он сцепил длинные пальцы на колене согнутой ноги, а вторую расслабленно вытянул. Похоже, разговор будет долгим.

— Нет, не я. Но тело без души — это труп. А если есть труп, есть и преступление.

— Даже если это самоубийство?

— Это не было самоубийством. Когда я ставил Тирре блок, она была еще жива, и она была Тиррой. Душа покинула ее тело либо во время моего плетения, либо после. Она потеряла сознание, а пришла в себя уже в лечебнице. Я присутствовал в тот момент, но вы не помните, наверное. Зато помню я. Уже тогда было слышно два магических эха. Но я счел, что это две замкнутые друг на друга силы мага и айэ.

— То есть она не выгорела, как мне говорили, а это вы лишили ее

магии?

Он прикрыл глаза.

— Да. Магии. И, получается, жизни.

— Милорд, я, конечно, не маг и ничего в ней не понимаю. Но айэни Зим говорила мне: магия — это душа. Но если бы душа Тиррины исчезла из моего... из ее тела, то блок разрушился бы сразу? И ваш блок, или, как вы говорили, двойной щит, — я коснулась своего правого виска, — мне кажется, он не мог бы защищать то, чего нет, если он настроен на магию, а значит, на душу Тиррины. Может быть, она не мертва, и ее душа еще здесь, но заблокирована?

Некромант в задумчивости погладил подбородок.

— В этом есть резон, но проверить я могу, только сняв блок. Но это опасно для вас. Как на это отреагирует Лаори-Эрль, нетрудно предсказать: он попытается выкинуть Тиррину. А покидать замок вам запретил король. Что ж, придется получить от него разрешение.

Я струхнула, честно скажу.

— Но вы говорили, что никто не узнает!

— Мэйс, — укоризненно протянул лорд. — Никто, кроме короля. Я обязан ему рассказать о своем преступлении. До сего дня Артан думал, что я виновен лишь в том, что лишил магии преступницу.

— Преступницу? Но меня не содержали под стражей!

— Вы были под домашним арестом, но мягким. Вашему опекуну запрещено было говорить об этом, лишь наблюдать и ограничивать ваши передвижения. Тиррина Барренс обвиняется в том, что это она подожгла загородный особняк отца и убила свою семью и два десятка слуг. Возможно, случайно. Но так как считалось, что она потеряла память, то есть по сути личность, казнить ее невозможно. Потому она была оставлена под наблюдением.

Хорошо, что я успела сесть на подушку. Голова закружилась, к горлу подступила тошнота. Со мной происходило что-то жуткое, словно кто-то рвался изнутри, выворачивал наизнанку, пытался взорвать мозги. И у этого «кто-то» было имя.

— Вам плохо? — встревожился некромант. Подтянул к себе мою подушку, и я, не удержавшись, свалилась ему на колени. На лоб и затылок легли большие прохладные ладони, и сразу стало легче. А его голос стал мягким, обволакивающим не хуже бинтов: — Полежите так, Тома. Я не целитель, но тут он и не нужен. Сейчас вам станет лучше. Вот так.

Его ладони становились прохладнее с каждым мгновением, и это была божественная прохлада лесного ручья, омывавшего невидимыми струями и

уносившего боль.

— Я укрепил блок. И мне все больше кажется, что вы правы: именно этот блок запер не только магию, но и душу Тиррины. И тогда у нас появится возможность допросить ее и установить степень вины. То, что она виновна, не подлежит сомнению: нашим менталистам удалось снять слепки памяти у трех свидетелей, прежде чем они умерли. И есть еще моя память свидетеля, хотя я опоздал остановить обезумевшую девчонку.

Как ни плохо мне было, но я сумела вычленить самое важное для себя:

— Но если вы снимете блок и вернете душу хозяйки этого тела, я... я исчезну?

Он задумался на минуту, но вынужден был признать:

— Да. Вы исчезнете. Из этого тела точно. Но я не уверен, что вы вернетесь туда, откуда была выдернута ваша душа. Это, кстати, отдельное дело для разбирательства. Я уверен, что тут еще одно преступление... Так вот, такой уверенности, что вы окажетесь в своем мире и в своем теле, живой и здоровой, у меня нет. Очень высока вероятность, что ваша душа развеется в небытии или не сможет найти путь через Небеса и вы умрете, Тамара. И это будет убийство. А на это я никогда не соглашусь. И без меня блок никто не снимет. Вам легче?

— Спасибо, значительно.

Я поднялась, опираясь на его руку. Он тоже встал, окутал себя на миг туманным облачком, забравшим с его одежды пыль и каменные крошки. Такую же процедуру проделал со мной.

— Тогда я все-таки покажу вам то, что намеревался. Или можно перенести на завтра.

— Нет уж, давайте сейчас. Я что, зря мучилась и откровенничала?

Улыбнувшись и придерживая за локоть, некромант провел меня дальше по коридору, завершавшемуся, на первый взгляд, тупиком.

— Наденьте повязку. — Некромант провел рукой по боковой стене и открыл нишу, в которой на полке стояла корзина с плотными повязками. А я-то думала, зачем эти тряпки закупаются в мастерских по изготовлению артефактов храма Светлых Небес? Протянув мне эластичную повязку, сам Ворон ничего не взял, а в ответ на мой подозрительный взгляд сказал: — Я маг, и я привычен к тому, что вам откроется.

Повязка оказалась странной. На вид плотная, а словно чулок на голову натянула: все видно, только в черной дымке.

— За стеной — крупный артефакт, — пояснил граф. — Приготовьтесь к тому, что зрелище будет яркое и необычное. Все вещи и существа проявят свою тайную сторону.

— Это как тот золотой амулет, который вы на меня надевали, когда проверяли на наличие демонической сущности? — догадалась я.

— Верно.

— И это тоже будет проверка? — припомнила я слова короля, подслушанные мной. «Причем, Дэйтар, твоя кандидатура должна быть проверена так же тщательно, как предыдущие, — твердо сказал король. — Ни капли демонической крови!»

Сердце почему-то екнуло.

— И это верно, — подтвердил Ворон мои догадки. — Через артефакт проводят всех моих вассалов, слуг и невест. Готовы?

— Подождите, милорд. Тогда в чем же тайна, если о ней многие знают?

— Но вы-то не знаете. И я обычно не сопровождаю никого, кроме... невест. Вы увидите мою тайную сущность.

— А... — Я на миг растерялась. И стало грустно. Значит, он, несмотря ни на что, все еще рассматривает Тирру как свою невесту. Эх его приспичило с женитьбой! — Спорим, что это будет Ворон?

Сероглазый лорд неожиданно рассмеялся:

— Вы мне нравитесь, Тома. Не знаю, какова ваша внешность, но ваша душа мне нравится. Вы интересны.

С этими словами Ворон коснулся стены, преграждавшей коридор, и из-под его пальцев заструилась светящаяся вязь узора.

А я даже обиделась. «Вы интересны» всего лишь. Как необычная зверушка. Нет чтобы сказать «вы прекрасны». Или хотя бы «вы умны».

В следующий миг мне стало не до глупостей: стена растворилась, и лорд, подхватив меня под локоть, шагнул в огромный, ослепительно светлый зал. Если бы не повязка, я бы осталась без глаз.

В центре высоченного зала с исчезающими в перламутровой дымке сводами парил необъятный прозрачный кристалл бриллиантовой огранки. Его грани переливались невозможными цветами и оттенками, отражая то ли себя, то ли лившиеся откуда-то солнечные, закатные и звездные потоки света.

Он был невероятно прекрасен. Так, что у меня захватило дух и брызнули слезы от его невозможной, феерической красоты. Я знала, Лаори-Эрль, что ты именно такой. А твоя оправа — это то, что наверху. Весь замок, весь Ориар-Дерт.

Как замороженная, я обошла хрустальное сердце, вспыхивающее всевозможными цветами, а потом мой взгляд опустился, и я увидела Ворона.

Это был словно удар под дых. Я забыла дышать, а сердце биться.

Нельзя быть таким. Вот нельзя — и все. Это бесчестно по отношению к несчастным смертным девушкам, совсем не богиням.

Забудьте все, что я говорила об изысканной утонченной красоте и харизме Леголаса-Артана. И если я восхищалась силой и мужественностью генерала Шармеля, то лишь по неведению. Мне не с кем было сравнивать.

Сейчас на меня взидало божество.

Освещенный ярчайшим светом, Ворон казался совершенной скульптурой, вылепленной из белоснежного мрамора и ярко-черного антрацита. Если кто-то возразит, что черный цвет не бывает ярким, это нонсенс, тот не видел блистающих распахнутых крыльев Дэйтара Ориара. Они источали мрак. Они ослепляли. Они казались острее бритвы и смертоносней урагана.

Если Тиррина хоть раз видела Дэйтара таким, я понимаю, почему она свихнулась от любви. До того, как я увидела Ворона, я не понимала, что такое мощь, заключенная в совершенное мужское тело. И что такое мужская красота.

Особенно когда эта красота взирает не с ожидаемой снисходительностью, а с немым восхищением на такую невзрачную, скромную и совсем небожественную экономку.

Но чем больше я восторгалась, нарезая круги вокруг замершего лорда, тем сильнее он хмурился, а сияние его глаз омрачалось.

— Послушайте, мэйс, — не выдержал он наконец. — Я не чучело, чтобы смотреть на меня с таким выражением, словно собираетесь ощипать. И даже не боевой петух.

Очень даже боевой.

— Вы лучше, — кивнула я, пытаясь потрогать опасное перо в потрясающем крыле.

Оно судорожно отдернулось, а на пальце остался легкий порез, хотя я могла поклясться, что между ним и пером оставалось еще сантиметров десять.

— Осторожно! — запоздало предупредил Ворон. — Их нельзя трогать. Ну вот, порезалась!

И статуя пришла в движение, заиграв каждой искрой на перьях. Сильная рука перехватила мою и осторожно поднесла к губам. Ласковый язык слизал алую капельку, а в серебряных глазах мелькнула алая искра. Царапина мгновенно затянулась, а мягкие губы поцеловали исцеленный палец. Боже, почему только какой-то палец! Я хочу попробовать его губы на вкус. Я хочу почувствовать под ладонью его литые мышцы и...

С трудом отведя глаза от его вспыхнувших, словно он читал мои глупые мысли, очей, я попыталась отойти, но Ворон не пустил. Я решительно высвободила руку.

— Я вам неприятен, Тома?

Крылья слегка поникли.

— Вы волшебны, милорд. Но у меня... — чуть не сказала привычное «обет», но вовремя спохватилась. — Я не признаю мезальянсов. Вы — второе лицо в королевстве и сильный маг. Я — простая девушка с Земли. Даже не маг. У вас есть все, у меня — ничего, даже тела. Вы сейчас поцеловали мою руку, но это не моя рука, а Тиррины. Сама мысль об этом меня ужасает, если вы можете это понять.

— Причина вашей холодности только в этом? Вас не пугает мой вид?

— Восхищает, — честно призналась я, слегка удивляясь, с чего бы такому шикарному мужику напрашиваться на комплименты.

И Ворон весь как-то сразу потускнел.

— Это в вас душа Тиррины говорит, — поморщился он. — Только ее приводили в восторг безобразные когти и ужасные смертоносные крылья. А еще шлем в виде клюва, когда я надеваю боевые латы.

Ногти действительно слегка длинноваты, но только на больших пальцах, и это еще не когти. Когтями неудобно меч держать, а клинок висит у Ворона на поясе. И почему мне не показали клюв? И получается, лорд Дэйтар уже приводил сюда Тиррину. А так как она не вассал и не служанка, привести он ее мог только в качестве невесты.

И еще получается, что, какую бы истину ни показывал Лаори-Эрль, каждый все равно увидит только то, что сможет или захочет увидеть?

— Вы поэтому отказались на ней жениться, что увидели ее сущность?

Лорд кивнул, рассыпав по плечам черные перья волос.

— Да. И позвольте мне не рассказывать, что я увидел за ее прекрасным лицом. Но Безумная башня — отражение ее сущности.

Что ж, понятно. После этого отказа девчонка и сорвалась. Гордость не выдержала.

— Но ведь ей еще не было пятнадцати!

— Это был предварительный сговор. У магов считается, чем раньше произойдет наречение, тем лучше для адаптации магии.

— Но я не вижу ни клюва, ни когтей, — призналась я. — Крылья действительно смертоносны, но я всегда любила холодное оружие. У папы целая коллекция старинных мечей, и на некоторых есть похожие рисунки, как на ваших стальных перьях.

— Они не стальные. Я не смог бы взлететь с такой тяжестью, —

усмехнулся Ворон. — Нам пора возвращаться, мэйс Тома. И пусть для других пока все останется по-прежнему. Вы — Тайра Вирт, экономка и любительница боевых петухов.

И, похоже, боевых воронов.

— А какой вы увидели меня? — осмелилась спросить я, когда мы уже вышли из зала и начали подниматься по лестнице, той самой, где меня свалил приступ откровения.

— Я обязательно вам расскажу все в подробностях. Потом. А пока признаюсь: это было завораживающе, и я готов смотреть на вас вечно, — ответил граф, и голос его улыбался, и мне почему-то стало так тепло, что я перестала бояться завтрашнего дня, королевского суда и расселения душ из нашего коммунального тела.

Глава 18

ДЕТЕКТИВНАЯ

На ужин я не пошла — отрубилась, стоило моей голове коснуться подушки. Единственное, на что меня еще хватило в этот вечер, — принять ключи у горничной Ании, страшно оскорбленной отставкой, и отдать их Белинке, пребывающей на седьмом небе от счастья. И все.

Ночью мне снился генерал Шармель, отбивающийся от стаи воронов, и я сочувствовала бы герою, если бы он не тащил за руку упирающуюся меня и не орал слоган бразильского сериала:

— Тайра, любимая, только смерть разлучит нас!

Черные птицы загнали нас в болото, и мы начали бесславно тонуть.

Проснулась я от жуткой вони.

Так как шторы я поленилась задернуть, а новая горничная еще не была обучена своим обязанностям, алый рассвет словно залил комнату кровью. Жуткое зрелище, учитывая светящихся под кровавыми лучами инкрустированных скелетиков на мебели. Вышитые черепа на балдахине тоже светили глазницами и радостно скалились. Все. Решено. Пока меня не казнили, приведу этот склеп в божеский вид.

Но откуда такой мерзкий трупный запах?

Накинув халат на сорочку, я распахнула плотно закрытую дверь, вышла в гостиную и обомлела: роскошные белые лилии покрылись дурно пахнущими черными пятнами.

— Белинка! — позвала я и бросилась раскрывать окна настежь.

Девчонка спала на диванчике тут же в гостиной. Вчера мы решили, что она поселится в комнатухе, отведенной под гардероб секретаря, ведь моя пара платьев поместится и на вешалке в спальне, а у девочки появится собственная комнатка с окном. Переезд был намечен на сегодня.

Но девочка не откликнулась, ее голова была обморочно запрокинута.

Я вылетела из помещения, как была, в халате поверх сорочки, растрепанная и босая, и бросилась в покои дворецкого. Какое счастье, что он живет в этом же крыле! На стук дедушка Энхем открыл не сразу.

— Что случилось? — зевая в кулак, спросил старик, завязывая пояс на халате. Его бакенбарды забавно топорщились, как у кота.

— Белинка в обмороке! Скорей! — выпалила я и потянула старика за рукав. — И еще там цветы дохлые!

Бряк! На пол выпал амулет в виде черной звезды. Я наклонилась поднять, но жесткие как гвозди пальцы впились в мое плечо.

— Не трогать! — рявкнул дворецкий отнюдь не старческим командирским тоном. — С ума сошла, хватать все, что упало из рук мага!

Он сам подобрал амулет, как-то хитро нажал на звездные лучи, и по замку прокатился тревожный гул.

Через минуту в моей гостиной было не протолкнуться от лекарей и магов-охранников, перевернувших мои покои вверх дном в поисках злодейских амулетов. Цветы унес лично его невыспавшееся сиятельство, и выражение его недовольного лица стало весьма злым, когда он, скользнув взглядом по моей полураздетой фигуре, жавшейся у стеночки, прорычал:

— Оденьтесь, мэйс! У вас обет!

Это не Ворон, это звероптиц!

Я запахнула халат на груди поплотнее и все равно не ушла — дождалась, когда маг-целитель Эмилус с облегчением выпрямился и сказал:

— Ничего страшного. К счастью, это не проклятие сомнамбулы. Всего лишь простое сонное заклинание. Наверняка для того, чтобы девочка не помешала цветочки испортить. Выспится она, и никаких последствий не будет, кроме жажды. А вот на цветах, мэйс, было очень нехорошее проклятие. Надеюсь, вы их не трогали?

— Не успела. Я не люблю лилии в букетах, у них слишком сильный запах.

Дворецкий, уже успевший облачиться в привычную ливрею, поднял бровь.

— Что? — нахмурилась я.

— Видите ли, мэйс Вирт... — Мэйстр Чесс отвел меня в кабинет, подальше от чужих ушей. — Вчера я не придавал значения словам генерала, но, когда я провожал его к порталу, лорд Норис, сравнивая вас с прекрасной невинной лилией, обмолвился, что вы обожаете эти цветы.

— Меня? С лилией? Какая пошлость! Боюсь, мои вкусы сильно изменились после всего, что со мной произошло.

И попробовал бы кто поспорить. Знал бы папа, в кого превратилась его любимая и единственная дочурка и какие жуткие платья носит. Но ведь не поспоришь же о вкусах с целым магическим миром.

— Так цветы — подарок лорда Нориса?

— Нет, мэйс. Он был под непрерывным наблюдением, как и любой посторонний человек в замке, еще не принесший клятву верности нашему лорду. Но его слова могли услышать Лин и Ания, мы прошли мимо них. Думаю, его сиятельство быстро установит виновника. Отравленные лилии

— это серьезное покушение. Точнее, предупреждение вам, ведь их отравили глубокой ночью, когда все уже спали, кроме стражи, и вы в том числе.

— Предупреждение?

— Если бы вам действительно хотели нанести вред, то нанесли бы. Охраны в ваших покоях нет, а дверь даже на щеколду не закрывается. У Лин появились серьезные причины избавиться от вас.

Мне, избалованной детективными сериалами, показалось, что слишком быстро нашли виновницу. На Лин очень удобно свалить любое преступление, учитывая наш конфликт в первый же день моего здесь появления.

— Какие причины?

— Вас водили к артефакту Лаори-Эрля, но клятву служения вы не принесли. Значит, вас проверяли как потенциальную невесту.

— Почему вы решили, что я не принесла клятву?

— Она приносится в присутствии свидетелей, — чуть заметно улыбнулся старик. — Вассалы лорда должны знать, кому можно доверить спину.

— А Лин приносила клятву?

— Да, еще старому графу Ориару, и подтвердила, когда титул перешел его сыну.

— То есть кто-то клятвопреступник?

— Вы еще не считаетесь частью Ориар-Дерта, которому мы все храним верность.

— А Белинка считается?

— Тоже нет. Она еще мала для клятвы, за нее отвечает ее мать.

— Значит, это клятвопреступление против ее матери и, следовательно, против лорда Ориара?

Бинго! Старик ошеломленно моргнул и согласился.

— Получается так. Мэйс, вы не подумывали о карьере следователя?

— Подумаю, обязательно подумаю, — улыбнулась я.

— Учтите, что наш хозяин как раз занимается особыми расследованиями. Он же Черное Око его величества. Если вам не по вкусу придется работа экономки, советую подумать о карьере в его ведомстве Королевского Темного дознания.

— Непременно, дедушка Энхем, непременно.

Интересно, почему он так хочет избавиться от меня?

«Убийца — дворецкий», — опять вспомнилось мне знаменитое изречение. Не может быть, хотя его разговоры все подозрительнее.

Очередное испытание? Ведь при этом каждую ставку старик делает в мою пользу, и вроде бы взял меня под свое покровительство, если верить Белинке.

— Скажите, мэйстр Чесс, а у кого еще могут быть ключи от моих покоев? То есть от покоев бывшего секретаря?

— У графа и у меня, — вздохнул дворецкий. — А вы где храните свои ключи?

— От входной двери — в замке, остальные — здесь, в кабинете. — Я выдвинула ящик и замерла. Ключей не было, ни одной связки. Подняла глаза на старика. — Их нет. Получается, букет был отвлекающим маневром? Либо ключи могли взять во время утреннего шмона, либо вытащить из шкатулки в спальне, куда я прятала их, после того как застучала Анию роющей в бумагах секретаря.

— Кто-то сильно невзлюбил вас, мэйс. Так сильно, что не боится лишиться места.

Или считает, что сможет взлететь очень высоко. Кто-то, кто убирает любых конкуренток на место графини, даже потенциальных. Опять Лин? Но некромантка, как и все остальные, думает, что Тайре Вирт тридцать лет. Если бы не вчерашний визит к главному артефакту Лаори-Эрля, никто бы и не подумал, что я могу быть потенциальной невестой графа. Но кто-то узнал и подумал.

Решение пришло внезапно.

— Мэйстр Чесс, я хочу поговорить с мэйс Игви.

— С ней сейчас разговаривает его сиятельство. — Энхем дотронулся до серьги с чеером, показывая, откуда у него сведения.

— Тогда скажите мне, кому из девушек еще не исполнилось двадцати пяти лет?

— Осталось семеро. Лин, Ания, этих вы знаете. Еще горничная Дана, дочь нашего мясника.

— Это такая черненькая скромница? — уточнила я.

— Она, да. Еще Сара, дочь старшей прачки и стражника, помогает матери. У нее уровень не выше бытовой магии. Сирота Олла, она немного не в себе с детства, ухаживает за животными и птицами, ходит за Лин, как собачка. Тиа, дочь архивариуса, она следит за оранжереей, лучшая подружка Лин, но к букету не причастна, ее допрашивали, еще когда выясняли, кто обокрал оранжерею. И Белинка.

Много. Хотя блаженную Оллу и маленькую Белинку можно сразу исключить. Первую потому, что женой графа, Черного Ворона его величества и прочая, может быть только умственно и физически здоровая

девушка, а Белинку — только потому, что она еще ребенок. Вряд ли граф извращенец, инстинкты у него вполне здоровые, а жениться ему надо до осени.

— Тогда у меня еще вопрос, дедушка Энхем. А кто убирает апартаменты на четвертом этаже? Кто меняет там свежие цветы в вазах, воду в кувшинах, приносит еду, вино и протирает бокалы?

Дворецкий, почесывавший в этот момент бровь, замер в нелепой позе. Потом качнул головой:

— И откуда только... Ладно. Моя жена там прибирает.

За всю неделю я ни разу не слышала о мэйстрес Чесс.

— В списках горничных ее нет. — Я недовольно скрестила руки на груди.

Энхем вздохнул:

— Я вам больше скажу, Тайра. Ее нет в списках живых. Моя Дженни уже несколько лет как умерла, но она служит Ориар-Дерту и после смерти. Больше я никому не могу доверить такое ответственное дело, как королевские апартаменты. Но именно потому, что она покойница, воду в вазах меняю я. А также приношу еду и питье. Ну а цветов там нет.

Как же нет, когда в разбитой мной вазе был букет свежих цветов?!

— Скажите, а дочка архивариуса — тоже маг? — спросила я, не выдав своего волнения. — Просто я ее еще ни разу не видела.

— Да, но ее магия очень слабая.

— А ее тоже проверяли артефактом?

— Не как невесту. Она приносила присягу графу, когда ей исполнилось шестнадцать, возраст ответственности. Мэйс, у меня такое чувство, что я на допросе, — нервно усмехнулся дворецкий.

Это он у наших менеджеров по персоналу ни разу собеседование не проходил.

— Так ведь покушение, кража ключей...

— Я уже сообщил хозяину. — И снова легкое прикосновение к щеке. — О ключах не беспокойтесь. Это же Лаори-Эрль. Тут не мастеровой замки меняет, а само здание, хотя не быстрое это дело. Это же надо вырастить новые замки, ключи, защиту. Лорд скоро освободится и пригласит вас на завтрак.

Завтрак? Хоть что-то хорошее с утра. Старик привстал, собираясь сбежать, но я положила ладонь на его коричневую морщинистую руку:

— Еще вопрос, дедушка Энхем. Почему так важно, чтобы лорд Ориар женился до двадцати пяти лет и чтобы его жена была не старше?

Старик упал обратно в кресло, нервно глянул в сторону распахнутой

двери в гостиную, где в одиночестве спала Белинка. Его голос упал до шепота:

— Вы же были вдвоем у артефакта, Тайра. Вы видели Дэйтара в правдивом свете сердца Лаори-Эрля. Видели сущность хозяина Ориар-Дерта. И еще спрашиваете?

— А... и что? — растерялась я.

— Разве вы не поняли, *кто* наш хозяин и *кому* мы тут дали вассальную клятву?

Так-так... Вот и очередные попаданческие грабли. То есть коренной житель мира Айэры или даже подданный королевства Риртон должен сразу опознать сущность некроманта? Это что-то настолько известное, сидящее в природе каждого тут рожденного?

Тогда это либо мифы, либо религия. Я видела у Дэйтара черные крылья. Демон? Но такие же существа — на фресках и картинах Лаори-Эрля, и они же сражаются с демонами не на жизнь, а на смерть!

А еще я помнила из книжки мифов в библиотеке Тиррины, что только у демонов брачные традиции вертятся вокруг рубежа в двадцать пять лет — время магического и полового созревания расы Нижнего мира.

— Лорд Ориар — демон? — почти беззвучно спросила я.

Старик наклонился ко мне и так же тихо ответил:

— Еще нет. Но может им стать. Все Ориары издревле прокляты демонической кровью. Остановить перерождение может только смещение с расой людей, если оно случится до инициации демонической магии.

Вот почему король требовал тщательной проверки невест на демоническую кровь.

— А если с айэ? — спросила я.

— Половина на половину. Может быть, демоническая капля крови победит, может, наоборот. Нельзя рисковать. Но айэ вечно стремятся подсунуть своих смесок на ложе Воронов. Вот и с леди Тирриной не все чисто было.

— Зачем им нужно, чтобы хозяин Ориар-Дерта переродился в демона?

— Чтобы столкнуть с людьми. Война за территорию и магические ресурсы, мэйс. Потеряв Ориар-Дерт, люди получают войну на поверхности. Уже не просто вылазки, а настоящие боевые действия. Впрочем, вряд ли девушкам интересны темы войны.

Нет, когда это не касается собственной жизни и жизни семьи и детей.

— Но я тогда не понимаю, почему король не уничтожил Ориар-Дерт и его хозяина? Зачем ему рисковать? Ведь лорд бывает при дворе один, безоружный.

— Это невозможно, Тайра. Вы действительно не знаете историю, но вам простительно. Откуда в приграничной глуши школы? Спросите у его сиятельства. Думаю, он расскажет вам больше. Тем более он вас приглашает к столу.

До моего приезда, как мне однажды шепнула кухарка Шой, граф быстро завтракал либо в постели, либо в кабинете и довольствовался каким-нибудь бутербродом с местным аналогом кофе — тонизирующим и освежающим напитком из зерен чинфы, из-за чего Шой вечно расстраивалась.

Но вот уже неделю как Дэйтар требовал завтрак в малую трапезную.

Теперь полудемоница была страшно довольна переменами. Я столкнулась с ней перед дверями трапезной. Судя по обилию блюд, парадному серебру и вышитым вензелями салфеткам, в замке ранние птицы высокого полета.

— У нас гости? — спросила я.

— Ох, мэйс! И какие! — Толстушка сделала страшные глаза. — Сам король!

Твою ж налево! А я одета как... как старая дева, работающая экономкой у некроманта. Хорошо, что фартук не надела. Заправив за ухо выбившуюся из узла прядь, я вошла в зал, из-за широкой спины главповара оценивая обстановку.

— А вот и главное блюдо! — воскликнул граф, мрачный и нахохлившийся.

Не буду спрашивать, что он имеет в виду, но явно не содержимое подноса Шой.

Король действительно присутствовал и выглядел таким же мрачным, как Ворон, и это ему совсем не шло.

— Мэйс Вирт, сядьте напротив, — приказал его величество, по этикету сидевший на хозяйском месте во главе стола. По местным традициям, король везде хозяин. Абсолютная монархия. А учитывая, что государь сильный маг, то его власть незыблемая. Из летописей в библиотеке графа Барренса мне помнилось, что династия Энжо не прерывалась никогда, как у японских императоров.

Похоже, я останусь без завтрака. Невозможно жевать, когда тебя пристально рассматривают звериные янтарные глаза на эльфийски прекрасном лице иномирного короля — чувствуешь себя алчным животным у корыта, как бы изящны ни были манеры. И я решительно намазала масло на булочку и вонзила в нее зубы, мысленно посылая королей и эльфов к черту. Неприлично смотреть на жующую женщину, есть

в этом что-то интимное. Хватит с меня того, что два лакея во все глаза пялятся и ловят взглядом каждое движение: не переменить ли блюдо, не подлить ли в чашку чинфы. Шой тоже стояла у стеночки в ожидании вердикта ее стряпне. Дворецкий с бутылкой в руках ждал, когда господа изволят откусать винца. Удивительно, насколько замашки господ одинаковы в столь разных мирах!

Король, наблюдавший за мной, улыбнулся и отвел глаза. Отведал блюдо и кивнул:

— Великолепно, мэйстрес Шой! Сегодня ты превзошла сама себя.

Кухарка, смотревшая обожающим взглядом на жующего мужчину, расплылась в улыбке, даже стали видны небольшие клычки.

— Мой подарок в твою коллекцию, мэйстрес Шой. Свежайшая чеканка с изображением битвы при Ансере. — Государь положил на блюдечко золотую монету.

Граф процедил:

— Я вижу, вы не оставляете надежды перекупить моих верных слуг, ваше величество.

— Зачем? — усмехнулся светловолосый интриган. — Всякий слуга вассала — слуга короля.

И такой красноречивый взгляд бросил на меня, что озноб пробрал. Вот, значит, как. А в моем мире это называется деспотизмом.

Через пять минут сосредоточенного поглощения пищи в полном молчании Артан Седьмой положил приборы на тарелку, которая тут же была унесена расторопным слугой. Граф сделал знак, и зал покинули все слуги, включая дворецкого и исключая меня.

Артан пригубил чашку с ароматным напитком и приступил к допросу:

— Мэйс Вирт, позвольте вас пока называть привычным уже именем, пока вы не смените внешность.

— Как вам будет удобно, мой государь.

— Я получил подробный доклад от лорда Орияра, можете не утруждать себя повторением, мэйс. Расскажите о мире, откуда вы... переселились.

Начинается. Нет, ничего он не услышит о техническом превосходстве нашего оружия, потому что сомневаюсь я, что техническая цивилизация превосходит магическую в плане массовых убийств. И таких замков, как Орияр-Дерт, у нас не строят. Правда, мы ездим не на лошадях (точнее, четвероногих аналогах, напоминающих лошадей), летаем в космос и чатимся во всемирной паутине, но вряд ли я смогу рассказать о технологии производства космических кораблей или компьютеров больше, чем

нарисованная ребенком картинка.

Я за три года жизни в магическом Средневековье, с его королями, заколдованными клинками и пульсарами, давно выработала стратегию поведения на случай, если откроется правда. Но, конечно, не рассчитывала, что рассказывать придется «детектору лжи», потому ответила максимально обтекаемо:

— Он почти такой же, как ваш, сир, но с одним очень существенным различием: у нас нет магии.

— Как так? Совсем нет?

— Совсем. У вас тоже встречаются люди, рожденные без искры дара. У нас все люди такие. А демоны и русалки считаются выдуманными сказочными персонажами.

— Повезло вам! — вырвалось у короля.

— Да, в этом отношении нам проще... и сложнее. Потому что за неимением (или за истреблением?) демонов и айэ, то есть общего врага, люди воюют друг с другом.

— Ваша цивилизация настолько агрессивна?

Я пожала плечами:

— Даже животные дерутся за территорию. Это вопрос выживания. Против собственной природы очень сложно устоять. Для обуздания животных страстей и инстинктов у нас существуют религии, но и они развиваются вместе с отношениями между людьми. От поклонения камням и грозам до поклонения единому божеству, создателю Вселенной.

— Это все интересно, — заскучал Артан Седьмой, — но мы о наших культурных различиях и сходстве поговорим позже. Сейчас меня интересует вопрос: вы точно не демон?

— Насколько мне известно, нет.

Пауза, пока венценосный блондин просвечивал меня янтарным рентгеном, показалась слишком длинной.

— Вы не лжете, мэйс Тамара, — разлепил он плотно сжатые губы. — Но и всей правды не говорите.

— Спрашивайте, и я отвечу, сир.

— Мудро. Ведь чтобы спрашивать, нужно знать, о чем. Что ж, я люблю сложные головоломки. Тем ярче и острее ощущается победа.

Это прозвучало настолько многозначительно, что лорд Ориар возмущенно каркнул, то есть кашлянул.

— Кхм, ваше величество...

— Дэйтар, мы трое можем обойтись без церемоний. Нас роднит исключительность. Ты — Черный Ворон, мои крылья, мой темный брат,

единственный, кому я доверю спину. Мэйс Тамара — единственное под нашими небесами существо из другого мира. Дарую ей право обращаться наедине на «ты». До сих пор Ориар-Дерт был единственным местом в мире, где я мог быть свободным от условностей, и я хочу, чтобы это место таким и оставалось. Но я хочу знать, что представляет собой Тамара. Я хочу видеть ее сущность.

— Нет! — резко возразил лорд Дэйтар.

— Ты возражаешь королю? — вскинулась золотистая бровь Артана.

— Ты определись, кто ты в этих стенах, король или брат, — криво усмехнулся Ворон. — Очень сложно, знаешь ли, ежесекундно просчитывать, слетит голова с плеч за дерзость королю или ты ограничишься братским похлопыванием по плечу, в крайнем случае разборкой на мечах.

Лицо Артана окаменело. Скомканная салфетка полетела на пол, напомнив, как легко слетают отрубленные головы по высочайшему повелению.

— Мне казалось, мэйс Тамаре больше нечего скрывать? Чем еще она может меня удивить? — процедил его величество.

— Помнишь, я говорил о тройном эхе? Для тебя не будет истинной картины, сплошная интерференция. Ты не сможешь применить ментальный фильтр, чтобы разобраться в том, что представляет сущность самой Тамары. Поэтому для тебя будет совершенно бесполезно смотреть на нее сейчас, даже артефакт Лаори-Эрля не поможет, потому что ты — не я. Вот если ее душа найдет собственный сосуд, тогда тебе будет явлена истинная ее сущность. Что возвращает нас к проблеме, как распутать этот клубок.

Спокойная речь некроманта оказала на правителя волшебное действие. Морщина на лбу разгладилась, жесткие складки у губ смягчились. Святые Небеса, а ведь он совсем не уверен в себе, — поразила меня догадка. Он, похоже, вечно соперничает с Вороном, с собственной правой рукой! И эта слабость вдруг свела блистательного светловолосого мужчину с недосягаемого пьедестала безупречности и сделала его ближе и понятнее.

— Да, — прошептала я. — Верните меня домой, пожалуйста.

Янтарные глаза блеснули насмешкой:

— Вам так у нас не понравилось, мэйс? Вы в своем мире тоже обладали высоким титулом и состоянием, как графиня Тиррина Барренс? Или, может быть, как почтенная дама Тайра Вирт, унаследовали баронский титул Ортегов, как их единственная выжившая родственница, и огромную, хоть и пограничную территорию с четырьмя крепостями, на восстановление которых мое казначейство выделило баснословную сумму?

Поздравляю, Тайра! Если я правильно понимаю, ты уже оправдана и обласкана королевскими милостями. Ай да генерал Шармель! Тут явно без него не обошлось.

— Простите, сир! — Я решила быть предельно откровенной, будь что будет. — Простите, но и вам вряд ли бы понравилось, если бы вас выдернули из родного мира, где вы были единственным ребенком довольно состоятельного человека. Если б вас лишили дома и даже тела и поместили в обгорелый полутруп. А потом, едва ваши маги нарастили кожу и вернули человеческий облик, едва вы приняли происходящее разумом и не сошли с ума, даже выучили язык, вам бы еще и чужую душу подселили, и дали понять, что вы — не более чем пустая кукла, которой могут играть все кому не лень. Ручаюсь, вам бы это не понравилось в любом мире и с любым титулом.

Ястребиные глаза короля наконец моргнули. Он откинулся на спинку кресла, побарабанил пальцами по подлокотнику, являя собой образец монаршей задумчивости и величественности.

— Что ж, я понял. Вашей вины в случившемся нет, это я вижу. Но, чтобы понять, как ваша душа попала в мир Айэры, нам нужна ваша помощь. Мои маги могут посмотреть вашу память и понять больше, чем вы сами сознаете. Такое бывает. Если в вашем мире был проведен черный ритуал, они это тоже поймут. Дэйтар, я думаю, вы с магистром Нейсоном справитесь. Затем попробуем понять, убил ты Тиррину Барренс или нет.

— Боюсь, для того, чтобы это понять, придется снять блоки. Это может убить мэйс Тамару.

— В нашем мире, — возразил король. — Но, возможно, это единственный способ отправить ее душу домой, в родное тело.

— И как мы это узнаем? — скептически скривил губы некромант. — Она здесь три года, Артан. Тело без души — это труп.

— Или кома.

— Если их мир такой магически отсталый, вряд ли там умеют отличать кому от смерти. Ее тело могли похоронить, и оно давно... стало непригодным для возвращения души.

— И как мы это узнаем? — повторил слова Ворона король.

Граф Ориар не успел ответить. Открылась дверь, и вошел дворецкий с подносом в руке, на нем лежали связки ключей. Поклонился.

— Простите за вторжение, ваше величество. Нашли, ваше сиятельство.

— Я не сомневался, потерять такую вещь мог только *не-маг*, — улыбнулся граф. — Где их спрятали?

— Хорошо спрятали, милорд. Зарыли на скотном дворе. Да еще и

завернули в ткань-невидимку, попытались сбить со следа. Но работал непрофессионал и оставил следы.

— Ну? — нетерпеливо спросил лорд.

— Вести сюда или в кабинет?

— Ведите сюда! — по-хозяйски распорядился заинтригованный король. Любопытство у него явно мальчишеское.

— Это мое личное дело, сир, к государственным вопросам никак не относится.

— Судя по ключам, они еще вчера висели на поясе особы, ставшей делом государственной важности. А все, что ее касается, это уже не ваше личное дело, граф, — парировал Артан и подсластил пилюлю обаятельнейшей улыбкой.

Дэйтар устало махнул рукой, и дворецкий, приоткрыв дверь, позвал:

— Сэр Кенз, ведите сюда.

Мой зеленоглазый партнер по нелегальному бизнесу был непривычно суров. Он крепко держал в руках извивающуюся девушку. Увидев Ворона и короля, она перестала вырываться и бухнулась на колени.

Глава 19

КРЫСА В УГЛУ

— Ания... — негромко сказал Ворон, но так пронизывающе, что мне словно наждаком по душе провели. Умеет он виртуозно владеть голосом, не хуже, а то и лучше короля. — Зачем? Это же глупо!

Она заплакала.

— Это не я, милорд! Не я, клянусь!

Лорд бросил взгляд на короля, тот утвердительно кивнул, мол, не лжет девушка, и Ворон перевел требовательный взгляд на дворецкого.

— Следы точно принадлежат мэйс Ании, — сказал старик. — В этом нет никаких сомнений, милорд.

Ания дернулась и отчаянно затрясла головой:

— Не я! Я сразу ушла во флигель вчера, как ключ от покоев отдала госпоже экономке. Я была очень расстроена отставкой, но никогда бы не пошла на такое. Я же клятву верности приносила милорду!

— Три мага засвидетельствовали улики против мэйс Ании, — спокойно произнес мэйстр Чесс. — Она была ночью в покоях госпожи экономки. Мы нашли остаточные, еще не остывшие ее следы в кабинете, затем ее же следы на почве, что по времени совпадает. Следы на ткани, в которую были завернуты ключи. Она ее держала в руках. Но, милорд, тут мутное дело. Во-первых, замок был словно ослеплен на полчаса примерно. Или усыплен. В точности так же, как бывало перед появлением очередной сомнамбулы. Во-вторых, очень уж небрежно все. Непрофессионально.

— Вызови магистра Нейсона, Энхем, — приказал некромант. — Тут требуется менталист.

Дворецкий, поклонившись, вышел за дверь. Ания и стороживший ее Кенз остались.

— Ментальный удар? — предположил король. — Девушку использовали вслепую?

— Нейсон выяснит точно, действовала ли она по своей воле или по приказу. Но Орияр-Дерт защищен от ментальных атак извне, — ответил граф.

— Только извне?

— Если и есть крыса...

— А она есть, Дэйтар, — сощурился король. — И три года ты не

можешь ее поймать, что странно для королевского Черного Ока. Очень странно для мага твоего уровня. Может, ты не так сильно и хочешь ее ловить?

— Она очень осторожна, сир, а я не всемогущ. Но если и есть крыса, то у каждой девушки есть амулеты, которые они должны носить не снимая. И они работают, за последний год никто не пострадал от проклятия сомнамбул. Я только не понимаю цели последней атаки. Какой смысл в краже ключей? Как только их касаются чужие руки, то есть не руки мэйс Вирт, замки перестают открываться этими ключами. Ими нельзя воспользоваться. Глупость какая-то. Другое дело проклятие, наложенное на лилии. Но мэйс Ания не могла это сделать, она не темный маг.

— Какое проклятие? — немедленно заинтересовался государь.

— Очень хитрое. На первый взгляд, к цветам применено проклятие ускоренного гниения. Это вызвало бы фурункулы и язвы по телу, если коснуться лепестков. Но оно было применено для того, чтобы букет взяли в руки, дабы поскорее выбросить. И тогда сработало бы другое заклинание, сидевшее в чашечках цветов. И вот оно очень странное и сложное. С ним я еще не разобрался.

Дэйтар отвел взгляд, а у меня почему-то возникло стойкое ощущение, что он сейчас соврал. Королю. А это может только очень сильный маг. Превосходящий даже правящего монарха. У Артана, кстати, похожее чувство тоже возникло, судя по напряженным скулам.

— Дэйтар... — почти прорычал он.

— Не до конца разобрался. Торопился встретить вас, сир, — невозмутимо отвечивал некромант. — В любом случае крыса активизировалась и начала действовать нестандартно, и это хорошо. Может, она начнет делать ошибки.

Бледная как смерть Ания не смела и звука из себя выдавить, так и стояла на коленях, глазки в пол. Я тоже старалась не отвешивать, но меня мучила неотвязная мысль. Я была солидарна с королем в подозрении. Как, имея такую магическую мощь, такой замок, как Ория-Дерт и его чуткое сердце Лаори-Эрль, выявляющее сущность, как до сих пор не разгадана загадка сомнамбул и то ли погибших, то ли исчезнувших невест? Ох, темнит Ворон. Уж не в том ли дело, что он на грани измены королю? Уж не хочет ли он сам, чтобы его демоническая сущность проснулась, и потому избегает женитьбы?

Мне катастрофически не хватает информации. Как только выпустят, рвану в библиотеку, а еще лучше, допрошу дедушку Энхему. Под нашим тройным обаянием, девочки, он точно не устоит!

— Начнет делать ошибки, — задумчиво повторил король, глядя почему-то на меня. — Я тоже не понимаю смысла, зачем понадобилось демонстративно красть ключи и проклинать цветы. Кому помешала мэйс Вирт? Если это месть, то за что? Это как-то совсем по-детски, не находишь?

Ответной реплике графа помешал менталист Нейсон, вошедший вместе с дворецким. Пока маг раскланивался, я обдумывала еще одну догадку. Наверняка в теле Лаори-Эрля есть короткие ходы! Ну не может старик Энхем сгонять на всех парах к главному порталному залу, чтобы встретить гостя и вернуться назад уже с ним так быстро.

Как же много секретов! Бесит!

А уж как мне сэкономило бы время и насколько меньше было бы мозолей на ножках, если бы меня посвятили в эту тайну. Как домоправительница, имею право знать. Вот старшая горничная Тимусия, похоже, знает, потому что вездесуща, как пыль.

— Ради Светлых Небес, избавьте меня от зрелища допроса, — заявил король, поморщившись.

Кенз увел подозреваемую, за ними отправился лорд Орияр и его менталист.

Мы с королем остались наедине, если не считать дворецкого. И тут король приступил к тому самому допросу, о котором я только что мечтала. Хороший мальчик, умничка.

— А скажи-ка мне, мэйстр Чесс, — спросил король, — кто из девиц не приносил лорду Орияру клятву верности?

— Мэйс Вирт, — усмехнулся вредный старик уголком губ.

— Хм... А зачем тогда он водил ее к артефакту? Ах, Ворон... — ухмыльнулся король, словно поймал птичку на воровстве зерна. — А из тех, кто давно в замке?

— Все дети возрастом до шестнадцати лет, в том числе Белинка, и душевнобольные, с этих клятвы брать бесполезно.

— Душевнобольные... А вот тут мы еще не искали, не так ли?

— Насколько мне известно, нет. Блаженные под защитой Небес, их нельзя допрашивать.

— Глупости и суеверия! — сверкнули янтарные глаза. — Судя по всему, такие больные есть даже в Орияр-Дерте?

— Да, мой король. Девица Олла, сирота. Она как раз душевно больна, но лучше нее никто не обходится с животными. Природный дар. Она и говорит с ними на их языке. И лает, и ржет как лошадь, и хрюкает. Они ее понимают и слушаются, как никого больше. Да и болеть меньше стали.

— И как давно эта девица в замке?

— В Орияр-Дерте, сир. Через порог Лаори-Эрля она не переступала. Слишком грязна, мыться не хочет, вся в песьей слюне и шерсти. Стража ее не пускает. Она живет в лачуге у псарни, не хочет никуда переселяться. А появилась тут пять лет назад, еще до смерти старого графа, сразу после того, как он привел в замок мэйс Игви. Олла прибилась к деревне, там ее увидел кто-то из стражников и привел в замок показать целителю, а потом она так и осталась.

— Тому самому целителю, который лечил отца Дэйтара? И который бежал после его смерти к демонам?

— Так точно, сир, тот самый.

— И после ее никто не смотрел?

— Нет, сир. Нужды не было. Телом-то она здорова как бык. Живет и живет, никому не мешает, наоборот, пользу приносит, как может. Зверушек любит да еще некромантку нашу Лин обожает. Так та нутром тоже зверь.

— Это воспитанница старого графа?

— Она самая, сир.

— Помню эту историю. Залог за нее был баснословный. Рекордный.

Дворецкий виновато развел руками, но многозначительно так усмехнулся:

— Так ведь вернул граф почти все деньги. Оказалось, девочки, за которых Лин тогда глотки господам порвала, были похищены. Вот их отцы и отблагодарили ее, а уж она сумела как-то графа упротить, чтобы деньги эти взял. Не любит она в долгу оставаться.

— И это помню, — с легким недовольством произнес король. — Опять просить за эту женщину будешь, Энхем? Не будет ей помилования. Дворянская кровь — не вода. И казнить за преступления не ее прерогатива, а королевского палача.

Дворецкий молча поклонился. Давний у них, видать, спор. Однако... Вот посидишь так тихонько, прикидываясь обивкой кресла, и откроются интересные вещи. А Лин у нас, оказывается, заступница. Правильно поступила. Хотя... помиловал бы ее король, а? И в замке без нее спокойнее бы стало.

— Позови лорда Орияра, мэйстр Чесс. И передай, чтобы стража привела эту вашу загадочную Оллу. Посмотреть хочу, действительно ли она такая блаженная, что и допросить нельзя.

Дворецкий, поклонившись, попятился к двери, но король остановил его:

— Воспользуйся чеером, магистр Энхем. Ты ведь все равно передаешь

каждое наше слово своему господину, не так ли?

Магистр! И почему я не удивлена? Разве может на такой должности быть какой-нибудь завалящий маг? Экономка вот только подкачала.

— Нет, сир, простите, но не передаю. — Старик отрицательно качнул головой, и его рука потянулась к серьге со встроенным некромантским «мобильником».

— Минутку, — прервал его Артан Седьмой. — Тогда еще вопрос, магистр, — прежде чем позовешь лорда Орияра. Уверен ли ты, что Дэйтар все еще предан мне?

Дедушка Энхем прямо побелел от негодования.

— У меня нет в этом никаких сомнений, государь!

— Ступай, пожалуй, магистр Энхем. Проследи, чтобы Оллу не спугнули. Ваша блаженная не должна ничего заподозрить.

Откланявшись, дворецкий наконец нас покинул, оставив меня на растерзание ястребу. Ничего, нас, Коршуновых, даже ястребами не запугать.

Отмерев, я поднесла к губам чашку из тончайшего фарфора. Правда, тут он назывался фьирл, но не суть важно. Почти все названия мой мозг успешно адаптировал к привычным земным.

— Как вам понравился Лаори-Эрль, мэйс?

— Он прекрасен.

— А его хозяин?

— Я не обсуждаю качества моих работодателей, сир. Это не принято в моем мире.

— А вы бы хотели видеть лорда Орияра не как работодателя, а как мужа?

Я отставила чашку — рука дрогнула. А король-то времени не теряет. И дворецкого выставил.

— Я бы хотела вернуться домой, сир. Стать собой. Это единственное желание, которое я полностью могу считать собственным. В остальных не могу быть столь уверена, пока моя душа соседствует с чьей-то еще.

Король кивнул, принимая сказанное.

— Ваше возвращение и в моих интересах, мэйс Тамара. Вы тут чужая, вы внесли хаос в привычную для меня картину мира. Я даже не поверил сначала Дэйтару, решил, что переутомление плохо сказывается на его разуме. Но потом вспомнил легенды об иных солнцах под иными небесами. Хотя логичнее предположить, что вы проникли к нам из Нижнего мира и захватили разум леди Тиррины. Боюсь, все священство храмов Темных Небес так и подумает. Ваше возвращение, до того как слухи о вас

просочатся за пределы Орияр-Дерта, избавит нас от конфликта с этими влиятельными силами.

— Я понимаю. Так вы меня вернете или просто... изгоните мою душу из чужого тела?

Артан облокотился на стол, сложил перед собой ладони домиком, слегка пружиня подушечками пальцев. Мой папа тоже любил так делать, говорил, что так ему лучше думается.

— Вы поставили нас перед сложным выбором, мэйс, — вздохнул король. — Жизнь Тиррины — это с большой вероятностью ваша смерть. Мне бы очень не хотелось причинить вам вред и тем более лишать жизни. Вы не преступница, вы жертва обстоятельств. Но ваша жизнь — это смерть графини Барренс. А нам нужно вернуть Тиррину, убедиться, что она в здравом уме и памяти, и допросить, чтобы установить степень ее вины в тяжком преступлении. Она не должна остаться безнаказанной, если совершила его сознательно.

— Простите, сир, но я не понимаю, почему вы стали инициатором брака леди Тиррины и лорда Дэйтара Орияра, если она и преступница и айэ?

— Мы считали, что Тиррина стала пустым листом. Айэни Зим клялась, что ее бывшая ученица выгорела как айэ и кровь чиста. Оставалась еще сырая магия, запертая блоком Дэйтара, но потомки Тиррины уже не наследовали бы силу теневого народа. Графиня Барренс, как мы ее представляли после катастрофы — потерявшая память о прошлом, но умная и быстро обучающаяся высшая аристократка, свободная от семени айэ, носительница силы человеческой магии, которую передала бы потомкам. Идеальные оковы для Ворона, — усмехнулся король.

— Оковы?

Артан поднялся с кресла. Мне пришлось тоже встать, но он махнул рукой, жестом разрешая мне сесть, и отошел к окну.

— Видите ли, мэйс Тамара. Наш мир устроен так, что равновесие держится только благодаря одной точке — аномалии, где создан Орияр-Дерт. Когда-то это были врата, охраняющие вход в Нижний мир. Сейчас это — щит, защищающий Верхний мир от Нижнего. Но всегда, от начала веков это было гнездо Ворона. Могущественного, мудрого, древнего демона, душа которого вселяется в старшего потомка крови, когда приходит время его демонической инициации. В час, когда ему исполняется двадцать пять лет.

Вот этот ужас я могла понять как никто другой. Жить под угрозой исчезновения и знать, что в двадцать пять ты умрешь. Не телом, а душой.

— Вам это знакомо, мэйс Тамара.

— Да, — хрипло сказала я.

— По законам демонов, если случится «падение крови», то полной инициации не произойдет. Как и в предыдущих поколениях Орияров, после пленения будет лишь частичная.

— Простите, сир, я не расслышала. Вы сказали — пленения?

Король, стоявший вполоборота, бросил на меня слегка раздраженный взгляд.

— Ах да, все время забываю, что вы не знаете и не понимаете важнейших вещей, которые держат наш мир. Да. Пленения. Демон Хаор был пленен моим предком, первым королем Риртона, и убит, а его сын, рожденный от сестры короля, стал первым графом Орияром и вассалом убийцы своего отца. За эту присягу он был проклят демонами. Они провели обряд, и его результат теперь аукается во всех поколениях...

Короля прервал резкий голос, раздавшийся от двери:

— Я бы хотел сам рассказать это мэйс Тамаре.

— У тебя была такая возможность еще вчера, — огрызнулся Артан, — но ты решил не пугать девушку. Пикантность еще в том, мэйс, что Хаор был не только главой рода Воронов. Он был правителем всего яруса, или, как они называют, сферы Суаф, граничащей с нашим миром. И если Хаор прорвется, то разрозненные сейчас и соперничающие родовые круги обретут повелителя и объединятся. И тогда — месть и война. А между тем снять родовое проклятие просто: достаточно Дэйтару правильно жениться. На девушке, не имеющей демонических предков и ни капли их проклятой крови.

— Разве таких мало? — не выдержала я.

— Да полно! Но будущую хозяйку должен одобрить этот демонов замок, чтоб ему провалиться! — Король раздраженно шлепнул ладонью по подоконнику, и камень спружинил, как резиновый. — Он, видите ли, куда разборчивее даже жениха, и таких девиц нашлось всего три, не считая вас. Но тех уже не вернуть, а в вашем случае мы не знаем, на кого среагировал Лаори-Эрль. Или он издевается, или решил вернуть Хаора любой ценой.

Дэйтар, замерший в дверях, привалившись к косяку и сложив на груди руки, насмешливо фыркнул:

— Не обижай Лаори-Эрль подозрениями, иначе он тебя не впустит, или не выпустит, или опять пакость подстроит в виде лужи собачьей мочи на твоём любимом ковре. Кстати, о псах и их подружках. Зачем ты приказал поймать и связать нашу безобидную сироту Оллу?

— Интуиция. Но я не приказывал ее связывать.

— Теперь вся псарня рычит и воет. Впрочем, тебе это лучше увидеть самому.

Скотный двор находился довольно далеко от Лаори-Эрля. Если выйти через флигель для слуг и свернуть налево, то нужно пройти через ряд приземистых зданий — кухню, оранжерею и птичник. Дальше была псарня.

Собачью истерику стало слышно, едва мы вышли из защищенного здания. Вой, лай, рычание. Издалека доносились ржание, блеяние и хрюканье. А птичник сотрясаясь от гвалта и гортанного клекота.

Мы бы оглохли, если бы лорд Дэйтар не накастовал полог тишины, куполом накрывший наш небольшой отряд, но и сквозь него проникали особенно оголтелые вопли.

От вида местных петухов я впала в ступор и поняла, почему в королевстве Риртон не развилась традиция петушиных боев. Ну, это как если бы кто-то решил заработать на орлиных боях. Эти птицы не были домашними.

Даже король замер на миг, проходя мимо вольеров с сетками, на которые бесстрашно бросались красивые яркие птицы, пытаясь порвать препятствие острыми когтями и перекусить зазубренными клювами. А еще они орали. Не кукарекали.

— Э-э-э... Дэйтар, зачем тебе петухи? — изумился Артан. — Это же опасные хищники!

Упс! Опять перевод подкачал! Я не знала, куда деть глаза, когда граф, насмешливо на меня покосившись, невозмутимо ответил:

— Для опытов, сир. Я нашел дрессировщика.

— Хотелось бы мне посмотреть на этого смельчака.

Миновав беснующийся птичник, мы вышли к псарне. Там, в круге сорвавшихся с поводков собак замерла живописная группа из десятка рыцарей и магов. Рыцари держали связанную по рукам и ногам девицу, маги держали круговую оборону от своры, пытавшейся разорвать их в клочья.

Лорд Дэйтар, оттеснив короля, вышел вперед и вскинул руки. Из ладоней волной выплеснулась тьма, в которой застревали и вязли несчастные животные. Кашляя, повизгивая, они пытались отползти и застывали в самых нелепых позах, с оскаленными мордами и остекленевшими глазами. А пленница начала отчаянно извиваться и скулить.

Собачек было невыносимо жалко, но король, удивительным образом

поняв мое состояние, придержал шаг и шепнул, интимно опустив обращение «мэйс»:

— Не жалейте, Тамара. Их уже убили, их преданные собачьи души были мертвы. На них навесили заклинание бешенства и дали почуять человеческую кровь. Очень, очень интересные тут душевнобольные девицы...

Еще движение ладоней некроманта — и светящаяся голубым электрическим светом стена отсекала нас от остального мира, оставив пустой плацдарм величиной со спортивный зал в нашем универе.

Олла, перестав извиваться, угрюмо смотрела исподлобья. Она была очень рослой, неуклюжей и неимоверно сильной. Я видела однажды из окна, как она удерживала под уздцы неукротимого жеребца. Кудрявые нечесанные волосы свисали ей на лоб, на щеке виднелись полосы грязи. Девушка всегда была лохматой и грязной, но животные, с которыми она возилась с утра до ночи, не обращали внимания на ее внешность.

— Почему ты это сделала, Олла? — спросил граф, показывая на мертвых псов.

— Ты сделал! — прохрипела она и сплюнула на землю. — Песики меня защищали, а ты их убил, мерзкий Ворон!

Правитель Риртона наклонился вперед, глядя на пленницу хищным ястребиным взором, пока Дэйтар ее допрашивал. Олла отрицала причастность к ключам, лилиям и всему на свете, кроме песиков, которых самозабвенно оплакивала, непрерывно воя. Ужасное зрелище.

Наконец король вспомнил, что именно он приказал задержать девушку, и спросил:

— Откуда ты пришла в Орияр-Дерт, Олла?

— Из деревни.

— А в деревню откуда?

— Из деревни.

— Как она называлась?

— Не знаю.

— Врешь! — Королевское слово прозвучало хлестко, как пощечина.

Дэйтар коротко выдохнул, и еще одна голубая полусфера мгновенно сплелась в полушаге впереди, отгородив короля, ну и меня, оказавшуюся за его спиной. Маги, державшие пленницу, усилили на ней плетения, хотя кое у кого в глазах читалось недоумение и сочувствие. Олла взвизгнула и тут же захныкала.

— А мне лгать в глаза могут только очень сильные маги, Олла. — Спокойный голос короля легко перекрыл шум. — Неужели ты настолько

сильна, чтобы противостоять королевской магии, дарованной Светлыми Небесами? Для этого нужно быть либо избранницей Темных Небес, либо демоном. Так кто ты?

— Сирота я, — заныла Олла.

— Демоница?

— Не-э-эт!

— Она блаженная, сир, — не выдержал кто-то из магов.

— Она такая же блаженная, как вы или я, — фыркнул король. — Граф, наденьте на нее амулет распознавания.

Олла, увидев уже знакомый мне амулет в руках некроманта, оскалилась, и вдруг заговорила четко, по существу, отбросив маску деревенской дурочки:

— Остановись, Ворон. Олла — не демон. Олла — всего лишь мой голос. Если ты наденешь на меня эту штуку, ты не услышишь мой голос. Ты легко вычислил Анию, потому что я этого хотела. Но ты ведь хочешь узнать, кто усыпил замок? Кто проклял цветы двойным проклятием? Это сделала Лин. А знаешь, кто насылал проклятие сомнамбул на всех, кто начинал строить тебе глазки, надеясь на роль постельной грелки? Она же. Но ни один амулет не заподозрит лжи, когда Лин Игви начнет отрицать это. Как и Ания, она не будет лгать. Прости их, они не ведали, что творили по моему приказу.

— Кто говорит твоим голосом, Олла? — перебил король.

Девушка перевела на него пустой взгляд.

— Ты, король, дурак, если думаешь, что вживленный тебе осколок Ока Истины откроет эту самую истину. У тебя все равно нет глаз, чтобы ее увидеть. — Отвернувшись, Олла снова уставилась немигающими черными глазами на некроманта. — Нижний мир ждет тебя, Великий Ворон. Твои земли, твои души, твой трон. Ни одна девка Верхнего мира не взойдет на брачное ложе Дэйтара Орияра. Это я, твоя истинная невеста, устраняла их — соблазняла, уводила, убивала и преображала, — и буду сметать их, как сор. Ты не будешь принадлежать никому, кроме меня.

Граф брезгливо поморщился. Действительно, жутко было слышать столь смелые и уверенные заявления из уст уродливой грязнули. Но я не сдержала смешка, когда представила стильного и готичного Дэйтара Орияра, идущего под венец под руку с замарашкой. И мертвые псы сопровождают молодоженов к брачному ложу. Брр.

Мое веселье не осталось незамеченным. Черные и пустые, без всякого выражения, как у говорящей куклы, глаза Оллы обратились на меня.

— А ты умрешь еще до вечера, чужачка, — прошипела чудовищная

девица. — Не знаю, как ты проникла в Верхний мир, как нашла дорогу в Ориар-Дерт, но твои глаза не увидят заката под его небом.

Воспользовавшись тем, что внимание Оллы отвлечено, Дэйтар приблизился и накиннул на ее шею амулет.

По ушам ударил крик, Олла рванулась, четверо державших ее магов отлетели в стороны, как брызги воды с отряхивающейся псины. А через миг жутковатая собачница треснула, как глиняный кувшин, и разлетелась на мелкие осколки, некромант едва успел выставить третий щит, чтобы его и магов не посеколо крошевом. Упавшие на землю глиняные осколки тут же истлели, напомнив мне происшествие с моим подвенечным платьем.

— Святые Небеса! — пробормотала я. — Что это?

— Это голем, — пояснил король. — Дрянь дело. Его хозяина не найти, связей не отследить. Голем был лишь исполнителем и передатчиком ментальных приказов. Хитро. Очень хитро. Дорогой граф, это непростительная оплошность. Столько лет держать под боком говорящую куклу и даже не заподозрить!

Дэйтар, наблюдавший за магами, которые деловито чистили площадку от праха и собачьих трупов, дернул плечом, ответил отрывисто:

— Что ж, признаю. Моя вина. Я должен был чаще бывать тут и проверить не только тех, кто жил и работал непосредственно в Лаори-Эрле.

— Нужно проверить сомнамбул и некромантку.

Граф коснулся своего чеера.

— Уже проверили. С Лин все нормально. Все сомнамбулы спят. Думаю, теперь девушки проснутся.

— Я бы на это не надеялся. Кукловод недосыгаем. И наверняка демоны успели подготовить либо нехороший сюрприз, либо другую куклу, иначе не раскрыли бы эту, постарались спрятать. Впрочем, для всех в замке мой приказ задержать Оллу стал неожиданностью, вот они и не успели. Поэтому выжали из ситуации все, вплоть до угроз. Не бойтесь, мэйс, — Артан Седьмой одарил меня благосклонным взглядом, — мы сделаем все, чтобы защитить вас. И лучшей защитой будет отправить вас домой.

Некромант мгновенно развернулся.

— То есть как — домой? — заломил он черную бровь. — Зачем? Я понимаю, генерал Шармель будет счастлив возвращению мэйс Вирт, но форпост Счастливая Подкова еще не отстроен заново. И у мэйс договор.

Я едва удержалась, чтобы не напомнить этому чернокрылому его недавние слова, что договор недействителен, поскольку я — поддельная мэйс Вирт.

— Ты прекрасно меня понял, лорд Ориар, — недовольно прищурился

король.

— Недостаточно хорошо, но уместнее будет продолжить разговор не здесь, ваше величество.

Граф указал на Лаори-Эрль. И процессия отправилась обратно. Король и некромант шествовали впереди, перебрасываясь колкими репликами, выдававшими бурное детство в одной песочнице, а я тащилась сзади хвостиком, совершенно убитая. Закат так близко, и не важно, что еще утро, начавшееся так рано и так бурно.

Глава 20

ПОЛЕТ КОРШУНА

У вольера с петухами нас поджидал Кенз. Он согнулся в поклоне, пропуская короля с некросвитой, потом пристроился рядышком со мной в качестве охраны, и я поневоле замедлила шаг, посматривая на удаляющиеся высокородные спины.

— Кенз, это что за петушиных выроdkов ты притащил? — спросила я, чтобы отвлечься от мрачных мыслей.

— Что значит — выроdkов? — немедленно возмутился рыцарь, почуяв радостную пикировку. Видимо, тоже хотел развеять тоску, в какую вогнало нас утреннее происшествие с вражеским големом, замаскированным под душевнобольную девушку. — Это отличные петухи. Лучших отбирал! Самых зверюг! Знаешь, какая это редкость?

— То есть они бывают нормальной величины и не зубастые?

— Бывают, но нам такие не нужны.

— Ладно. Выживу — разберемся, — махнула я рукой.

Тоска не развеивалась. До петушиных боев я не доживу, так зачем беспокоиться?

— Кстати, на тебя уже ставки делают, — шепотом сообщил рыцарь. — И почти все — на то, что ты не доживешь до заката.

Добрые они тут, еще сильнее помрачнела я. А Кенз, оглянувшись по сторонам, совсем тихо сообщил:

— Одна только Лин поставила две тысячи золотых. Небось все накопления бухнула.

Ого! Я воспрянула духом. Ограбить Лин? Только ради этого стоило выжить!

Отставить грусть, она непродуктивна и еще ни одному делу не помогла! Одна из нас троих точно сегодня выживет. Правда, девочки? И выжившая отомстит за всех.

— Значит так, Кенз. Я пока занята, но ты в курсе, сколько денег мне передал. Ставь все золото на то, что доживу!

Потому что, если не доживу, зачем мне деньги?

— До заката или до полуночи? — уточнил первый брокер мира Айэры.

— А что, еще и по часам ставят?

— На то, что протянешь до рассвета, пока никто не ставит. Известно

же, что демоны соблазняют и убивают ночными мыслями и снами. Все сомнамбулы к утру не просыпались, и все графские невесты... короче, девушек наутро в замке уже не было.

И отвел глаза, стервец.

— Так-так, а что с невестами, говоришь, происходило?

Хитрые зеленые глаза пройдохи стали кристально чистыми и честными:

— Понятия не имею, мэйс.

Вот и меня, похоже, наутро тут не будет, опять помрачнела я. И, спохватившись, что спины моего работодателя уже давно не видно впереди, рванула догонять.

— Так мне-то что посоветуешь, мэйс Тайра? — крикнул вдогонку рыцарь.

Я притормозила на повороте.

— Раздели ставки, Кенз. Половину на одно, половину на другое.

— Так ведь тогда я точно проиграю! — почесал он вихрастую макушку. — А если я скажу, что с невестами случилось?

Не успела я порадоваться, как меня окликнул сам граф, очень-очень злой граф, вернувшийся за своей служанкой.

— Мэйс Вирт! Вы забыли как минимум о двух вещах. Во-первых, у вас рабочий день, и я плачу вам не за то, чтобы вы любезничали с моими вассалами. И во-вторых, у вас обет!

Зануда чернокрылая!

Подхватив юбки, я побежала к ожидавшему графу.

— Милорд?

Крепко сжав мой локоть, некромант повел было меня к замку, но свернул в проход между оранжереей и кухней и там прижал меня к стене.

— Только один вопрос, мэйс Тома. Что вы действительно хотите?

— В каком смысле, милорд?

— Король предлагает упростить вашу запутанную проблему. Выбросить вас из нашего мира, и не важно, найдет ли ваша душа ваше собственное тело или уйдет на Небеса. Это уже будет не его головная боль.

— Но это же убийство!

— Шансы равны. Я некромант, Тома. И еще во мне есть кровь демона, и я знаю, как увеличить шансы на то, чтобы ваша душа нашла путь в ваш мир. Видите ли, Нижний мир соединяет многие миры. Нижний мир — как центр сферы Универсума, а от центра к поверхности сферы можно провести бесконечное количество прямых. Потому-то в вашем мире ничего не знают об айэ, но много знают о демонах, что наверняка есть ментальные

выходы.

— У нас преисподняя тоже считается Нижним миром демонов.

— Вот видите! Значит, я прав. Я воспользуюсь памятью вашей души, чтобы найти привязку. Но нет гарантии, что ваше тело еще живо. Совсем никакой. И тогда для вашей души не будет сосуда. Королю нужна леди Тиррина. Нужна либо для показательной казни, если она виновна, либо для того, чтобы выдать ее за меня, если она невиновна.

— Я... понимаю.

Пятьдесят на пятьдесят. Не все потеряно. Но, боже мой, как же страшно!

Если мое тело в коме, то папа ни за что его не похоронит, это я знаю точно. Он сделает все, чтобы поддерживать в нем жизнь.

— Но есть еще возможность, Тома. — Некромант раскрыл левую ладонь, в которой лежал сухой сморщенный зародыш маргиссы. — Это я получил от моего дознавателя, он занимался расследованием пропажи моей невесты, графини Барренс, в ее доме, и стащил этот боб у айэни Зим. Я пойду на сделку с древней, чтобы она помогла соединить вашу душу с маргиссой. И мы с ее помощью вырастим вам любое тело, какое вы захотите, как сейчас выращиваем тело для Тайры Вирт. Вы согласны, мэйс Тома?

— И я стану айэ? — Я смотрела на черный комочек в его ладони и всеми фибрами души понимала, что это ловушка.

— Боюсь, да. Как и мэйс Тайра. Почти стопроцентная вероятность, что вы станете айэ, ведь вы не маг, у вас нечему сопротивляться перерождению.

— И я стану как голем, так? Буду послушна чужой воле?

Черные ресницы Дэйтара дрогнули.

— Об этом я не подумал. А ведь вы правы, мэйс Тома. Мы же ничего не знаем о маргиссах, знания потеряны. А скорее всего, уничтожены. Такая вероятность есть, что вы обретете тело и магию, но потеряете свободную волю.

— Я не стану рабыней айэни Зим. Если не вернусь в свое тело, я лучше умру, милорд. — Глядя в серые глаза, я загнула его пальцы в кулак, спрятавший зародыш и надежду на жизнь в этом мире.

Вторая ладонь Ворона осторожно коснулась моей щеки, погладила кончиками пальцев.

— Я не позволю вам умереть. Верьте мне, Тома. Вы будете жить и будете свободной. Вас нельзя посадить в клетку, я видел вашу сущность. Идемте, нужно еще многое подготовить. И помните: вы мне доверяете во всем. Тогда все получится. Согласны?

И такой у него был пронзительный взгляд, что даже показалось, что его глаза стали серебристыми звездами.

— Да, — улыбнулась я.

— Вы не ответили на мой вопрос. Что вы хотите: вернуться или остаться?

Что меня тут ждет? Какая жизнь? Кем я буду? Служанкой? Рабыней? Игрушкой могучих магов и королей? Хочу домой. Если есть хотя бы один шанс увидеть дом, папу, маму, друзей, — я им воспользуюсь. А тут целых пятьдесят.

И пусть Лин подавится выигрышем. И Вороном. Ведь если Тиррину казнят, король наверняка женит этого сероглазого и чернокрылого лорда на шлюхе и убийце Лин. У них уже нет времени искать другой вариант, особенно после сегодняшнего происшествия с големом и известия, что древнему демону уже найдена невеста.

И Дэйтар выполнит королевский приказ. Ведь он здесь пленник. Обласканный милостями, осыпанный золотом и регалиями, названный темный брат короля, но пленник.

— Вернуться. — Мой голос дрогнул. Прости, Ворон. Но что я могу сделать? Я не маг.

Серебряные звезды погасли, лорд отвернулся.

— Тогда идемте, мэйс.

Удивительное дело! Как только жизнь трещит по швам, так судьба торопится открыть все двери с табличкой «Посторонним вход воспрещен».

Лорд Ориар повел меня в святая святых: полуподвальный этаж с лабораториями, куда запрещен вход всем слугам под страхом немедленной смерти и превращения в зомби. Об этом напоминали два мертвых пса, охранявших массивную железную дверь. Еще две собаки застыли неподвижными статуями внутри помещения — большого мрачного холла с низкими арочными сводами.

Типичная приемная некроманта, пустая, но впечатляющая. По левую руку — конторка, по правую — длинный стол из темного дерева с каменной столешницей и желобками для стока крови, заляпанный бурыми и восковыми пятнами, на стенах — полки, прогнувшиеся под тяжестью фолиантов, черепа от чудовищных до человеческих и гроздь амулетов.

Всю свободную часть пола занимала стационарная, то есть на совесть сделанная из металла и цветного гранита пентаграмма с углублениями для свечей. Свечи самых разнообразных расцветок были сложены в шкафчике рядом с конторкой.

Сейчас на столе для препарирования трупов стоял горшок с маргиссой, а вокруг нее проводили консилиум маги, коронованные и простые.

Маргисса Тайры вымахала за какие-то сутки, ее серо-бурое тело вывалилось из горшка и лежало на столе. Впрочем, корни еще плотно сидели в земле и казались одревеневшими бугристыми щупальцами спрута. А вот тело уже пропорциями напоминало спящего, свернувшегося калачиком безликого подростка с пушком на пупырчатой голове. Выглядело все это до крайности непривлекательно. Если бы здесь был генерал Шармель, боюсь, он засомневался бы в своих чувствах.

Король мерил шагами пентаграмму и был крайне взволнован. Идеальные светлые волосы растрепались, на щеках горели алые нервные пятна.

— Наконец-то! — воскликнул он при виде меня и Ворона. — Я уж решил, что наша птичка улетела.

— Вы кого имеете в виду, сир? — Лорд поднял черную бровь.

— Мэйс Тайру, разумеется, — криво усмехнулся его величество. — Мало ли, испугалась угроз и решила покончить с собой, не откладывая до заката.

Не дождетесь. Сделав реверанс, я выпрямилась и гордо вскинула подбородок, но на меня уже не смотрели.

— Никогда еще демоны не были настроены так серьезно, чтобы не просто сидеть и ждать нашей ошибки, изредка атакуя Ориар-Дерт, но строя такие многоуровневые козни, — сказал король, прохаживаясь вдоль длинного стола. — Дэйтар, у них действительно появился лидер, вокруг которого они готовы объединиться. Возможно, это женщина. Демоница, возжелавшая захватить трон.

— Она не сможет обойти законы наследования трона. Сотни лет вместо династии Ориаров сферой Воронов правит наместник, потому что законы незыблемы.

— Она уже считает себя невестой Ворона! Ты же слышал! Причем не твоей, Дэйтар. Ты ее даже не увидишь. Ее жених — твой предок Хаор. А значит, демоны провели еще один древний обряд, воскресив древнюю сильную демоницу в каком-нибудь молодом теле. А если еще и демон Хаор воскреснет, вышвырнув душу из твоего тела, то Нижний мир вскипит. А мы не готовы. Совсем не готовы. Ты понимаешь, что у меня только два выхода, Ворон?

— Жених или убить. — Некромант скрестил руки на груди, всем своим видом показывая, что убить его будет не так-то просто.

— Ты потому и торчишь безвылазно в своем замке, после того как твоя

свадьба с графиней Барренс сорвалась? — сощурился король. — Боишься, что мне теперь проще прибегнуть ко второму варианту?

— Проще ли? Лаори-Эрль ты все равно убить до конца не сможешь, а без меня замок может решить, что Верхний свет ничем не ярче и не чище Нижнего. Это первое. Второе... Впрочем, хватит и первого. Моя смерть откроет Ориар-Дерт для демонов. Вряд ли ты этого хочешь.

Артан Седьмой, остановившись напротив Дэйтара, пару мгновений смотрел ему глаза в глаза. Прямо искры летели от напряжения между этими двумя.

— Есть способ, как убить Лаори-Эрль, Дэйтар. И я... я его...

— Ты не знаешь его. Ты хотел бы сказать, что знаешь, но у твоего дара есть обратная сторона: ты не можешь солгать, мой король. Король, которому не лгут, — это король, который не лжет. Как только ты солжешь хотя бы раз, ты перестанешь чувствовать ложь и видеть истину. Ах, прости, это же государственная тайна.

Артан перестал метать молнии из глаз.

— Не такая уж и тайна теперь. — Он обвел нас таким взглядом, словно решал, не дешевле ли прикончить свидетелей. Усмехнулся. — Ты прав, способ я не знаю. Но я знаю, как его узнать. И ты зря плохо обо мне думаешь, брат. Я забочусь о сохранности твоей же души и тела. Поэтому я предпочитаю, как и все поколения королей Риртона до меня, мирно решить проблему Ориар-Дерта. Не будем же терять времени. — Король повернулся к магам, отошедшим как можно дальше. — Магистр Нейсон, вы готовы?

— Да, сир. Ждем только команды.

— Мэйс Тамара... — Король подошел ко мне, положил руку на плечо и подвел к единственному креслу, стоявшему у стола с маргиссой. — Сядьте здесь и делайте все, что вам прикажут. Нейсон и его ученики помогут вам освободиться от присутствия чужой души. Учítывая, что мэйс Тайра вряд ли будет цепляться за ваше тело, это будет сделано быстро и без осложнений. Приступайте, магистр.

— Подождите! — Вывернув плечо из капкана королевской руки, я попыталась вскочить, но уже две тяжелые мужские ладони пригвоздили меня к месту.

— Не бойтесь, мэйс, никакого вреда мы вам не причиним. Я, как и мои коллеги, — королевское Око, блюстители закона, справедливости и чести королевства. Как и ваш лорд. Мы все — не самые последние маги на землях Айэры и знаем свое дело.

Пока менталист ласково говорил, стараясь поймать мой взгляд, двое его коллег привязали мне руки к подлокотникам, а третий взял острейший

кинжал. Это у них скальпели такие? Боже, что они собираются со мной делать? Лоботомию?

— Я верю, верю, магистр Нейсон. Я всего лишь хотела задать один важный вопрос.

— Важный? — прищурился король. Взяв стул, он оседлал его и положил руки на спинку.

— Да. Я не могу понять, зачем айэни Зим понадобились такие сложности, как перемещение души Тайры из маргиссы в меня, то есть в это тело? Зачем гонять туда-сюда душу несчастной девушки — в маргиссу, в меня, снова в маргиссу? Разве не могла она спокойно вырастить айэ на собственном подоконнике?

— Могла, — кивнул король, переглянувшись с очень напряженным некромантом.

— Но тогда айэ не попала бы в замок, так? То есть вы сейчас своими руками возродите настоящую айэ — с душой, магией и телом теневого народа — там, куда вход им был запрещен сотни лет!

Пока король задумчиво глядел на меня, маг в синей мантии, собравшийся резать мне вену кинжалом, отложил оружие, а магистр Нейсон хмыкнул:

— А ведь девушка права! Хороши же мы, что не подумали об этом.

— Я подумал, — подал голос лорд Ориар. — Но я хочу наконец выяснить, зачем айэ рвутся в Лаори-Эрль. Зачем рвутся демоны, мне понятно, изначально это их выход в мир Айэры, да и нас, Воронов-отступников, хотят наказать. Но айэ? А выяснить это я смогу, только впустив сюда одну из них под полным контролем. И не только под моим и моих магов, которые сейчас в полном вооружении ждут результатов нашего опыта, но и с помощью половины королевского совета. Сильнее магов я не знаю. Кроме того, стены и двери здесь такие мощные, что и дракон не прошибет и не расплавит. А уж то, что здесь присутствует его величество, не оставляет никаких шансов случайности.

— Получается, ты спокойно рискнул моей жизнью? — возмутился Артан Седьмой.

— Никакого риска, сир. Айэни Зим не станет рисковать леди Тирриной, которая, может быть, все еще жива в моей ловушке из блоков.

Вот ведь Ворон! Все предусмотрел. А мне, как подопытному кролику, страшно.

— А я? — с трудом узнала я свой дрожащий голос.

— А вам пора избавляться от чуждых сущностей, пока они не избавились от вас, мэйс Тамара. Помните, что вы мне обещали?

Довериться. Так трудно. Так страшно. Так непривычно. В моем мире я могла довериться только отцу, он все понимал. И все для меня делал. Как же я тебя люблю, папа. И как жаль, что я так редко говорила тебе об этом...

— Да. Помню. Хорошо, — сказала я и расслабилась.

— Приступайте, магистр Нейсон, — скомандовал некромант и встал позади меня. И я почувствовала его ладони на висках — узнала мягкое, ласкающее прикосновение его прохладных пальцев. Доверять, напомнила я себе. И без страха взглянула в черные глаза менталиста.

И провалилась.

Я падала и падала в темный колодец. Даже успела испугаться, что свалюсь прямиком в лапы демонов Нижнего мира. А потом кто-то шепнул знакомым голосом: «Лети, Тома!» И я в удивлении распахнула глаза. Как — лети? Разве у меня есть крылья?

Крылья были. Белые, с серебристо-дымчатой полосой на маховых перьях. Дивно красивые, сияющие. И они отчаянно взбивали воздух молочно-белого неба. Я таяла в этом небе, как кусочек сахара.

Стоило подумать об этом, как тот же голос рассмеялся: «Какая ты вкусная, Тома! Сладкая. Не маши крыльями и не кувыркайся. Расправь их, держи ровно. Представь, что это руки и ты лежишь на поверхности воды. И не бойся, я с тобой. Не дам упасть».

Когда я представила, что плыву в море, стало куда проще. Я почувствовала упругость воздуха, сопротивление ветра, поднимавшего мое легкое тело, и страх отпустил меня. Я закричала от радости и ощущения полной свободы.

Из горла вырвался жуткий клекот, и я опять испугалась. Ветер, только что державший меня, как надувной матрац, опрокинул мое тело, и я, сжавшись от ужаса, опять начала падать нелепым комком перьев.

«Тома! Расправь крылья! Зачем ты их сложила?»

Набежала тень, и я почувствовала, как меня хватают мощные когти и поднимают вверх. Но не успела я впасть снова в панику, как когти разжались. От неожиданности я снова раскинула руки, то есть крылья. И повисла.

Отчего я вообще решила, что падаю? Разве тут есть земля? Куда ни глянь — сияющий белый простор. Боже, где я? Неужели умерла?

Насмешливое карканье раздалось над головой, и мне пришлось лечь на правое крыло, чтобы увидеть парящего черного ворона. Огромного, раза в два больше моего нового тела.

«Просто ты еще птенец, мэйс Тома», — снисходительно отозвался

ворон.

«Милорд, это вы?»

«Дэйтар. Давай хотя бы в астральном мире не будем соблюдать правила этикета, Тома. Это смешно. Тут нет титулов, нет господ и слуг, сюзеренов и вассалов».

«Еще один мир?»

«Ты никогда не читала об астральных мирах, созданных человеческими душами? Не важно. Прими как данность».

«А зачем мы здесь?»

«Чтобы найти душу Тайры. Похоже, она прячется от нас».

Я ничего не смыслила в астральных мирах, поэтому просто решила воспринимать происходящее как очень яркое, реалистичное сновидение. А во сне возможно все, даже стать птенцом серебристо-белой птицы и научиться летать.

Сразу стало легче, крылья начали слушаться, как собственные руки, и я следовала за вороном, кружившим по расходящейся спирали. И так увлеклась, наблюдая за мощными взмахами угольно-черных крыльев, что не заметила, как местность перестала быть пустой. Появились клочки облаков, полуоформленные в диковинные образы — растения, звериные и человеческие головы или странные здания, тут же, впрочем, расплывавшиеся.

И вдруг из ниоткуда возникла железная стена, вздымавшаяся из бездны и таявшая в бесконечности. В ее угольно-черную поверхность словно был вплавлен выющийся хищными огненными плетями узор. И я мгновенно узнала этот рисунок. Точнее, его часть — «выюнок». Только тут узор был необозрим, как и оплетенная им отвесная стена, и его завитушки казались огненными протуберанцами какого-то чудовищного существа.

«А вот и мой блок. Он-то нам и нужен».

«Зачем?»

«Затем, Тома, что не случайно он тогда треснул. Кто-то помог. Кто-то попытался освободить силу айэ. Ты на это не способна, значит, это Тайра. И я полагаю, освобождение Тиррины — одна из ее целей, если не главная».

Мне стало жутко.

«Даже не думала, что айэни Зим может быть так коварна! В особняке ее все любили».

«Айэ обычно гораздо простодушнее. Но Зим настолько древнее и страшное существо, что научилась и коварству, и маскировке. Но мы не можем ее тронуть. Она жрица их главного божества или даже само божество. Ее храм многомерен, и комнатка, в которой ты пряталась, всего

лишь вход в ее настоящие владения, даже не главный. Айэ живут в двух мирах одновременно, земном и магическом, потому нам так тяжело с ними бороться и отвоевывать землю для людей».

«А зачем бороться?»

«Чтобы сохранить разум, Тома. Чтобы развивать его. Айэ были дикими полуразумными существами, не знавшими ни письменности, ни земледелия, ни строительства, ничего из того, что знают люди. Но самое удивительное, они сами же притащили на свою землю первых людей. Воевали с демонами, и в одной из битв захватили их иномирных пленников и сделали своими. А те оказались магами и отвоевали себе свободу, но вернуться на родину уже не могли. Для этого пришлось бы пройти через все демонические сферы. Так что все люди на Айэре по большому счету — пришельцы».

Это была самая странная беседа в моей не слишком длинной жизни.

Полет в безвременье.

Мысленная речь.

Ослепительная бесконечность, раскинувшаяся по правое крыло. И ошеломительный своей огромностью барьер с ало-черной хищной вязью, словно прошивающей его насквозь, — по левое. Это сколько же понадобилось мощи, чтобы его создать?

Время текло неуловимо или вовсе застыло. Оплетенная огненным «вьюнком» стена казалась бесконечной. А мы на ее фоне крохотными песчинками.

Но вдруг ворон издал радостный крик и устремился, по моим ощущениям, вниз, хотя понятия верх-низ тут были весьма условными. Мы скользили так быстро, что стена слилась в черно-багровое марево. И вдруг в нем сверкнула яркая искра.

В нашем мире ее назвали бы феей.

Стрекозиные крылышки. Огромные глаза цвета темной зелени. Слава Небесам, не фасеточные. Золотые локоны и тонкая талия. Хрупкая, как статуэтка, душа Тайры Вирт. Ничего общего с той внешностью, какой наградила меня айэни Зим.

Если генерал Шармель видел Тайру хотя бы вполовину такой, какой видела я сейчас, то понятна его страстная любовь к сироте. И понятно, почему настоящая Тайра предпочла маскироваться с помощью трав-трансформингов. Ей наверняка проходу не было от жаждущих сорвать такой прекрасный цветок, оборвать ей и лепестки, и крылышки.

Она раскачивалась, пригорунившись, на вытащенной из стены веточке

«вьюнка», а над ее златокудрой головой виднелось углубление свежезаросшего, но еще не до конца сомкнутого разлома высотой с девятиэтажку, отличавшегося от остальной стены более ярким и частым плетением «вьюнка».

При нашем появлении Тайра подняла голову, смахнула слезинку с розовой щеки.

— За мной, да?

— Ты не рада? — Из раскрытого клюва ворона раздался вместо карканья вполне человеческий голос.

— А чему радоваться, некромант? — всхлипнула прекрасная девичья душа. — Ты вытащишь меня отсюда даже против воли, поселишь в недозревшее растение, да еще и в подземелье. Я не смогу ни говорить, ни слушать, ни смотреть. Это хуже одиночной тюремной камеры. Разве не могу я остаться здесь хотя бы до тех пор, пока моя маргисса созреет?

— Не можешь. Твоих рук дело? — Ворон, подлетев к разлому, уцепился за край когтями и сложил крылья.

Я же бесстрашно повисла в воздухе, раскинув крылья. Удобно, словно в огромной молочной ванне лежишь.

Тайра взглянула на полузаросшую трещину, пожала плечами.

— Моих. И что? Я пыталась помочь сестре. Ведь все айэ — сестры и братья.

Вот дура. Если бы я тогда ударилась виском посильнее, никто бы не спас. А у нас одно тело на троих.

— На двоих, — стрельнула в меня глазками златокудрая фея, показывая, что мои мысли для нее — открытая книга.

Нечестно. Я ее мыслей не слышала, а ведь мы одно тело делим!

— Не получилось? — почти ласково спросил ворон.

— Я не ставила целью сломать твой блок, Ворон. Я же не сумасшедшая, чтобы выпускать такую силу, которая может разрушить сосуд наших душ. Мне нужно было выяснить, жива ли душа Тиррины и можно ли ее спасти.

— Выяснила? — Голос Дэйтара стал еще ласковее.

Тайра поежилась, с опаской покосившись на черную птицу.

— Да. Она... я... Она сбежала.

— Как — сбежала? — Ворон даже клювом клацнул.

— Ее тут нет, но она была. Я видела. Эта тварь вылезла, едва меня не убила и сбежала из нашего тела!

— То есть как сбежала? Куда? — изумилась я.

Изумрудные глаза сверкнули на меня.

— Туда, куда Тиррина и хотела, — в твой мир. В твоё тело.

— Что?! Зачем?

— Откуда я знаю? Она мне лишь сказала, что пусть теперь тебя казнят за убийство, не жалко, а она сматывается. Некромант, ну ты же можешь прочесть остаточные следы! Ты же не просто некрмант, ты — Ворон Орияр, Черное Око, ловец душ. В конце концов, ты почти демон. Ты же можешь её найти, поймать и вернуть!

Ворон склонил голову набок, блеснул необычным для своей породы серым оком, словно алмазом.

— Зачем?

Тайра всплеснула изящными ручками:

— Как — зачем? Тиррина — единственный дракон, оставшийся в Айэре! Это будет безвозвратная потеря для нашего мира!

— И что готовы заплатить айэ, чтобы я вернул вам дракона?

— Это нужно с королевой Зим говорить.

Ворон насмешливо каркнул. И снова перешел на речь:

— А королева Весны не знает?

Тайра ошеломленно моргнула и покраснела.

— Откуда ты... С чего ты взял?

— Стала бы Зим так хлопотать ради простой айэ!

— Я еще не королева. Еще не унаследовала силу, и вряд ли унаследую.

А вот если выйду замуж и рожу дочку от мага, то она уже может стать королевой Воздушной Весны.

— А Тиррина должна была стать королевой Лета?

— Огненной королевой Лета, — уточнила златовласка. — В старину айэни различались не только по четырем временам года, но и по четырем стихиям.

— Шестнадцать сил Айэры, — кивнул ворон.

— Сейчас осталось всего восемь, если не считать меня и Тиррину, но Тирра сбежала, — вздохнула Тайра и покосилась на меня. — Мне очень жаль, Тамара, но не в моих силах было её задержать. Тебе некуда возвращаться.

Мне надоело висеть в пространстве, и я взгромоздилась на край разлома рядом с вороном.

— Если это правда, то теперь я хотя бы знаю, что мое родное тело в целости и сохранности. Не стала бы Тирра прятаться в разложившийся труп. Надеюсь, папа упечет любимую дочку в больничку, где её излечат от мании величия и агрессии. У нас отличные психиатры.

Стрекозиные глазки оживленно заблестели. Бедная фея, совсем её

драконица запугала! Но ворон испортил веселье:

— Если Тайра не лжет и Тирра действительно сбежала, это удобный способ заставить меня самого снять блок.

— Но вы же все равно собирались это делать?

— Только после того, как переселим Тайру. Пора, принцесса Весны, вашей душе занять другой сосуд.

Взметнулись огромные, во все небо, черные крылья. Такие огромные, что свет померк у меня в глазах.

И я очнулась.

А в голове еще звучал нахальный голос некроманта: «После такого интимного полета наших душ, дорогая мэйс Тома, вы, как честная девушка, просто обязаны выйти за меня замуж».

Эпилог

Я очень странно себя чувствовала после того, как некромант и менталисты провели, по сути, обряд экзорцизма и изгнали из меня душу Тайры Вирт, переселив ее в растущий организм маргиссы. Очень одиноко. Как будто чего-то не хватало.

Но вот что интересно: знания о Счастливой Подкове, северных болотах и жизни дочери рыцаря будто бы остались, как подарок. Не такие яркие и подробные, как в те дни, когда во мне жила душа северянки, но они были и всплывали в нужный момент. Даже знания айэ, которые я нигде не могла вычитать, словно кто шептал в ухо. Например, какие травы будут полезны для выращивания боевых петухов.

Соприкосновение наших душ с Тайрой не прошло бесследно.

Как и с чудовищной душой Тиррины Барренс. От нее мне тоже остались путанные воспоминания о ее жизни, полной ненависти и одиночества. Я бы с удовольствием избавилась и от этих крох.

Ворон в тот же день по велению короля разрушил магический блок, высвободив связанные силы в теле Тиррины. Именно тогда я убедилась, что права матушка Зим: магия — это прежде всего душа. А я не маг. Высвободившиеся силы — огненной айэ и черной некромантии — махнули двумя крылами за моей спиной и развеялись. Я не смогла их удержать.

И это окончательно убедило короля (после свидетельств менталистов и еще двух некромантов, кроме Дэйтара Орияра), что душа графини Барренс действительно ускользнула от правосудия. Она бежала, испугавшись расплаты за убийство собственной семьи во время инициации дракона, за поджог дома и смерть десятков слуг.

Разбирательство менталистов и некромантов с остатками ее памяти показало, что инициация произошла после ссоры с родителями, запретившими ей возвращаться в столицу под чары айэни Зим. Слишком поздно они узнали, что происходит с их пятнадцатилетней дочерью.

Еще я узнала, что Дэйтар был там в тот день: его вызвал в последний момент на помощь умирающий граф Барренс. Ворон уже никого не мог спасти, но остановил рвущегося в мир, обезумевшего от огня и крови дракона и наложил тот самый блок.

Но маги так и не выяснили, почему именно моя душа оказалась захвачена и перенесена в тело Тиррины и когда это случилось — в момент катастрофы или после. Это могла сказать только сама девушка. Но где и,

главное, как ее теперь искать?

Король казался очень разочарованным этим обстоятельством.

А Ворон казался разочарованным тем, что так и не узнал, зачем же айэ рвались в Орияр-Дерт. Он забыл вовремя поинтересоваться у Тайры, а теперь нужно было ждать неизвестно сколько времени, когда маргисса вырастит ее тело, и оно заговорит.

Закат я встретила спокойно, за ужином, накрытым на четверых.

Присутствовали его величество Артан Седьмой, его сиятельство Дэйтар Орияр, его магейшество магистр Нейсон, который, впрочем, откланялся после первой перемены блюд, и домоправительница без ключей, то есть я. Ключи мне так никто и не вернул, но они лежали с краю стола на серебряном подносе.

— Поздравляю, мэйс Тамара! — Король поднял бокал с легким белым вином, поданным к мясной закуске. — Вы теперь единственная хозяйка вашего восхитительного тела.

Не только меня покорило от этой неуклюжей фразы. Ворон даже вилку до рта не донес и опустил со стуком на край тарелки.

— Остается вернуть лицо, — невозмутимо добавил монарх.

— Оно само вернется через два с половиной месяца, ваше величество, — сказала я. — У меня нет состава для обновления внешности.

— Увы, мы не можем столько ждать. Мои целители применяют противоядие, снимающее действие трансформингов. Крайняя и болезненная мера, применяемая обычно при поимке преступников, но необходимая, потому что вы немедленно выходите замуж, мэйс.

Я в этот момент подносила бокал ко рту. Рука у меня дрогнула, голос тоже.

— Что значит немедленно? За кого?

— За графа Орияра, разумеется. Он не возражает принять обратно беглую невесту. Закончим начатое две недели назад, графиня.

Две недели? Святые Небеса! Да у меня целая жизнь прошла!

— Но я не графиня Барренс!

— Отчего вы так решили? Ничего не изменилось, мэйс, кроме того, что нам теперь известно все с вами случившееся. Считайте, что я узаконил ваше присутствие в нашем мире и наградил вас графским титулом, освободившимся после бегства настоящей наследницы, а также землями графства и всем имуществом рода лорда Барренса. Теперь вы с полным правом можете носить это имя и пользоваться всеми полагающимися привилегиями, к которым добавилось право наедине обращаться ко мне на

«ТЫ».

Дэйтар скрипнул зубами, но не возразил, прекрасно понимая, что Артан Седьмой только играет в брата в этих стенах, а на самом деле — всегда король.

— Но почему я? — продолжала я сопротивляться. Папа говорил: никогда не отступай. Либо драпай, либо нападай.

— Вы не демон, и вы не обладаете магией, дорогая графиня. Период вашей адаптации с магией королевского Ворона будет сведен до минимума, а чем скорее брак будет подтвержден, тем быстрее мы избавим нашего возлюбленного брата и верного вассала от проклятия Хаора. Он спас вас, леди. Спасите и вы его. Толку, что он второе лицо в королевстве и с королем на «ты», если в день двадцатипятилетия сработает проклятие и все его богатство и даже молодое красивое тело достанется какому-то потустороннему древнему хрычу! Вы же слышали, демоны этому Хаору уже невесту нашли, владычицу будущую. Мы этого не допустим.

Подмигнув, эльфообразный король отсалютовал кубком и глотнул вина.

Я перевела взгляд на молчавшего Ворона. Вот если бы он встал на колено и попросил моей руки, это не вызвало бы у меня такой бури протеста. Но он молчал. Даже в глаза не смотрел, змей пернатый!

— Я хотела бы знать, что на самом деле произошло с вашими невестами, милорд.

— Вам нечего бояться, леди Тиррина, — перебил меня король. — Все, что с ними случилось, было ментальным вмешательством демонов, а их проводника, голема Оллу, мы уже выловили и уничтожили.

Мы. Наш прекрасный монарх стоял в безопасности за двойным щитом, а вылавливали голема и уничтожали маги Дэйтара во главе с графом. Хотя, если бы не король, на голема не вышли бы.

— Она имеет право знать, Артан, — ожил наконец Ворон. Он по-прежнему не смотрел на меня, а на скулах играли желваки, когда он рассказывал: — Первая невеста сбежала к демонам вместе с лекарем моего отца, договор аннулирован. Вторая сошла с ума, считала себя демоницей, договор аннулирован, девушка в лечебнице. Третья пыталась меня опоить любовным зельем, договор аннулирован, девица возвратилась туда, откуда ее взяли, — в монастырь, и там повесилась. Последняя, четвертая, бежала, еще не дойдя до алтаря, договор аннулирован.

Он вскинул на меня полный иронии взгляд.

— Какой кошмар! — воскликнула я. — Вот не везет! Так и комплекс неполноценности можно получить.

— Не без вашей помощи, графиня. — Дэйтар поднял бокал, отпил и улыбнулся. — Так вы согласны выйти за меня замуж? Или... продолжим игру в экономки?

Король не дал мне ответить.

— Никаких экономок, Дэйтар! Если графиня откажется от роли твоей невесты, ей будет предложена роль моей фаворитки, — заявила эта эльфийская морда. — И от такого предложения невозможно будет отказаться. Аристократка с полностью очищенной от магии кровью — такой вариант одобрит весь мой совет.

— Не весь. Я не одобряю, — возразил некромант.

Молодец! Правильно! Стать королевской шлюхой? Да никогда! Пусть забирает себе Лин, ей не привыкать.

И не могу же я оставить тут моих боевых петухов. А Лаори-Эрль как же? Башня, которую надо как-то излечить? У меня тут еще куча дел!

— Я так и не видела наш брачный договор, милорд, — во все зубы улыбнулась я графу.

Серые глаза смеялись, когда граф убрал с подноса ключи и, взяв лежавший под ними сложенный лист бумаги, протянул мне.

— Извольте, миледи.

— А чем подписывать? Кровью?

В руке Ворона появилось перо. Воронье, черненькое. Я черкнула завитушку на салфетке. А чернила в нем были красные, как злые пятна на королевских щеках.

— Подождите, леди. Нужны два свидетеля.

Тут же, словно караулили за дверью, вошли дворецкий и лекарь. И с умилением наблюдали, как я внимательно читаю, а потом вычеркиваю один пункт, вписываю другой и подписываю договор. Как Дэйтар, вырвав документ из рук, перечитывает, бесится, но соглашается и ставит печать, а оттиск вспыхивает колдовским светом.

И у меня стойкое дежавю. И ощущение, что снова вылезет откуда-нибудь демон или дохлая ундина. Но Дэйтар, встав на одно колено, надел мне на палец фамильное кольцо-артефакт, поцеловал руку, и ощущение тут же пропало.

— Теперь в нем усилена ментальная защита, не пробьют, — сказал граф. — Спасибо, что сказала «да».

— Спасибо, что согласился на поиски, — еле слышно поблагодарила я.

Он мог отказаться. Даже король не стал требовать, чтобы Ворон нашел и приволок ему настоящую Тиррину Барренс. Но одна только мысль, что она заняла мое место рядом с папой и мамой, заставляла мое сердце

замирать от бессильного гнева.

Возвращение облика и обряд назначили на завтра. Из положенных для брачного обряда трех месяцев и до двадцатипятилетия Ворона у нас осталось два с половиной, чтобы принять друг друга, и я всеми фибрами души чувствовала, что они будут непростыми. Вряд ли демоны будут ждать, сложа лапы и хвосты.

Я вышла из зала невестой графа, но все еще мэйс Тайрой для всех, кроме посвященных в обряд. Поэтому кольцо я повернула камнем вниз и сжала кулачок, чтобы никто даже случайно не увидел.

В моей гостиной творился бедлам. Кенз гонял чай с Белинкой и рассказывал что-то настолько смешное, что девчонка от души хохотала.

Увидев меня, рыцарь вскочил на ноги, а рядом с его сапогом я заметила внушительный кожаный мешок.

— Мэйс Вирт! — Весь облик славного малого лучился счастьем. — Вы живы, я даже не сомневался!

— А что со мной могло случиться? — пожалала я плечами и приподняла левой рукой амулет, висевший на груди.

— Так ведь закат давно был!

— Так, Кенз, зайди-ка в кабинет.

Рыцарь, с трудом подняв звякнувший металлом мешок, поволок его в нашу сокровищницу — тайник, обнаруженный мной за книжным шкафом.

— Пять тысяч, мэйс! — восторженно выдохнул Кенз. — И Лин разорена. Слышали бы вы, как она бесится!

— А скажи, дружище, в замке теперь все уверены, что я точно доживу до завтрашнего вечера?

— Процентом на восемьдесят, — прикинул Кенз. — Кое-кто еще надеется, что ночь вы не переживете.

Я украдкой потрогала кольцо-оберег. Ни за что его не сниму.

— Тогда утром, когда все убедятся, что я еще жива, принимай ставки, что госпожа экономка не доживет до следующего заката.

Пройдоха мгновенно насторожился.

— Что-то должно произойти?

— Да, Кенз. Мэйс Тайра Вирт станет сомнамбулой и будет спать в лаборатории милорда. Как ты понимаешь, милорд не может позволить, чтобы какая-нибудь Лин или Тимусия помыкала спящим телом достопочтенной дамы и дочери рыцаря.

В зеленых круглых глазах Кенза светилось полнейшее непонимание.

— Я тайно уезжаю, сэр рыцарь, — пояснила я.

— Ну понятно, после такого-то... А как же наши петушки?

— Я думаю, они понравятся невесте графа Орияра. Только никому ни слова насчет невесты! И никакого тотализатора!

— Почему? — искренне огорчился парень.

— Во-первых, без меня нечестно. Во-вторых, распугаешь тут мне слуг. Они же грозились всем скопом уволиться!

Ох и сложно будет мне исправлять то, что натворила в Орияр-Дерте Тиррина Барренс...

— Что? — недобро сузились зеленые глаза. — Гадюка возвращается?

— Она уже без яда, Кенз. Ну, прощай. Ты славный парень. Может, и не увидимся уже.

Я махнула рукой, забыв о помолвочном кольце. Сверкнул ослепительный бриллиантовый сполох и выдал меня с головой. Кенз прищурился, понимающе усмехнулся и поклонился:

— Увидимся, госпожа!